

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок

О. Д. Ерныхова

КАЗЫМСКИЙ МЯТЕЖ
(Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.)

Второе издание, дополненное

г. Ханты-Мансийск
2010

УДК 94 (57)
ББК 63.3 (253.3)
Е 75

Научный редактор: *С. В. Лазарева*

Ответственный редактор:

В. Н. Ерныхова – кандидат филологических наук

Рецензенты:

В. И. Сподина – кандидат исторических наук

Т. А. Молданова – кандидат исторических наук

ISBN 978-5-9611-0042-6

Ерныхова, О. Д.

Е 75 Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. – 2-е изд., доп. – Ханты-Мансийск, ИИЦ ЮГУ, 2010. – 214 с.

Казымское восстание 1933–1934 годов – первый пример организованного сопротивления коренных народов Остяко-Вогульского национального (ныне Ханты-Мансийского автономного округа): хантов и ненцев против проводимой политики советской власти, которое до сих пор является «белым пятном» в истории Сибири. В книге рассказывается о мероприятиях советской власти на Обь-Иртышском Севере по созданию системы административного управления и решению вопросов социально-экономического развития, поскольку это является основой для понимания событий на Казыме.

Книга предназначена для историков, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся историей Югры.

УДК 94 (57)
ББК 63.3 (253.3)

ISBN 978-5-9611-0042-6

© О. Д. Ерныхова, автор, 2010
© Югорский государственный университет, 2010
© Оформление, ООО «Доминус», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ОБЬ- ИРТЫШСКОМ СЕВЕРЕ ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	8
Глава 2. КАЗЫМСКАЯ КУЛЬТБАЗА – ФОРПОСТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	17
Глава 3. ПРИЧИНЫ КАЗЫМСКОГО ВОССТАНИЯ	39
3.1. Изменение размеров налогообложения как одна из причин Казымского восстания.....	39
3.2. Принудительные меры к комплектованию учащихся школы-интерната как одна из причин волнений коренного населения	46
Глава 4. ВОЛНЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА КУЛЬТБАЗЕ – ПЕРВЫЙ ЭТАП ВОССТАНИЯ	51
Глава 5. СОБЫТИЯ НА ОЗЕРЕ НУМТО – ВТОРОЙ ЭТАП ВОССТАНИЯ.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85
ПРИМЕЧАНИЯ	89
ПРИЛОЖЕНИЯ	94
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	189
ИЛЛЮСТРАЦИИ	191

ВВЕДЕНИЕ

Казымское восстание 1933–1934 годов, которое советскими судебными органами было названо «контрреволюционным вооруженным выступлением против советской власти туземцев Казымской тундры», в значительной степени является белым пятном в истории Сибири. В советской историографии оно упоминалось лишь в нескольких статьях и в диссертации В. В. Веселкиной на соискание ученой степени кандидата исторических наук¹. В этот период истории Казымское восстание, как, впрочем, и все мятежи против советской власти (например, крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921 года² и т. д.), интерпретировались исключительно с позиций правившей коммунистической партии. Значительная часть документальных источников находилась на секретном хранении и была недоступна исследователям. Все статьи и монографии того периода, касающиеся истории коренного населения России, носили исключительно апологетический характер. Рассказывая, какие поистине «сказочные» изменения произошли в судьбе малочисленных народов Севера после октябрьского переворота, и делая акценты только на достижениях и успехах, советские историки не говорили об оборотной стороне медали.

Начало 90-х годов XX столетия ознаменовалось глубоким переосмыслением многих этапов и проблем отечественной истории. Закономерно, что в их ряду оказалось и это трагическое событие в жизни Ханты-Мансийского автономного округа.

Серьезным шагом на пути объективного изучения истории коренных народов Обского Севера является публикация документов. Особую ценность в этом отношении представляет сборник документов из истории национально-государственного строительства (1822–1941) «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера». В нем представлены уникальные материалы 70 фондов центральных архивов, а также архивов Омской, Свердловской и Тюменской областей. В сборник вошли 136 документов, среди них ранее находившиеся на секретном хранении в РЦХИДНИ,

которые впервые вводятся в научный оборот. Сборник документов сопровождается вводной частью, которая наиболее объективно отражает историческую ситуацию периода советизации данной территории. Написана она редактором данного сборника – д. и. н., профессором Д. И. Копыловым.

Что касается историографии Казымского мятежа, в последнее время появился ряд изданий, посвященных этой теме. В 2003 году Новосибирским издательством «Сибирский хронограф» было выпущено в свет первое издание данной книги, настоящая публикация этой же монографии уже вторая, дополненная новыми документами и фактами. В период 2003–2010 гг. появились также опубликованные исследования зарубежных исследователей.

В 1995 году в журнале «Югра» была напечатана статья краеведа Г. Тимофеева «Казымская трагедия»³, в которой автор пытался выяснить причины восстания.

Затем вышла монография А. В. Головнева «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров»⁴. Одна глава этой книги полностью посвящена Казымскому восстанию. Эта работа наиболее полно и последовательно освещает весь ход событий, но автор не касается причин восстания и избегает каких-либо оценок. Источниковой базой его исследования явились документы, опубликованные в сборнике документов «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера», материалы из фондов Березовского музея.

В «Ежегоднике Тюменского областного музея» за 1999 год вышла статья А. С. Пиманова и А. Н. Пиюкова⁵, освещающая первый период восстания – события на культбазе. В работе использованы документы архива Тюменского регионального управления ФСБ РФ и ГА СПИТО. Это, безусловно, придает исследованию научную ценность. В данной работе лишь косвенно указываются причины восстания, впервые приводятся личностные характеристики лидеров движения.

Наиболее значимым исследованием можно назвать труд доктора фольклористики Арта Леэте из Эстонии «Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти». Исследование Арта Леэте разбито на три большие части: первая посвящена обзору общественных процессов, связанных с

коренными народами России 20–30-х годов XX столетия. Вторая глава – реконструкции событий Казымского восстания, третья посвящена анализу узловых проблем данного мятежа. Арт Лезде в своей работе постарался привести множество источников: использованы полевые и архивные материалы, привлечена как научно-исследовательская, так и художественная литература. Достоинством работы было использование материалов различного направления, которые позволили автору при тщательном критическом анализе сделать выводы о правдивости источников и привлечь внимание к «трактовке узловых моментов Казымской войны»⁶.

Целью же нашей работы является выяснение причин Казымского восстания. Было ли оно вызвано недовольством всей системой советской власти, отдельными конкретными направлениями государственной политики или действиями местной администрации.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: выявить, собрать и ввести в научный оборот новые неопубликованные материалы, проанализировать проблему с разных точек зрения во избежание односторонних и упрощенных оценок. В связи с указанными целями и задачами перед нами возникла необходимость переосмысления и новой оценки уже известных и описанных в историографии событий, ставших предпосылками Казымского восстания. В первую очередь, это вопросы проводившихся на Обь-Иртышском Севере в 20–30-е годы XX века административных, социально-экономических преобразований, которые являются основой для понимания трагических событий на Казыме. Требуют также пересмотра и хронологические рамки восстания, поскольку начало развития событий датируется 1931 г.

Источниками данного исследования явились документы, опубликованные в сборнике «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера», документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, архивных отделов администраций Березовского и Белоярского районов, архивного фонда Государственного музея Природы и Человека и Березов-

ского историко-краеведческого музея. Впервые публикуются фотографии из фондов Государственного музея Природы и Человека и Казымского этнографического парка-музея под открытым небом.

В книге имеется пять глав и десять приложений, в которых публикуются документы, приводимые в соответствии с рекомендациями «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Каждый из них имеет редакционный заголовок, сведения о месте и времени его написания, подпись авторов и легенду. Тексты публикуемых документов переданы в соответствии с современной орфографией с сохранением стилистических особенностей оригинала. Явные грамматические ошибки, очевидные искажения персоналий и географических названий исправляются без оговорок. В случае, когда смысл не ясен, дается примечание: «Так в тексте».

История Казымского восстания легла в основу дипломной работы автора по истории России, выполненной в РГПУ имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Особое спасибо и слова признательности автор выражает к. и. н. И. А. Лапиной – научному руководителю дипломной работы. Автор искренне признателен всем, кто помог нам в работе и в издании этой книги: научному редактору С. В. Лазаревой (заместителю директора по научной работе ГМПиЧ) и ответственному редактору к. ф. н. В. Н. Соловар за внесенные критические замечания, рецензентам к. и. н. В. И. Сподиной и к. и. н. Т. А. Молдановой за дополнения и ценные советы. Автор благодарна и сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области.

Глава 1.
МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
НА ОБЬ-ИРТЫШСКОМ СЕВЕРЕ ПО СОЗДАНИЮ
СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Историю Казымского восстания невозможно представить без объяснения событий, явлений, происходивших в то время на территории всего Остяко-Вогульского национального (ныне Ханты-Мансийского автономного) округа.

Возможно, исследование административных преобразований на Обь-Иртышском Севере в 20–30-е годы поможет понять причины трагических событий на Казыме. В первые десятилетия советской власти – в то время, когда в России закладывались новые принципы природопользования, ориентированные на широкомасштабное промышленное производство, внедрялись новые ценности – происходит резкое изменение уклада жизни коренных жителей Севера.

2 февраля 1925 года постановлением ВЦИК и СНК РСФСР был образован Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, целью которого явилось «содействие в планомерном устройении малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях». Первым его законодательным документом явилось «Временное положение об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР», утвержденное декретом ВЦИК и СНК от 25 октября 1926 г. Этот законодательный акт обязывал советские органы провести на местах работу по созданию единой системы самоуправления северных народностей. Почти за год до этого Тобольским Комитетом Севера было разработано аналогичное положение, утвержденное ещё 11 декабря 1925 г. Согласно этому документу в структуре национального самоуправления были выделены две инстанции: 1) родовое собрание и родовой совет; 2) районный туземный съезд и районный туземный Совет⁷.

Северяне восприняли родовые советы как близкую им традиционную власть, поскольку система досоветского управления была выстроена аналогично. Разработанный М. М. Сперанским еще в начале XIX века Устав «Об управлении инородцами» предоставлял коренным жителям административную самостоятельность. На выборы Казымского туземного (районного) Совета, несмотря на охотничий сезон, из 1700 избирателей явилось 579 человек (34 %). Как свидетельствует совещание секретарей районных туземных советов и Тобольского окружного Комитета Севера о работе Советов от 9–11 июля 1927 года, «туземцы охотнее идут за теми или иными справками в тузсовет, где заседают их соплеменники, а не представители других наций. На райтузсоветы туземцы смотрят как на свой собственный орган власти. Члены райтузсоветов охотно посещают заседания, активно участвуют в решении вопросов, что является ценным моментом как проявление туземной общественности и самодеятельности. Объяснение в райтузсовете на родном языке той или иной народности особенно делает райтузсовет своим и родным, подтверждением чего являются такие факты, что райтузсовета не чуждаются даже женщины. Наличие в райтузсоветах русских и зырян в качестве секретарей, но знающих соответствующий туземный язык, туземцами не оспаривается. Напротив, указывая на свою неграмотность, они считают эту меру хорошей и необходимой»⁸. Как правило, председателями тузсоветов выбирали представителей наиболее авторитетной и зажиточной части населения. Советский историк М. А. Сергеев в середине 1950-х гг. утверждал, что опыт организации родовых советов «был в известной части принципиально ошибочным и не оправдал себя полностью», поскольку в качестве универсальной основы в построении советов «было принятие родового начала». Однако, как показало время, этот путь по созданию системы управления северных народностей был наиболее правильным.

Тобольским Комитетом Севера был разработан еще один важный законодательный акт, касающийся административного устройства коренных жителей, – «Временное положение об организации судебной части на северных окраинах Тобольского округа», утвержденное 5 февраля 1926 года Тобольским окрисполкомом. Данный акт возложил все полномочия по рассмотре-

нию мелких уголовных и гражданских дел на национальное управление, при этом родовой совет играл роль первой, а туз-райисполком – второй судебной инстанции. Этот законодательный акт был принят аборигенами с большим энтузиазмом и удовлетворением, поскольку в нем ханты, манси, ненцы увидели возвращение к традиционным формам судопроизводства на основе обычного права.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 сентября 1925 года «О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины СССР» малочисленные народы Севера были освобождены от всех прямых общегосударственных и местных налогов и сборов «в целях улучшения экономического положения», одновременно было прекращено взимание с них платежей по налогам и взыскание недоимок⁹. Сразу ли после октябрьского переворота был отменен ясак, или налоговая система просто не распространялась на эти территории до официального постановления, из источников выявить не удалось. Но наряду с налоговой реформой и введением налоговых льгот «была установлена арендная плата за пользование рыбоугодьями. Несмотря на то, что арендная плата была заметно ниже ясака, среди туземных жителей возникло недоумение: “арендовать угодья, которые когда-то мы сами сдавали в аренду, немного обидно”»¹⁰.

В решении вопросов социально-экономического развития властями был взят курс на кооперацию, которая лучшим образом отвечала природе северного хозяйства. Поначалу деятельность кооперации главным образом сводилась к торговле – розничной продаже товаров, полученных в кредит от государственных и кооперативных организаций. Никакой работы по восстановлению северных промыслов эта организация не вела. Весьма ограниченные средства кооперации состояли из паев, вносимых обычно пушшиной. Зона ее деятельности распространялась на несколько соседних селений и совпадала с территорией туземного Совета. По мере развития – эти кооперативы стали принимать интегральную форму. В функции интегральной кооперации уже входили снабжение, заготовка и организация туземных производств.

В результате невыгодного для рыбаков кредитования коренное население за считанные месяцы оказалось в долгу перед

потребкооперацией. Об этом свидетельствует заявление граждан юрт Мозянских (Мазямских) и Рыбацких по реке Казым Березовского района Тобольского округа в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК о бесчинствах местной власти от 18 июня 1928 года: «Казымский народ почти весь находится в долгу у госторга, он должен возратить кредиты, полученные им у него в то время, когда “все было по нормам”. Когда один фунт табака стоил 5 белок, кирпич чаю – 15 белок, 1000 пистонов – 10 белок, рубаха – 20 белок, топор – 9 белок и т. д. Это было в 1921 и 1922 гг. вот благодаря таким ценам мы вошли в долги, и они еще до сих пор числятся за нами. Хотя народ наш и небогатый, но мы не отказываемся выплатить этот долг, только просим рассрочку на три года. Госторг велит платить все в этом году и говорит, если не уплатим, то он будет отбирать, у кого есть десяток оленей, – оленей, у кого оленей нет, – юрту. Так говорят госторг и потребиловка (потребкооперация). Мы просим рассрочку. Ведь мы не виноваты, что так дешево ценили продукты наших промыслов в 1921 и 1922 гг. и так дорого в то же время ценили топоры, чай, рубахи и проч. предметы, которые продавали русские. В нынешнем году некоторым пришлось в погашение долга сдать последние постели и другие шкуры нелишние (как говорит и госторг, и потребиловка) – у нас пока лишнего нет, а именно последние, чтобы расплатиться за далекое старое с госторгом и кооперацией. Нам не верят, что у нас нет, говорят, у вас есть, да вы не хотите платить»¹¹.

Кроме того, недовольство местного населения было вызвано и тем, как проводилась приемка пушнины на факториях (лавках госторга) приемщиками. Часто у охотников не было возможности в указанные сроки сдать пушнину. В этих случаях приемщик неоправданно сбавлял цену, принимая зимнюю белку за весеннюю, с силой выдергивая мех¹². Но, несмотря на негативные явления по становлению интегральной кооперации на Севере, она сыграла огромную роль в организации местного рынка.

В связи с необходимостью решения вопросов по «хозяйственному устройению коренных народностей Севера» началась работа по земле-, водоустройству, учитывающая жизненные интересы и традиции северян программе, которая получила широ-

кое обсуждение на общих собраниях местного населения. По инициативе Комитетов Севера на северные территории были посланы многочисленные экспедиции по изучению недр, почвы, леса, животного мира, быта и жизни северян. Процесс освоения Севера на начальном этапе советизации зачастую шел путем проб и ошибок. Но это было лучшее время для коренных национальностей Обь-Иртышского Севера, т. к. не было никакого давления со стороны властей на саму личность аборигена.

Однако в 1929 году был изменен политический курс, выбрана установка на форсированное строительство социализма (коллективизацию и индустриализацию). В результате процесс национально-государственного строительства на северных территориях был прерван.

10 декабря 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»¹³: об образовании округов, в том числе и Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) национального округа. Это событие было преподнесено властями как огромное достижение советской национальной политики. Реформа начала 30-х годов, формально провозгласившая создание национальной государственности, на самом деле лишила северные народности всякого самоуправления. Власть на всех уровнях окружных структур оказалась в руках партийной и советской бюрократии, преимущественно русской. Наряду с этим были упразднены как местные Комитеты Севера, так и Комитет Севера при ВЦИК – основной государственный орган, формировавший сбалансированную политику в отношении малочисленных народов на Севере. Советский историк М. А. Сергеев в своей монографии «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» объясняет это явление тем, что после образования округов «особая опека над народами Севера была признана ненужной»¹⁴.

Становление новой системы власти сопровождалось ликвидацией органов самоуправления. Разворачивавшемуся на Севере социалистическому строительству родовые советы были не нужны, так как они создавались по родовому принципу и во главе их находилась наиболее авторитетная и зажиточная часть населения. Это противоречило самой идее непримиримой клас-

совой борьбы. Система национального самоуправления была названа неправильной, и родовые советы были заменены территориальными, которые опирались уже на беднейшие слои населения. Однако эти Советы, в составе которых имелся значительный процент аборигенов, существенной роли в жизни округа не играли.

Для того чтобы в состав вновь созданных советов не попал «классово-чуждый элемент», многие просто лишались избирательных прав. Основания для попадания в такой список были разные, но в основном в документах значилось: «шаман», «кулак», «держал батраков – эксплуататор». Вместе с главами семей избирательных прав лишались родители, жены, совершеннолетние дети. Лишение избирательных прав происходило на основании постановления объединенного собрания тузсовета и групп бедноты, которые должны были систематически подавать списки «лишенных» в районные избирательные комиссии и в райисполком. Известно, что на собраниях эти списки не единожды прорабатывались и часто постановление о лишении избирательных прав собраниями аборигенов производилось необоснованно. В «черный список» нередко попадали те, кто нанес какие-либо обиды присутствующим на собраниях. Иногда достаточно было даже наличия бубна у северянина, чтобы главу семьи вместе с домочадцами вписали в разряд шаманов¹⁵. Тузсоветом выписывалась справка о том, что владелец данного документа – шаман. Подобная справка выдавалась всем членам семьи, в ней отмечалось, что они находятся «в материальной зависимости» от главы семьи и, следовательно, являются лицами, лишенными избирательных прав.

Надо отметить, что по постановлениям свыше избирательных прав лишались шаманы как служители культа, т. е., по сути, те шаманы, которые имели доход от своей деятельности. Понимая это, многие ответственные работники пытались разграничить шаманов на некие разряды, например на служителей культа и «домашних ворожей». Об этом свидетельствует информационная сводка № 4 «о ходе чистки партии» по Березовскому району от 15 декабря 1933 года: «Были случаи извращенного руководства. В Ломбовожской кандидатской группе и Саранпаульской ячейке прокурор Уревич и заместитель председателя РИКа

Игнатов дали согласие на выборы в Совет шаманов, мотивируя тем, что они не массового порядка шаманы и не служители культа, а домашние ворожеи. В результате как в Саранпауле, так и в Ломбовоже в прошлые перевыборы в Советы сознательно были выбраны шаманы. В Ломбовоже шаман в нынешние перевыборы переизбран в Совет снова»¹⁶.

Действительно, трудно было провести четкие границы между шаманами – служителями культа и рядовым населением, т. к. представители советских реформ скорее всего не имели ясного представления о религии местного населения. Но поскольку традиционные верования и обряды обских угров (как и другие проявления религии) подлежали запрету согласно государственной идеологии советской власти, становится ясно, что это тоже была своего рода репрессивная политика советского государства по отношению к местному населению. Можно сколько угодно спорить о том, каков был социальный статус шамана в роду и его положение жреца в обществе у обских угров, но на основе сравнительного анализа камланий у разных народов Севера еще на рубеже XIX–XX веков финский ученый К. Ф. Карьялайнен делает вывод о том, что шаманизм у обских угров – это не религия жрецов и князей, а мировоззрение народа¹⁷. Отсюда следует, что у хантов и манси шаман не играет особой интегрирующей роли в обществе и не является так называемым представителем культа. Мы придерживаемся именно этой точки зрения.

Между тем, судя по документам, в тот период существовала специальная окружная комиссия, которая рассматривала, по мере поступления, заявления от граждан по восстановлению их в избирательных правах. К заявлению, как правило, прилагались различные документы: анкеты и справки от советов, подтверждающих в настоящем социальное положение и т. д. Надо сказать, что в архивных документах не найдено ни одного заявления от представителей коренной национальности Казымской территории, вероятно, они либо не обращались в эти комиссии из-за полной неграмотности, либо не знали, что таковые вообще существуют.

Наряду с ограничением прав зажиточной части населения и наступившими реформами в России началась коллективизация

сельского хозяйства. Среди советских историков, занимавшимися вопросами коллективизации сельского хозяйства, было принято считать, что «кооперация 1920-х годов подготовила почву коллективизации». На самом деле осуществление кооперативного плана и сталинская коллективизация на Севере – явления разного порядка. На Обь-Иртышском Севере коллективизация в форме «наступления социализма по всему фронту» началась гораздо позже, чем в южных районах России. В марте 1929 года IV расширенным пленумом Комитета Севера при ВЦИК было принято решение «О практическом проведении в связи с реконструкцией хозяйства и жизни малых народностей начала коллективизации». Общей задачей коллективизации было всестороннее преобразование отсталого промыслово-оленоводческого хозяйства, его техники, экономики, производственных отношений, общественной формы. Сразу же стали создаваться хозяйства с полным обобществлением оленей, промыслового инвентаря. Как заметил ученый-северовед А. Пика в своей статье, исследуя начальный период советизации вообще всего северного сообщества в России: «Такие формы обобществления средств производства в глазах северных аборигенов выглядели особенно бессмысленными. Сам трудовой процесс в пушном промысле – охота на белку, соболя, песца – почти всегда индивидуален по своей природе. Обобществление оленей рушило все устои традиционного миропонимания кочевников. Этнографы нашли у всех скотоводческих народов глубинные культурные и психологические представления о личной духовной связи человека с одомашненными животными. В рыболовстве обобществление средств производства выглядело вроде бы вполне логично, так как ловля рыбы на крупных реках требует коллективного труда, но именно тут у северных народов сложились издавна свои традиции кооперации, а люди общиной или артелью ставили запоры, ловушки, сети коллективно без всяких колхозов. Что тут могла добавить коллективизация, кроме того, чтобы отобрать полугнилые веревочные сети у тех, кто их имел, и передать тем, у кого их не было?»¹⁸.

Несмотря на вескую защиту Комитетов Севера в вопросах коллективизации, в этот период (начало 30-х годов) политика советской власти характеризовалась неоправданным сбором на-

логов у коренного населения в форме твердых заданий, конфискацией имущества у богатых. Наряду с этим властями практиковалось внедрение фиксированных норм сдачи оленей, рыбы и пушнины, а также организация на первых порах простейших производственных объединений, которые позже были реорганизованы в колхозы. Как свидетельствует протокол заседания Уральского Комитета Севера, все реформы проводились без учета экономических особенностей северных хозяйств и с большими злоупотреблениями со стороны советских органов власти. В частности, в этом документе говорится: «Не давая отпора национальному шовинизму, общенациональные РИКи Севера все еще не уделяют должного внимания туземной работе, отодвигая ее на задний план. В силу этого в сельсоветах со смешанным населением (Саранпауль) и даже в тузрайисполкомах (Сосьва) имеют место игнорирование и нарушение интересов туземных масс (передача используемых туземцами угодий русско-зырянскому населению, недоснабжение туземцев продтоварами), что не только не способствует изжитию национального антагонизма, но и наоборот приводит к его обострению, а в отдельных случаях и к эксцессам (Сосьва)»¹⁹.

Надо заметить, что на обширной территории проживания северных народностей властям трудно было контролировать все преобразования советской власти, поскольку большая часть населения была рассредоточена на сотни километров, отсутствовала развитая система путей сообщения. Для того чтобы проводить все нововведения в гуще коренного населения, необходимо было найти некий рычаг, который помог бы воплотить в жизнь эти преобразования. И решение было найдено. Комитет Севера при ВЦИК постановил строить некие поселки, которые могли бы стать центрами культурно-просветительной работы, а вместе с тем быть и контролирующим органом в деле проведения коллективизации. Для осуществления поставленных задач по решению Комитета Севера ВЦИК в марте 1930 года на территории Остяко-Вогульского национального округа в бассейне реки Казым была создана Казымская культбаза, которая стала одним из первых на Обском Севере центров культурно-просветительной работы среди коренного населения.

Глава 2.

КАЗЫМСКАЯ КУЛЬТБАЗА – ФОРПОСТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Представить этнокультурную, социально-экономическую и демографическую характеристику Казымского региона к началу XX века поможет небольшая историческая справка.

Река Казым – правый приток реки Оби. Ее исток находится в западной части Сибирских Увалов южнее озера Нумто. Здесь же берут начало реки Надым, Пим и Тром-юган. Казым имеет притоки, из которых наиболее значительны Амня и Помут. Бассейн реки Казым – место древних кочевий казымских хантов. По мнению В. М. Калинина и Н. К. Фролова, название, видимо, восходит к обско-угорскому слову «кас» – «утка-крохаль», родовой тотем части западных хантов. Таким образом, гидроним Казым – утиного рода река²⁰. Имеются и другие гипотезы происхождения данного гидронима.

К началу 20-х годов XX века в национальном отношении местное население было представлено хантами (остяками), ненцами (самоедами) и коми-зырянами. Основное население составляли ханты, которые занимали почти весь бассейн р. Казым. Ненецкое население кочевало в восточной части близ озера Нумто по бассейнам рек Пини-егана (приток Надыма) и истоков Надыма. Коми со всеми стадами оленей кочевали в северо-восточной части, в верховьях реки Сорума. На Казыме ханты, ненцы, коми не жили вместе в отдельных посёлках, подобно приобским хантам. Их юрты, чумы разбросаны по одному-два, очень редко по три-пять по всему бассейну Казыма. Одна-две (редко три-семь) юрты образуют населенный пункт, который обычно носит название той местности, где он находится. Например, Сойм юхан кэрт – «поселение у ручья», Малаң вэри кэрт – «поселение у глубокой старицы» и т. д. Несколько таких населенных пунктов в прошлом образовывали юртовое объединение²¹.

В историческом смысле под юртовым объединением было принято понимать совокупность нескольких маленьких насе-

ленных пунктов, имевших условно ограниченную территорию. Во главе такого юртового объединения стоял представитель сильнейшего рода. Эти издавна существующие единицы создавались на родовых началах. В Юильском объединении жили почти исключительно семейства, имеющие фамилию Молдано-вых, в Амнинских – Ерныховых, Каксиных, Тарлиных. Позже с 1930 года постановлением Казымского тузсовета и Березовского райисполкома юртовые объединения были упразднены, хотя фактически они существовали до 1934 года.

Что касается традиционных верований казымцев, то небольшая часть, а точнее ханты Приобской полосы казымского региона, ещё в первой половине VIII века приняли под страхом оружия христианское вероисповедание, но тем не менее остались язычниками, поклоняясь своим богам. Русскоязычная администрация и церковь почти бесследно искоренила национальные имена, дав взамен русские, освященные православной церковью, например Василий, Семен, Евдокия, Ульяна и т. д. Христианская религия дальше этой обрядовой стороны не привилась и какого-то более глубокого следа не оставила.

Поскольку немаловажным для данного исследования является раскрытие личностных характеристик населения этого региона, то следует вкратце остановиться и на них. А. И. Якобий в конце XIX века о казымцах писал: «На Казыме нет богатых людей, оленьих стад немного и число оленей вообще невелико, хотя оленьего ягеля достаточно для оленеводства. Казымцы отдают свои рыболовные пески с давних пор в аренду русским торговцам, и только в последнее время сами начинают неводить: они понимают положение дел и знают, что торговцы – люди неверные, ведут дела недобросовестно, выжидают – когда у инородца нужда велика, и тогда берут за все дорого. У казымцев вообще, вдали от русских влияний, сохранились следы остяцкой старины: они честны в своих обязательствах и по старому обычаю считают себя вправе требовать такой же честности от других, даже от русских торговцев!»²² Исследователь Обского Севера И. Н. Шухов об обитателях реки Казым в начале XX века сообщал следующее: «Сами же казымские остяки или “казымцы”, резко отличаются от соседних верховских и низовских остяков. Это народ трудолюбивый, выносливый, малотребова-

тельный и относительно трезвый. Несмотря на свое добродушие, казымский остяк всегда “себе на уме”. Казымские остяки мало подвергались влиянию русской культуры и это, быть может, одна из главных причин, почему казымские остяки не вымирают и живут сравнительно зажиточно»²³.

Многие исследователи Обь-Иртышского Севера отмечали в своих работах честность, трудолюбивость, порядочность, мало-восприимчивость к русской культуре казымских остяков. Эти черты, вероятно, объясняются тем, что бассейн реки Казым находился вдали от крупных торговых путей и русского влияния.

С приходом к власти большевиков в 1917 году не сразу изменились жизнь и быт казымских хантов. Так, в своем докладе от 12 октября 1921 года инструктор Березовского укома РКП(б) И. Кузьмин указывает на полное отсутствие сельсоветов, т. к. на данной территории не было ни одного грамотного человека. Не было и полного учета населения, т. к. попасть в юрты остяков, расположенные по Казыму по болотистой и лесной местности, в летнее время было очень проблематично. Само же коренное население, по информации И. Кузьмина, на одном месте не живет, постоянно кочует, и для него не существует никаких законов и приказов. Однако у аборигенов есть свои обряды, которые очень трудно искоренить²⁴.

Действительно, в первое десятилетие советской власти (1920–1930 гг.) в Казымском регионе еще не было создано ни системы здравоохранения, ни сети школ, ни надёжной ветеринарной службы.

Мало что изменилось в жизни местного населения Казымского края и к началу 30-х годов XX века. В «Экономических записках по землеустройству Березовского района» 1930 года говорится о том, что «Казымский край почти не затронут ни культурным влиянием, ни современным советским строительством. Продукция оленеводства и рыболовства в основной части потреблялась самим населением. Продукция охотпромысла сдавалась часто не на своих редких факториях, а в других районах, куда казымцы вынуждены были уходить за белкой в виду истощения пушных богатств в Приказыме»²⁵.

Эти обстоятельства затрудняли для властей выявление доходности хозяйств местного населения, а полученная в резуль-

тате обследования Казымской территории в конце 20-х гг. прошлого столетия информация позволила выявить, что средняя норма валовой доходности, в сумме 100 рублей на едока, являлась преуменьшенной, она была фактически в два раза ниже по сравнению с другими районами. Несомненно, что уменьшение зверя на Казыме, потеря казымцами своих вотчинных прав исключительного пользования крупными рыбопромысловыми участками на Оби (сора Шишӑң дор, Мӑңӑл дор и др.) не могли не отразиться на благосостоянии казымских жителей. Вопросы использования рыболовных угодий неоднократно поднимались казымским населением на различного рода собраниях. Властям казалось, что возникшую ситуацию можно исправить. Предполагалось увеличить в 4–5 раз оленьи стада, это позволило бы обеспечить хозяйственное благополучие населения. Как свидетельствовали полученные в ходе обследования территории результаты, на Казыме имелись широкие перспективы для развития оленеводства. Охотпромысел можно было бы восстановить путем организации заказника достаточных размеров в центре района. А вот рыболовство не имело особых перспектив, так как река Казым никогда не была богата рыбой. Восстановление утраченных прав на исключительное пользование рыбоугодьями по реке Обь могло быть проведено лишь частично путем выделения в Госфонд из фактического пользования приобского населения некоторых крупных угодий²⁶. Но этим смелым замыслам не суждено было осуществиться, поскольку ситуация в связи с проводившимися в стране реформами очень круто изменилась.

Коренным образом изменилась в связи с этими событиями и жизнь казымских жителей. Строительство культбазы, задуманное властями как возведение своеобразного форпоста в деле проведения коллективизации сельского хозяйства, вызовет позднее протест местных жителей, для которых она станет олицетворением новой политики «массового обобществления».

Казымская культбаза объединила в одном комплексе все виды обслуживания населения (культурно-просветительное, медицинское, организационно-хозяйственное, ветеринарное и пр.). Она расположилась в 17 километрах от устья реки Казым на левом берегу реки Амни близ Амнинских юрт. Задачи культбазы

были многогранны, но основные заключались «в поднятии культурно-политического уровня отсталых туземных народностей, в повышении их материально-экономического состояния, внедрение советизации в тундре, в работе с беднотой по отрыву ее от кулацко-шаманского влияния и экономической зависимости»²⁷. Позже эти задачи в отчете о работе Казымской культбазы за 1939 год, составленном начальником Блохиным, были сформулированы как «развитие советской культуры среди национального хантыйского населения Казымского совета, оказание им содействия в социалистической реконструкции быта и хозяйства»²⁸.

В строительстве культбазы участвовало и коренное население. Об этом свидетельствует постановление заседания президиума Казымского райтузрика от 28 февраля 1931 года. В нем, в частности, сказано, что необходимо «считать правильным вопрос о строительстве культбазы с привлечением и использованием местной туземной рабочей силы и произвести контрактацию не менее 40 человек пильщиков и плотников из остяков во всех 11 населенных пунктах тузрайона, освободив всех законтрактованных остяков от других господинностей». Предполагалось не менее 40 человек так называемых спецпереселенцев перебросить на строительство культбазы²⁹. Строительными работами на начальном этапе руководил инженер Михаил Пенин.

Как стало известно из его доклада, адресованного Комитету Севера при Президиуме ВЦИК, выбранное место для строительства культбазы «имело два недостатка: а) летом фарватер реки Амня имеет 75 см глубины, что даст возможность проходить лишь мелкосидящим судам; б) здания построены на гриве, к которой со стороны жилого дома подходит болото, находящееся в метрах 100 от здания»³⁰.

Строительство культбазы велось быстрыми темпами. Было принято решение о строительстве кирпичного завода на самой культбазе «производительностью до 10 т. ш., чтобы испытать местную глину. Она оказалась с примесью ила, почему кирпич получился посредственного качества, все же годный на неотвественные части печей»³¹. Далее инженер Пенин указывает, что в одном из зданий была построена экспериментальная глинобитная русская печь, но все же этот эксперимент нельзя признать

удачным из-за плохого качества глины, однако, этот опыт показал, что существует возможность устройства таких печей и в будущем³².

О ходе строительства Казымской культбазы и о реакции коренных жителей на это событие свидетельствует выписка из протокола № 1 общего собрания граждан юрт Юильских, Ильбигортских, Хуллорских, Амнинских, Выргимских при Казымском тузсовете от 10 января 1932 года. Из выступления Каксина Егора Ефимовича: «При постройке базы собрали народ и спросили, что вы согласитесь, нет, строить здесь город. Мы сказали, что города для нас не надо, но коли хотите – так делайте, и сделали. Потом заставили возить бревна для постройки в количестве 5500 штук. Раскладка бревен происходила не поровну. Ваське Соруму (Василию Захарову) дали 300 штук и прочих по 100 и 200 других 50–20, 15–10. Работа была в продолжение двух зим, за что оплачивалась полностью»³³.

К концу 1931 года Казымская культбаза включала в себя 14 построек: больницу, школу-интернат, дом туземца (дом народов Севера), ветеринарный пункт, показательную юрту, банно-прачечную, склады, овощехранилище, ледник и кухню, три жилых дома для работников культбазы³⁴.

Судя по воспоминаниям Аркадия Николаевича Лоскутова, 14 ноября 1931 года состоялось торжественное открытие нового поселка: открылись школа, больница, дом туземца и в целом вся культбаза³⁵. Штат Казымской культбазы состоял из 37 работников: заведующего, заместителей, библиотекаря, учителей, врача и др. Среди первых руководителей Казымской культбазы в разное время были известные на Обском Севере люди: Ф. Я. Бабкин, А. Д. Шершнев, П. В. Астраханцев, Н. Д. Дедюхин, П. М. Смирнов и др. Первыми учителями Казымской школы-интерната были Просвирнина, А. И. Шутов, В. В. Вострокнутов, А. Н. Лоскутов. Среди первых врачей на Казымской культбазе стоит отметить Башурова, Веронику Андерман, З. Н. Котову, Н. И. Зуеву и других. Для того чтобы полнее представить работу культбазы, следует раскрыть деятельность основных ее структурных подразделений, особенно в период становления Казымской культбазы, а именно школы, больницы, Казымского интегрального товарищества, Казым-

ского тузсовета, партийной ячейки ВКП(б), Дома народов Севера, краеведческого пункта и т. д.

Первым начальником Казымской культбазы был назначен Филипп Яковлевич Бабкин. Он уже имел опыт руководства Туринской культбазой (1927–1930). Она была построена на реке Тура, на Енисейском Севере еще в 1927 году для эвенкийских оленеводов. В годы гражданской войны на Енисее Бабкин командовал партизанским отрядом, и ему был присущ некий «партизанский пыл», на который указывали его современники в своих воспоминаниях³⁶. На Казымскую культбазу Филипп Яковлевич приехал в конце октября 1930 года, в период распутицы, по этой причине ему пришлось пробиваться по замерзающей реке, а последние километры даже пройти пешком до культбазы. Необходимо отметить, что события, связанные с увозом детей родителями-кочевниками из школы-интерната Туринской культбазы, имеют некоторое сходство с событиями и на Казыме. К сожалению, в архивах не сохранилось отчетов Бабкина как начальника культбазы, и по этой причине трудно делать какие-либо выводы о его деятельности. Однако, ошибки допущенные Бабкиным во время сбора детей в школу-интернат, говорят о его нежелании считаться с интересами коренного населения, и свидетельствуют о его незнании обычаев аборигенного населения. В начале 1932 года после событий на культбазе Бабкин с культбазы выехал.

Координирование работы на всей территории проживания коренного населения Приказымыя было возложено на представительный орган государственной власти – Казымский туземный (районный) совет, который был образован еще 15 сентября 1926 года с центром в селе Полноват. Название сельсовета (Казымский) возникло потому, что под его юрисдикцией находились все юртовые объединения бассейна реки Казым и юрты Приобской полосы, такие как Тугиянские, Мазямские, Пашторские и другие. В 1931 году территориально-административное районирование разделило территорию на 2 тузсовета. Казымский тузсовет был переименован в Полноватский, а на Казымской культбазе 23 мая 1931 года был вновь образован Казымский тузсовет, под юрисдикцией которого находились юрты

Амнинские, Ильбигортские, Хуллорские, Выргимские, Кислорские, Помутские, Юильские и Нумтовские.

Но работа и деятельность тузсовета началась гораздо позже, в ноябре 1931 года. Председателем тузсовета был избран Ерныхов Осип Сидорович, членами тузсовета – Ерныхов Н. И., Сангин В. М., Захаров М. С. и другие. По архивным документам деятельность этого состава тузсовета в отношении защиты прав коренных жителей можно охарактеризовать как пассивную. Он был во всем послушным воле руководства культбазы и сыграл неблагоприятную роль при наборе детей в школу.

На начальном этапе деятельность партийной ячейки на Казымской культбазе сводилась только лишь к собственной организации, поскольку она состояла из 4-х коммунистов: Бабкина Ф. Я. – начальника Казымской культбазы, Дедюхина А. Д. – заместителя начальника культбазы, Мякушко П. С. – заведующего мастерской школы-интерната и Калабиной Е. П. – работницы культбазы, которая была секретарем партячейки. Чуть позже партийная ячейка состояла уже из 6 человек. Но и эта небольшая группа членов ВКП(б) фактически никакой партийной работы не проводила, так как один из коммунистов жил в Нумто, другой кандидат ВКП(б) весь год лежал в больнице в тяжелом состоянии, 2 члена партии постоянно находились в разъездах по территории тузсовета. Перед партийной ячейкой была поставлена задача – организовать на культбазе работу по вводу политического образования, что оказалось практически невыполнимым: «Привлечь туземцев в политкружок, которые живут на культбазе, невозможно, потому что они азбучно неграмотны. В настоящее время их привлекли к ликвидации неграмотности и политкружок для них непонятен, так как по русски они говорят плохо»³⁷. Следует отметить работу, которая проводилась партячейкой культбазы среди женщин. Членом ВКП(б) Е. Л. Калабиной была создана комиссия по работе среди женщин, в которую вошли представители профсоюза, домохозяйка и одна женщина ханты. Стараясь привлечь женщин коренной национальности к участию в общественной жизни, члены комиссии занимались организацией праздников для женщин и детей, читали лекции об охране труда, проводили беседы о пользе бань, о санитарии и гигиене тела, жилища

и т. д. Об организации женского праздника рассказывает секретарь партячейки Калабина (доклад от 5 января 1933 года за 1932 год): «К международному женскому дню 8 Марта была послана нарочным одна из женщин туземок специально для приглашения по юртам туземок на женский праздник 8 Марта. Вторая объехала на расстоянии от культбазы на 100 км, и было объявлено через тузсовет, чтобы желающие женщины ехали на женский праздник, где будет устроено угощение и подарки. В результате к празднику приехало 16 туземок, часть с детьми. Всем туземкам и детям были сделаны подарки – мануфактуры на платье, было организовано питание в течение трех дней. 8 Марта вечером было проведено торжественное заседание, прочитан доклад с помощью переводчиков о правах женщин в СССР и за границей, о советских законах, был поставлен спектакль»³⁸.

В обязанности Дома народов Севера (туземного дома) на Казымской культбазе входило проведение культмассовой работы по «поднятию культурного уровня» коренного населения, одновременно это была своеобразная гостиница, где приезжающие по делам на культбазу местные жители могли разместиться на ночлег. Подсчет посетителей велся аккуратно, о чем свидетельствует выписка из материалов по проверке и изучению Березовской районной партийной организации: «Туздомом проводилась следующая работа: обслужено туземцев в январе 990 человек, в феврале 60 человек, в марте 199, в апреле 329, в остальные месяцы 45 человек. Всего 1622 человека. Во время пребывания туземцев в туздоме, с ними проводятся беседы, лекции и т. д. Имеется постоянно горячая вода для чаепития, предоставляется для ночлега койка с полной принадлежностью постели. При доме туземца имеется кружок ОСО с 27 членами, собрано средств 1671, имеется ячейка РОКК – членов 30 человек, кружок по изучению остяцкого языка – 12 человек, кружок краеведения – 18. Кроме того, при туздоме имеется радиостанция, которая имеет связь с Березово. По отношению дальнейшего расширения радиофикации культбазы ничего не делается, имеется кредит, отпущенный комитетом Севера в 6000 рублей, но последний не использован. Для развертывания радиофикации, по словам радиста Богомолова, нужны провода, батарейки,

которых недостаточно. Кроме того, при туздоме имеется кино-аппарат, но последний за отсутствием киноленты бездействует. Работа туздома в основном проходит осенью, зимой, весной, т. е. в период выезда туземцев в культбазу за продуктами, охот-припасами в товарозаготовительные организации, перед выходом на промысел и по выходу из леса для сдачи пушнины, а летом вся работа ослабляется, так как тогда притока на культбазу нет. Для развертывания культмассовой работы и обслуживания рыбаков на песках организованы красные лодки, за весь летний период было три выезда»³⁹.

Работа больницы на культбазе сводилась к профилактике и лечению больных, проведению культурно-просветительской работы. С большим трудом удалось добиться медикам посещения больницы представителями коренной национальности. В своем отчете Комитету Севера при Президиуме ВЦИК врач Башуров отмечает, что коренное население Казымской территории к строительству больницы отнеслось хорошо и благожелательно. «Лекарь – нам надо», – такими словами встречали медиков на стойбищах. Особенно привлекательным для женщин было известие о том, что в больнице медсестрой работает женщина. Однако вовлечь основную массу хантов в открывшееся лечебное учреждение было не так просто. В больницу чаще обращались мужчины, нежели женщины. После проведенных бесед несколько изменилось настороженное отношение к больнице. Медики стали наблюдать значительное увеличение обращений к врачам во время выездов на стойбища. В своем отчете врач Башуров указывает основные причины, которые тормозили организацию здравоохранения, это «огромная территория проживания казымских хантов, разбросанность юртовых объединений, слабость бюджета коренного жителя, специфический уклад хозяйства и быта». В отчете подробно описывается быт и жизнь коренного населения, но при этом отсутствует какой-либо анализ столь неадекватной реакции аборигенов на организацию лечебной помощи жителям Приказымыя⁴⁰.

Хотя официально культбаза и была открыта 14 ноября 1931 года, но деятельность больницы началась значительно раньше. В ГА ХМАО имеются отчеты Казымского врачебного участка начиная с января 1931 года. Хотя штат медработников не был

укомплектован полностью, судя по отчетам, для периода становления больница работала достаточно результативно. В отчете за январь 1932 года, составленным заведующим больницей Башуровым, говорится, что «в течение отчетного месяца в больницу первично обратились 163 человека, госпитализировано из которых было 7 больных, из них лиц коренной национальности – 5 человек. Помимо приема непосредственно на культбазе врачами культбазы проводилась и выездная работа. Помимо двух плановых выездов было сделано еще два выезда, вызванные особыми обстоятельствами. В начале января мною [заведующим больницей Башуровым] были получены сведения, что в тундре (верховья реки Казыма) среди самоедов имеется какое-то эпидемическое заболевание. 7 января я командировал туда врача Котову, которая посетила все юрты остяков, расположенные на пути от Юильских юрт в тундру, и обследовала почти все самоедские чумы. Установлено там заболевание гриппом – среди самоедов зарегистрировано 19 случаев, эпидемия идет на убыль, болезнь протекает легко, осложнений мало, смертельных случаев нет»⁴¹.

Особое внимание уделялось здоровью школьников. По прибытию ребят из юрт на учебу в школу-интернат они проходили тщательное медицинское освидетельствование с измерением веса, роста, окружности груди, спирометрии. Больших усилий стоило медикам наладить акушерскую работу среди коренного населения. В первый год деятельности больницы, несмотря на большую санитарно-просветительную работу медиков, не удавалось привлечь женщин ханты рожать в роддоме больницы. И здесь решение, казалось, было найдено. Первым роженицам, согласившимся родить в больнице, делались специальные подарки. Из Москвы, якобы от самого И. В. Сталина, даже была отправлена посылка – швейная машинка марки «Singer», которая была вручена первой родильнице больницы. К сожалению, следы той машинки утеряны, потому что владелицей она была продана коми-зырянам.

Однако в медицинском обслуживании населения имелись и негативные моменты, на которые немедленно реагировала администрация культбазы. Об этом свидетельствует приказ по Казымской культбазе № 25 от 30 апреля 1939 года, который гла-

сит: «28 апреля получено письменное сообщение о заболевании в течение одних суток 6 человек в юртах Хуллорских. Нарочный Тоголмазов Петр также устно требовал медицинской помощи и медикаментов. Мною [начальником культбазы Блохиным] и заведующей больницей врачом тов. Зуевой Н. И. было решено послать второго врача больницы тов. Тимохину А. В. Собравшись к отъезду, врач Тимохина отказалась выезжать из культбазы по оказанию срочной врачебной помощи. При отказе врач Тимохина заявила, что, промочив ноги, она может помереть, и на мое заявление об излишней боязни ответила, что она, как специалист, дороже, чем больные ханты». Невнимательно отнеслась врач Тимохина и к женщине ханты, которая прибыла на роды в больницу. По вине этого специалиста роженица не была помещена в медицинское учреждение в день прибытия на культбазу и только на третий день после вмешательства Казымского тузсовета, ей была оказана медицинская помощь. За отказ выехать для оказания срочной медицинской помощи в период эпидемического заболевания и за невнимательное отношение к больным врач Тимохина была уволена⁴². Однако, несмотря на негативные моменты в медицинском обслуживании коренного населения, больнице удалось наладить полноценную врачебную медпомощь в Казымском регионе.

Что касается деятельности школы-интерната Казымской культбазы, то следует отметить, что появились новые факты, связанные с ее работой. Школа-интернат была открыта еще в январе 1931 года, и под школу было приспособлено здание Дома народов Севера. Заведующей школой-интернатом была назначена Просвирнина, вторым учителем работал двадцатилетний Шутов Апполон Иванович. Первые учителя Казымской школы-интерната хантыйским языком не владели, и уроки проводились в школе через переводчика. Поскольку местными ребятишками школу-интернат укомплектовать не удалось, из юртовых объединений, находящихся по реке Обь, удалось собрать группу детей в количестве 11 человек (9 человек с реки Обь и только два ученика с Казымского региона). Первоначально здесь были собраны дети школьного и нешкольного возраста, некоторым было далеко за шестнадцать лет.

Школа временно была устроена в строящемся «Доме туземца», и в этом здании не было возможности устроить ни настоящие классы, ни спальни. Одна и та же комната служила одновременно и классом, и спальней, и столовой. В ней же ставились различные спектакли во время праздников и проводились концерты для работников культбазы⁴³. Кроме коренного населения школу посещали дети, работавших на культбазе работников, в количестве шести человек. Как указывает в своем отчете Комитету Севера при Президиуме ВЦИК директор Просвирнина, уроки были продолжительностью до 50 минут, учебная программа была несколько сжата по той причине, что процесс обучения начался 23 января 1931 года. В отчете указывается, что школа ведет постоянную переписку со школой первой ступени № 113 города Ленинграда. Дети Ленинграда отправили 38 книг для внеклассного чтения и 1 кг конфет, в свою очередь казымские школьники отправили письмо и посылку с 8 куропатками, поскольку у школы имелись ружья для охоты на дичь «для усиления их питания». Интересен тот факт, что в первое время дети относились к подаваемой пище в столовой критически и требовали пищу традиционную: мясо и рыбу в сыром и мороженом виде⁴⁴. Например Арт Леэте, опираясь на полевые материалы, рассказывает, что по приезду детей в интернат их сразу стали кормить пищей, которую северяне никогда и не видели, например, овощами, макаронами. Макароны вызывали у детей ужас и отвращение, поскольку они напоминали им неких червей⁴⁵.

После того, как завершился учебный год, с культбазы выехали заведующая Просвирнина и учитель Шутов. В начале нового учебного года, в сентябре 1931 года, на культбазу прибыл в качестве заведующего школы-интерната Владислав Владимирович Вострокнутов. Как свидетельствуют документы ГА ХМАО, у него был огромный стаж педагогической работы: Вострокнутов начал свою трудовую деятельность еще с 1913 года: работал преподавателем русского языка, истории и географии в гимназии г. Феодосии после окончания Харьковского университета, затем работа на Кубани, в Краснодаре и после курсов переподготовки Центрального практикума при Наркомпросе был направлен на Север. В то время это был достаточно квалифицированный педагог с большим стажем работы с

владением французского и немецкого языков⁴⁶. Вторым учителем был назначен Аркадий Николаевич Лоскутов, организовавший ранее в мансийских юртах Сартынья школу для детей манси. Лоскутов учился в Куженерской школе II ступени с педагогическим уклоном. По разверстке Наркомпроса и Комитета Севера при ВЦИК был направлен на Тобольский Север учителем. После отъезда Вострокнутова с культбазы Лоскутов А. Н. будет назначен заведующим Казымской школы-интерната. Крайне увлекателен для истории Казымской школы-интерната тот факт, что в музее Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) имеются фотографии, на которой рукой Аркадия Николаевича Лоскутова нанесена надпись: «На фотографии первый заведующий школой-интернатом А. Н. Лоскутов, учитель – Вострокнутов В. В.».

Изучая документы по истории Казымской культбазы только в пределах Ханты-Мансийского автономного округа я не нашла ни одного документа о том, что все же Вострокнутов был первым заведующим, а Лоскутов А. Н. был просто учителем. Ситуацию прояснили документы ГА РФ фонда Комитета содействия северным окраинам при ВЦИК, где найдены отчеты Вострокнутова как заведующего Казымской школы-интерната. Судя по документам, Аркадий Николаевич Лоскутов является третьим по счету заведующим школой-интернатом Казымской культбазы. Тот факт, что довольно-таки за короткий промежуток времени в одной только школе-интернате сменилось множество работников, свидетельствует о том, что как в школе, так и в целом на культбазе в начале 1930-х годов была «большая текучесть кадров», что в свою очередь не могло не сказаться на качестве обучения казымских детей. Кроме этого немаловажным является то обстоятельство, что Аркадий Николаевич Лоскутов в своих воспоминаниях отмечает, что многие специалисты с культбазы выехали «в связи с казымскими событиями». Однако, как пишет в своей докладной записке начальник культбазы Круглов, причины отъезда специалистов с культбазы довольно тривиальны: раздоры и вражда между сотрудниками на работе, непримиримые отношения. (Приложения, документ № 5)

Что касается непосредственно деятельности школы-интерната в начале 1930-х гг., то согласно выписке из материа-

лов проверки и изучения работы Казымского тузсовета, проводившейся с 12 по 18 августа 1932 года, техперсоналом школа была обеспечена. Специально построенное здание школы-интерната вполне соответствовало своему назначению в этот период, когда было небольшое количество учеников. Школа была обеспечена мебелью, канцелярскими принадлежностями, имелся заказ обмундирования и других хозяйственных вещей на 50 человек, но не было учебников на хантыйском языке и литературы, отражающей жизнь Севера, хотя было много беллетристики. У школы был производственный план на 1932 год, он был составлен еще до начала учебного года с подробными разработками на каждый день и каждый час. Руководством школы была спланирована работа с родителями и внеклассные мероприятия. Обучение велось на хантыйском языке в одной группе самим учителем, а в другой – через переводчика. При обучении пользовались русским алфавитом, методического руководства со стороны районного и окружного отделов народного образования не было, отсутствовало и письменное руководство. Обучение проходило по программе, разработанной на учительских курсах сибкрая⁴⁷.

При школе действовал пионерский отряд № 21, перед которым была поставлена цель – «воспитание детей в коммунистическом духе». И если в 1931–1932 годах в организации было всего 2 пионера, в 1933 г. – 5, то после подавления Казымского восстания, в 1934–1935-х гг. уже – 15, в 1936 г. – 41, а в 1937 году – 50 пионеров. Детским коммунистическим движением к 1937 году на культбазе были охвачены все дети пионерского возраста. На пионерских сборах решались такие вопросы, как «вовлечение неорганизованной детворы в ряды юных пионеров». Это было задачей каждого пионера, Проводились беседы «о Ленинско – Сталинской национальной политике», «о товарище Сталине». Устраивались громкие читки очерка о детстве вождя всех народов по журналу «Мурзилка». Как слабое место в работе пионерской организации пионервожатой Кениг отмечалось, что «дети не настолько владеют русской речью, чтобы могли самостоятельно справиться с тем или иным рассказом или газетной статьей. Самостоятельно может проходить только такая работа, как рисование, пение, игры». Проводились и антире-

лигиозные беседы по вопросам: 1) строение солнечной системы с научной точки зрения и точки зрения религии; 2) попы и шаманы – классовые враги»⁴⁸.

Лоскутов Аркадий Николаевич в своем отчете за 1933–34 учебный гг. отмечает, что антирелигиозная учеба была крайне затруднена. По его мнению, «головы детей были так затуманены с детства», что с большим трудом приходилось учеников «убеждать в ненужности хотя бы самых элементарных традиций». Кроме этого Лоскутов пишет, что стоит только заговорить с детьми о шаманизме и традициях, так у школьников «появляется пассивное отношение к делу»⁴⁹.

Наряду со школой-интернатом на культбазе действовала и русско-зырянская школа, в которой обучались дети русского и коми-зырянского населения. Следует отметить, что данная школа то открывалась вновь, то дети переводились из нее в школу, предназначенную для коренного населения. В январе 1931 года, когда школа-интернат открылась в первый раз, в ней обучались дети и русско-зырянского населения в количестве 6 человек. Затем в ноябре 1931 года, когда в школу-интернат набрали детей сверх нормированного количества, обучение русско-зырянских детей не производилось совсем. Только лишь в 1933 году было принято решение об отделении русско-зырянской школы от школы-интерната. Судя по отчету директора данной школы О. Кабановой от 16 октября 1934 года, на культбазе учебой охвачены все дети школьного возраста в количестве 43 человек: русские, коми-зыряне и татары. Данная школа содержалась на средства местного бюджета Березовского райисполкома. В середине 1930-х годов на уровне районных и окружных властей начальником Казымской культбазы Иваненко неоднократно поднимался вопрос о необходимости строительства зырянской школы непосредственно в местах кочевания зырянского колхоза имени Скачко на реке Дзэҥх юхан⁵⁰. К 1936 году так называемая кочевая зырянская школа была открыта в месте кочевания оленеводческих бригад имени Скачко. Она чаще устраивалась в непригодных для полноценной учебы помещениях, в таких как оленеводческий чум или «охотничья изба». Учитель К. В. Канев в своих отчетах о деятельности школы ука-

зывал, что в учебных помещениях холодно, тесно и сыро. В школе учились дети как коми-зырян, так и хантов. В ГА ХМАО отчеты данной школы имеются только лишь за 1936 год, возможно, к 1937 году она была закрыта по ряду указанных причин. В конце 30-х годов XX столетия, вопрос со строительством образовательных учреждений был решен путем слияния школы-интерната и русско-зырянской школы в одно образовательное учреждение на Казымской культбазе.

Для понимания всей экономической обстановки, сложившейся в начале 30-х годов XX века на Казымской территории, необходимо раскрыть и работу Казымского интегрального товарищества. Механизм деятельности интегральной кооперации на Севере был описан выше, следует рассмотреть только проблемы, которые были у Казымского интеграла в период его становления. Это необходимо для понимания всех недоразумений, возникавших между заготовительными организациями и местным населением. О том, какая ситуация сложилась при выполнении плана «забросок» промышленных и продовольственных товаров в 1932–1933 гг., свидетельствует постановление общего собрания ячейки ВКП(б) Казымской культбазы:

1. «Констатировать, что по основным видам продуктов план товарозабросок 1932–1933 года и ряда предшествующих лет выполнен крайне неудовлетворительно, как по линии интегрального союза, так и Уралпушнины. Суммовое выполнение плана за счет второстепенных и неходовых товаров ни в какой мере не характеризует его фактического выполнения. Как следствие этого ин[тегральное] т[оварищес]тво не имело муки и сахара для выдачи майских норм около 200 человекам. И в настоящее время указанных продуктов не имеет.

2. По основным видам продуктов против принятого районом и округом плана оказались не заброшенными на Казым: муки 240 тонн, кренделя – 5 тонн, сахара – 8500 кг, масла – 7049. Причем большая часть, отправленная из Тюменской базы прод[овольственного] груза пропала в пути. Против накладных об отпуске не получено 62 тонны муки, 3 тонны сахара, 4 тонны кренделя, 1,5 тонны крупы, 12 тонн овощей, на 8500 рублей ширпотреба.

3. По сравнению с торгпунктами, расположенными на Оби, Казымский район снабжен значительно хуже, в силу чего часть населения сдает пушнину и снабжается на других факториях.

К числу остальных ненормальностей в снабжении, срывающих выполнение плана товарозабросок и отчасти заготовительных планов, относятся:

- а) недопустимое расходование товарных фондов в пути и Тюмени, заброска следующих на Казым грузов на другие пункты и преступное расходование этих грузов,
- б) отсутствие заброски сортовой муки, в то время как в остальные районы Севера она забрасывается и частично расходуется даже Тюменской базой для снабжения местных работников,
- в) безответственность райинтегралсоюза в снабжении Казыма, проявившаяся в отсутствии контроля за заброской товаров, утверждения, что район Казыма снабжен полностью по июнь, без указания того, что кочевые и отдаленные хозяйства должны снабжаться до осени, так как в летний период выезд на торгпункты для них невозможен,
- г) снижение потребительских норм туземного населения вследствие незаброски продуктов, и вследствие этого увеличение потребления рыбы и мяса,
- д) практика забросок товаропродуктов зимним путем, что, с одной стороны, не обеспечивает нормального снабжения, с другой – значительно повышает отпускные цены»⁵¹.

Неудовлетворительное снабжение промышленными и продовольственными товарами, а также плохую работу Интегрального товарищества отмечает на I районной конференции туземцев-выдвиженцев Березовского района и местный житель – Каксин Е. Е. Конференция проходила с 1 по 5 января 1933 года в районном центре с. Березово. Он утверждал, что товары в Казым доставлялись несвоевременно. Вместо того чтобы забросить их водным путем, товары перевозили зимой на лошадях, что стоило очень дорого. Ассортимент товаров не отвечал требованиям местного населения. Несмотря на большой спрос населения в лавках нет умывальников, мыла, скобяных изделий, посуды, котлов, чайников, чашек и т. д. Кроме этого, интегральное товарищество совсем не занималось расчисткой рыболов-

ных песков, чтобы наладить эффективный рыболовный промысел. Коренное население вынуждено было само выявлять новые угодья, чтобы выполнять планы рыбозаготовок. Местные жители примитивными способами старались очистить рыболовные пески, но это не удавалось, так что они по-прежнему оставались неиспользованными⁵².

Работа зооветеринарного пункта сводилась в основном к обслуживанию оленьего стада Казымской культбазы, в котором насчитывалось 225 голов, а также оленьих стад зырянского колхоза имени Скачко и совхозного стада. Ветеринары оказывали лечебную помощь оленям, обучали пастухов охране крупного стада в период отела и собирали материал для изучения биологии оленей Прикамыя. Ветеринарными врачами на культбазе в начале 30-х годов работали А. В. Слободской, Ф. В. Вашкевич, Л. В. Пляцек. Главным недостатком в работе ветеринарного пункта было то, что работа по обслуживанию стад хантыйского населения не велась «по недоработке администрации культбазы и недостаточно проведенной массово-разъяснительной работе»⁵³. Итогом научно-исследовательской деятельности зооветеринарного пункта можно назвать труд зоотехника Федора Владимировича Вашкевича «Избенное оленеводство по р. Казым и перспективы оседания полукошевого населения таежной зоны»⁵⁴.

Изучением экономики, истории Казымского края занимался и краеведческий пункт, располагавшийся в маленькой неприспособленной комнатке, которую уступила русско-зырянская школа. С 1930 по 1931 годы заведующим пунктом был Георгий Никанорович Тарасенков. В 1932 году этот пункт обслуживался одним штатным сотрудником – заведующим пунктом Геденовым А. А., естественником по специальности. Затем краеведом работал Владимир Иосифович Савицкий – как отмечается в архивных документах «административно ссыльный»⁵⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что на культбазе работали разные по политическим убеждениям люди: как административно ссыльные и спецпереселенцы, которые, так или иначе, пострадали от репрессий советского государства, так и выдвиженцы советской власти. Количество административно ссыльных на культбазе было невелико, и администрация культбазы в связи с

мятежными событиями на культбазе старалась различными способами избавиться от так называемого «потенциально опасного элемента».

Перед данным структурным подразделением стояли следующие задачи: «изучить местные природные производительные силы, труд и быт населения Прикаzymья, наметить вехи реконструкции края на основах социалистического переустройства. В основном работа пункта сводилась:

- а) к изучению климата;
- б) наблюдению за сезонными явлениями природы;
- в) изучению растительного покрова и опытов по культуре испытываемых растений;
- г) изучению животноводства;
- д) изысканию полезных ископаемых;
- е) исследованию водоемов и наблюдению за режимом речной воды;
- ж) учету населения и обследованию его хозяйственно-промысловой деятельности, экономического состояния, классового расслоения быта;
- з) вовлечению работников организаций и местного населения в краеведческую работу;
- и) организация краеведческого музея;
- к) участие в культурно-просветительной и массово-разъяснительной работе»⁵⁶.

В 1934–1936 годах краеведческим пунктом заведовал к. ф. н. В. С. Денисенко, направленный на эту должность Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК. Он значительно оживил краеведческую работу на культбазе. Им был организован сбор материалов по культуре, быту и истории Казымского края, проведено экономическое обследование колхозов и простейших производственных объединений. При активном участии исследователя В. С. Денисенко выполнено описание р. Казым с маршрутной съемкой ее среднего и части верхнего течения, им детально обследованы районы оз. Нумто, верховья рек Хетты и Надыма, охотничьи угодья, сделаны фотографии⁵⁷.

Заведующий краеведческим пунктом В. С. Денисенко в 1934 году неоднократно поднимал вопрос о необходимости строительства отдельного специального здания для краеведче-

ского пункта и музея, которое им тщательным образом было спланировано и отвечало, как он считал, всем необходимым для ведения полноценной краеведческой работы нормам. Но, к сожалению, позже, в связи с наступившими реформами и, очевидно, с ликвидацией Комитетов Севера, его голос не был услышан чиновниками и строительство этого необходимого объекта было признано ненужным. Вскоре и сам пункт был закрыт, поскольку с конца 30-х годов прошедшего столетия он уже не упоминается в документах культбазы. За короткий период времени была проведена огромная работа по исследованию Казымской территории. Результатом деятельности краеведческого пункта явились научные отчеты, всевозможные научно-исследовательские работы, которые в настоящее время дополняют материалы о начале советизации Казымской территории. Это такие труды Денисенко, как «Казымский туземный Совет», «Годовой цикл хозяйств казымских хантэ и вопросы оседания», «Краткий вывод по бюджетным обследованиям казымцев», «Озеро Нум-То», «В районе озера Нум-То: краеведческие очерки». К сожалению, не удалось выяснить дальнейшую судьбу музейных экспонатов, которые были собраны благодаря энтузиастам и специалистам музейного дела.

На культбазе в 1935 году была построена и сдана в эксплуатацию электростанция, но она была очень маленькой мощности, и всем желающим не хватало напряжения для пользования электричеством. И начальником культбазы писались даже приказы об ограничении пользования электроэнергией. Например, приказ № 111 от 5 октября 1939 года гласит: «В виду недостаточного напряжения электроэнергии всем жильцам, проживающим на Казымской культбазе, пользующимися электричеством, электролампочки больше 100 ватт ввертывать запрещаю. Электромеханику т. Сумкину во всех домах проверить и снять высоковольтные лампы. У лиц, не выполняющих данного приказа, отключить свет. Начальник культбазы Ф. Никитин»⁵⁸.

Казымская культбаза как самостоятельное учреждение существовала ровно 30 лет и сыграла большую роль в организации образования и здравоохранения коренных жителей Приказья. Она, по существу, переросла рамки простого организатора культурной и просветительной работы и стала позже админи-

стративным и экономическим центром Казымской территории. Несмотря на то, что в деятельности работников культбазы были ошибки, недочеты, злоупотребления властью, нельзя отрицать, что строительство культбазы все же было фактом позитивным для коренных жителей Прикамыя.

18 февраля 1960 года Тюменский облисполком принял решение о реорганизации Казымской культбазы Ханты-Мансийского округа с 1 марта 1960 года в социально-культурное учреждение обычного типа с подчинением их соответствующим ведомствам⁵⁹. Последним начальником культбазы была Р. А. Налетова, позднее занявшая должность директора сельского Дома культуры⁶⁰.

Глава 3. ПРИЧИНЫ КАЗЫМСКОГО ВОССТАНИЯ

3.1. Изменение размеров налогообложения как одна из причин Казымского восстания

Недовольство коренного населения в связи с проводимыми реформами советской власти начинает проявляться уже при строительстве Казымской культбазы в начале 1931 года, хотя дальше разговоров среди коренных жителей дело пока не шло. Как выяснил следователь Уревич: «По предложению общего собрания было решено предложить коренным жителям вывезти лес для строительства культбазы, но для каждого в отдельности оно не являлось обязательным и его можно было не выполнять. Для того чтобы заставить вывезти лес, работники культбазы каждому туземцу отправили извещение, что на основании постановления общего собрания житель к такому-то сроку обязан вывезти определенное количество бревен для строительства. В данном случае закон был обойден, работники культбазы практически ввели трудгужповинность⁶¹, которая никак не оплачивалась»⁶² (Приложения, документ № 2).

Нарастание недовольства у коренных жителей усугубило лишение избирательных прав шаманов и так называемых кулаков – лиц, использующих в своих хозяйствах наемный труд. Вообще же, понятие «кулак» в течение 20–30-х годов XX столетия постепенно трансформировалось. Вначале кулаками считались только те, кто нанимал себе работников-батраков, то есть использовал наемный труд. Позднее так стали называть вообще всех зажиточных селян. Клеймо «кулак» и «шаман» ставило человека вне общества. Все его действия воспринимались как антисоветские и вредительские.

На Обь-Иртышском Севере за критерий деления общества на бедняков, середняков и так называемых кулаков властями был взят признак величины оленьего стада. В хантыйском языке слово «тащ» имело 2 значения: 1) стадо, 2) богатство. В настоящее время это слова-омонимы.

Согласно материалам по проверке и изучению работы Казымского тузсовета, на его территории в 1932 году находилось 8 юртовых объединений, 170 остяцких хозяйств, которые делились на следующие социальные группы: батрацкие хозяйства – 8, бедняцкие – 65, середняцкие – 72 и зажиточно-кулацкие – 25. Всего лиц обоего пола насчитывалось 814 человек. Кочующие коми-зыряне были объединены в 16 хозяйств, из них 7 батрацких и 9 кулацких. Всего лиц обоего пола – 70 человек. Основные виды занятий хантыйского и коми-зырянского населения – оленеводство, рыболовство и охота. Русских на территории тузсовета проживало 155 человек, основной приток их начался с середины 1930 года в связи со строительством и деятельностью Казымской культбазы, кооператива, факторий. Таким образом, на территории Казымского тузсовета находилось 186 хозяйств ханты, коми-зырян, русских; населения обоего пола – 1039 человек⁶³.

В статье «Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах» авторы А. С. Пиманов и А. Н. Пиюков, проанализировав протоколы допросов, обратили внимание на то, что «“кулаками” были названы те пользующиеся авторитетом ханты, которые имели всего лишь по 45 оленей и были недовольны советской властью из-за ограничений их в правах (прежде всего политических)». И был сделан вывод о том, что «основное содержание термина “кулак” лежало скорее в политической сфере (“мы все равны [в правах]”, а для властей в экономической (“эксплуататор, богач”))»⁶⁴. На самом деле по этому вопросу была допущена вопиющая несправедливость по отношению к остякам.

По данным материалов проверки и изучения работы Казымского тузсовета, проводившейся в августе 1932 года представителями областного, окружного, районного райисполкомов и комитетов ВКП(б), оленье стадо у населения насчитывало до 16140 голов. По отдельным социальным группам населения это стадо распределялось следующим образом. У остяков: в 8 батрацких хозяйствах – 20 голов, в 65 бедняцких хозяйствах – 800 голов, в 72 середняцких хозяйствах – 2980, в 25 зажиточно-кулацких хозяйствах – 6100 голов. Таким образом, на одно батрацкое хозяйство приходилось по 2,5 оленя, на бедняцкое – по

12 оленей, на середняцкое – по 41 оленю, на кулацкое – по 244 оленя.

У зырян в 7 батрацких хозяйствах насчитывалось 640 голов, в 9 кулацких – 5600 голов, или, иначе говоря, на одно батрацкое хозяйство приходился 91 олень, на одно кулацкое хозяйство – 622 оленя⁶⁵. Возникает резонный вопрос, почему же существовали такие расхождения в количестве оленей на одно хозяйство при учете социальных групп у ханты и коми-зырян? На самом же деле, как становится ясно из докладной записки окружному прокурору нарследователя И. П. Уревича, эта несправедливость объясняется следующим образом: экономика казымского края в целом и каждого хозяйства в отдельности на тот период была практически не изучена. Разделение на социальные группы велось с учетом того, к какому виду относится хозяйство: оседлому, полукочевому или кочевому. Местные представители советской власти считали кочевниками только самоедов и зырян. Каждое в отдельности хозяйство последних кочевало в пределах своих угодий, где они пасли свои стада, занимались пушным промыслом, ловили рыбу и т. д. Промышлять зверя или пасти стада на своей территории другим хозяйствам они запрещали. Точно такие же угодья имели и остяки, особенно Вершинские (Юильский городок). И на этих угодьях у них были зимние, летние и осенние юрты, и в зависимости от времени года они кочевали в пределах своей территории. Так как ханты имели собственные юрты, представители советской власти посчитали их полукочевниками, хотя их хозяйства ничем не отличались от хозяйств коми-зырян и самоедов. Но тем не менее хозяйство ненцев и коми-зырян, насчитывающее каждое по 100–150 оленей, было принято считать бедняцким. Хозяйство же хантов, насчитывающее такое же количество оленей, считалось кулацким⁶⁶. А если хозяйство считалось кулацким, оно было вынуждено платить большие налоги государству.

Между тем на объединенных собраниях тузсовета и интегрального товарищества решались вопросы об уплате налогов (так называемых твердых заданий) зажиточно-кулацкими и середняцкими хозяйствами. По своим размерам твердые задания превышали экономические и физические возможности хозяйств и были непонятны коренному населению. Например, на объеди-

ненном заседании тузсовета и группы бедноты от 7 мая 1933 года Хозяинов – председатель интегрального товарищества – заявляет о необходимости дать «твердое задание» следующим лицам:

- «Захарову Данилу и Дмитрию – по рыбе 5 тонн, по пушнине на 100 рублей, дичи 100 пар, по оленям 20 голов;
- Молданову Сергею Кирилловичу – по рыбе 5 тонн, по пушнине на 1000 рублей, дичи 150 пар, ягод – 10 центнеров, по оленям 50 голов;
- Молданову Ефиму Васильевичу – по мехсырью на сумму 500 рублей, по оленям 100 голов;
- Тарлину Павлу Семеновичу – по дичи 50 пар, ягод 10 центнеров, по оленям 10 голов»⁶⁷. Здесь же Хозяинов просит утвердить президиум тузсовета данное предложение (Приложения, документ № 6).

Требования выполнения «твердых заданий» советскими работниками на местах превышали все допустимые возможности, например, работники фактории Нумто Оленников и работник Интегрального товарищества Михайлов приезжали к хантам и коми-зырянам вооруженными, при этом они давали пятидневные сроки для внесения налогов. Когда же облагаемые граждане просили эти сроки увеличить, так как физически не могли их выполнить, то им угрожали судом, конфискацией имущества и высылкой из мест исконного проживания. Известно, что Оленников без санкции тузсовета стал самостоятельно давать «твердые задания». Так, хозяйству Васьки Сорума (Василия Захарова) им было дано «задание» на 6000 рублей, а оно уже было выполнено им ранее на 4500 рублей. При этом в отношении хозяев были применены запугивания и угрозы, так что для выплаты налога в установленный Оленниковым десятидневный срок в его хозяйстве было зарезано и сдано 170 пешек (молодняка), чтобы «только не быть высланным»⁶⁸.

Благодаря выписке из протокола № 1 собрания граждан, состоявшегося 10 января 1932 года, стало известно, какими методами происходила контрактация. Рассказывает Каксин Яков Петрович: «Находясь в лавке экспедиции Нумто, где один из работников т. Кайгородов стал разговаривать с Сергеем Молдановым о контрактации оленей, где законтрактовал 21 шт. оленей

и на 1000 рублей пушнины. От этой цифры Молданов стал отказываться. После чего, сидя на полу, Кайгородов взял малопульное ружье и выстрелил над головой прямо в стену и сказал: “Так же, может быть, когда-нибудь и тебя будем стрелять”. После чего мы испугались и собрались. В то же время ехал Михайлов Александр, который меня нанял его везти, дорогой стал просить одного оленя продать. У меня в нарте была четверка оленей. При всех его упрасиваниях я не согласился. Тогда он сказал, что дома возьму у тебя 4 штуки, где насильно написал договор на 4 штуки оленей и дал в задаток чаю и денег – 51 рубль, да еще одну пешку велел убить. Фактически мной было послано, т. е. увезено от меня 3 шт. оленей»⁶⁹.

На основании исследований, проведенных краеведом кул்தбазы В. С. Денисенко, можно сделать вывод, что для обеспечения всем необходимым семьи в 5 человек и для прироста стада в хозяйстве нужно иметь не меньше 43 оленей⁷⁰. Таким образом становится очевидным, что, сдав бесплатно государству по существу излишних оленей, сами ханты остаются фактически без каких-либо средств к существованию.

Следует отметить, что по сравнению с хантами, мероприятия по ограничению экономической мощи так называемой кулацкой части коми-зырянского населения проводились лишь частично, так как они, пользуясь временем и большой отдаленностью от центра, сократили свои стада до минимума, то есть до показателя бедняцких хозяйств (150 оленей) кочевой части населения. Чтобы не попасть под «ликвидацию», коми-зыряне в 1931 году тут же организовали первый в Казымском регионе «колхоз имени Скачко», по документам числившийся как «кулацкий». Районные организации, зная состав этого «лжеколхоза», в течение двух лет его не утверждали, и только в 1933 году, после исключения из его состава наиболее видных «кулаков», колхоз был зарегистрирован и начал свою деятельность⁷¹. Коми-зыряне полагали, что коллективные хозяйства по сравнению с единоличниками не будут облагаться большим налогом. Возможно, особенности менталитета коми-зырян и здравый подход к решению проблемы выживания позволили им в тех условиях в значительной мере отвести от себя различного рода «раскулачивания» и сохранить стада оленей, в отличие от хантыйского населения. Позже состав этого колхоза,

который первоначально считался коми-зырянским, был увеличен за счет присоединения 5 хантыйских хозяйств. А в 1934 году после подавления Казымского восстания имеющееся в колхозе поголовье было увеличено за счет конфискованных у зажиточной части хантов и ненцев оленей⁷².

Судя по докладной записке того же следователя Уревича, большое значение для нарастания недовольства местных жителей имели оленезаготовки 1930–1931 годов. «По данным культбазы оленье стадо на тот период выражалось в количестве 17000 голов. Было заготовлено за это время 5000 голов. Из них живьем только лишь 1500 голов, остальные должны быть забиты на мясо. Таким образом, общие заготовки составляют приблизительно 15 % к стаду, к этому нужно прибавить употребление туземцами на свои личные нужды и уничтожение хищниками (волками). Следовательно, ежегодно убыль стада у коренных жителей была значительной, прирост по данным той же культбазы всего лишь 15 %, из этого нужно выбросить гибель молодняка. Таким образом, заготовки против прироста проходят приблизительно в два раза больше. Возникла угроза, что в ближайшие годы коренное население вообще останется без оленей»⁷³, что в действительности и произошло. Краевед В. С. Денисенко отмечал, что в таком большом количестве мясозаготовки производить было нельзя, ибо казымский олень по преимуществу не имел товарного значения, а шел на производство стада⁷⁴.

Кроме этого, недовольство коренного населения возросло и при введении в феврале 1933 года целевого снабжения населения продовольствием и промтоварами в зависимости от выполнения плана заготовок. Об этой новой форме снабжения свидетельствует докладная записка ответственного секретаря Остяковогульского окружкома ВКП(б) Сирсона в ЦК ВКП(б) Оргинструктору т. Медведеву. «До прошлого года [1932] по всем видам работ существовало снабжение по пайкам. Хлеб давался за то, что колхозник исполняет в колхозе хозяйственную работу, за то, что он ловит рыбу, промышляет пушнину и т. д. Установлено, что в ряде сельсоветов снабжались даже кулаки – лишенцы, ничего не делающие. Были попытки поставить снабжение в зависимость от хода выполнения плана, но этот порядок срывался из-за того, что члены семьи и дети единоличников и колхозни-

ков фактически снабжались пайками и работающий рыбак или пушник иногда жил за счет этих пайков. В марте месяце этого же года была поставлена задача – подчинить также и членов семьи целевому снабжению, но на деле это мероприятие стало проводиться только в конце мая и то не по всем сельсоветам. Для туземного населения сложилось нормированное снабжение. В последних числах июня месяца мы от Облснаботдела получили новые директивы, то есть сократить контингент, снять со снабжения членов семьи, снять с нормированного снабжения туземцев и все снабжения населения (кроме тарифицированного) вести из расчета стоимости сданной государству продукции. Не знаем, обсуждался ли этот вопрос в Обкоме, но мы в основном с принципами Облснаботдела вполне согласны, и считаем такую постановку вопроса совершенно необходимой и правильной, и с 1 июля вводим этот новый порядок целевого снабжения. Тем не менее в расчетах Облснаба потребуются некоторые существенные поправки практического порядка, так как:

- а) для отоваривания всего плана рыбозаготовок продтоваров не хватит, и план завоза Облснабом снижен более чем следует;
- б) на гужеперевозки установлены чрезмерно высокие нормы отоваривания;
- в) на раскорчевку лесных массивов под новые посевные площади согласно плана ОблЗУ нет никаких фондовых снабжений (нет и никаких кредитов);
- г) не предусмотрено никаких запасных фондов на снабжение кочевого и отдаленного полукочевого населения на случай стихийных бедствий и в отдельных случаях на снабжение – авансирование туземной бедноты»⁷⁵.

Необходимо отметить, что план ввоза продовольствия снабженцами не выполнялся, имеется много документов о том, что местное население просто-напросто голодало. За сданную продукцию вместо продовольственных и промышленных товаров за половину стоимости насильственно выдавались облигации государственного займа, которые не погашались. Особенное возмущение вызывали цены на товары в отдаленных лавках, которые находились в верховьях Казыма, поскольку товар там был значительно дороже, чем, например, в лавке на Казымской культбазе⁷⁶.

3.2. Принудительные меры к комплектованию учащихся школы-интерната как одна из причин волнений коренного населения

В начале 30-х годов XX столетия практически все население Казымской территории вело кочевой образ жизни, и поэтому естественно, что обучение в стационарной школе в этих условиях было неприемлемо для аборигенов. Здесь нужен был совершенно иной тип учебного заведения. Казалось, что решение было найдено – строить школы-интернаты, где дети могли бы жить в течение учебного года на полном государственном обеспечении, обучаясь грамоте. В 1931 году, еще на этапе подготовки к открытию строящейся школы-интерната, руководство Казымского (Полноватского) тузсовета и Казымской культбазы было озабочено привлечением в школу учеников. Хотя школа-интернат и была открыта для обучения в конце января 1931 года в приспособленном помещении, однако, в ней обучалось большей частью обское население в количестве 11 человек. Население же Приказымыя детей в школу-интернат отдавать не торопилось. На собраниях тузсовета решались вопросы о том, кого в первую очередь привлекать к обучению. Предполагалось сначала путем разъяснительной работы среди населения укомплектовать школу-интернат детьми-сиротами и детьми так называемых батраков. Однако это оказалось не так-то просто. Тогда 4 апреля 1931 года заседание президиума Казымского (Полноватского) райтузсовета, председателем которого был Туполев, постановило обратиться с ходатайством к Комитету Севера (очевидно, Тобольскому) о введении обязательного обучения остяков⁷⁷.

После принятия постановления Оргбюро по организации Остяко-Вогульского округа о всеобщем обязательном начальном обучении детей среди оседлого и полукочевого населения вопрос об укомплектовании учениками Казымской школы-интерната стал «вопросом дня». Администрация культбазы совместно с тузсоветом энергично взялась за привлечение детей в школу. Во все юртовые объединения были направлены бригады по «вербовке» детей в школу-интернат Казымской культбазы; в эти бригады обязательно входил представитель администрации

культбазы, члены тузсовета и интегрального товарищества, учителя – В. В. Вострокнутов и А. Н. Лоскутов. Первоначально они пытались вести среди хантов разъяснительную работу, но встретили отчаянный отпор со стороны местного населения; никто не соглашался отдавать детей в школу. На собраниях в юртовых объединениях коренными жителями приводились различные доводы, связанные с обучением детей в школе-интернате. Вот заявление одного из граждан Кислорских юрт: «Если ребята будут учиться с русскими людьми, значит будут жить по-русски. Забудут свои обычаи и юрту любить перестанут, разучатся белку ловить, на морозе спать: семья голодать будет». А вот иное мнение местного жителя из Хуллорских юрт: «Выучатся дети в школе, будут такие же, как русские, грубые и обманщики»⁷⁸.

Как очевидно из приведенных высказываний, родители осознавали, что ребенок на протяжении длительного времени будет оторван, изолирован от семьи. Их страшила мысль, что, выучившись грамоте, дети забудут родной язык, не вернуться обратно на стойбище. Кроме того, учитывая, какими насильственными методами действовали представители администрации культбазы во время ее строительства, дальнейшие нововведения отрицательно воспринимались местными жителями, отрыв ребенка от семьи расценивался как насильственное взятие его в заложники для проведения дальнейшей политики советской власти. Когда же методом разъяснительной работы никого не удалось собрать в школу, работники культбазы и члены тузсовета начали применять различные непопулярные меры по сбору школьников.

У двух жителей – Тарлина Григория Александровича и Тарлина Тимофея по указанию председателя Казымского тузсовета О. С. Ерныхова радист Богомоллов и член тузсовета Н. И. Ерныхов в качестве залога отобрали ружье. Это было несправедливо и жестоко, так как семья в этом случае обрекалась на голод, поскольку без ружья трудно заготовить дичь в тайге, защититься от хищников. На заседаниях тузсовета, возглавляемого Осипом Сидоровичем Ерныховым, выносились решения о привлечении к судебной ответственности родителей, не желающих отдавать детей в школу. Кроме того, работники культбазы занимались «фабрикацией пакетов из Москвы от самого боль-

шого и главного начальника с директивами о введении всеобщего начального обучения в Прикаzymье»⁷⁹. После того как родители соглашались на обучение детей, эти пакеты «вербовщиками» тут же уничтожались. Очевидно, что администрацией культбазы применялся обман для оправдания своей работы вообще, тем более что Остяко-Вогульский окружной отдел народного образования по телеграфу два раза в месяц требовал сводки по охвату населения всеобучем. О том, как проводились мероприятия по комплектованию детьми школы-интерната, рассказывает Афанасий Гаврилович Песков:

«Пришли к нам четверо: Бабкин, Михайлов Андрей, Филиппов, Михайлов Александр. Стали просить детей, добивались от нас 3 дня, чтобы отдали детей. Потом принесли из Амни [Казымской культбазы] пакет. Принес его Каксин Павел, который сказал: «Ребята, зря вы не отдаете. Ведь за это у вас жен сошлют вверх, а самих на низ. И в Полновате тоже намечено 8 человек к высылке». И все документы после [того], когда мы отдали своих детей, изорвали»⁸⁰.

Когда представители культбазы заявили о том, что дети самоедов, равно как и дети остяков, тоже подлежат обучению, то ненцы тут же откочевали в тундру без хлеба и перестали показываться на факториях (лавках)⁸¹.

Вследствие проведенных мероприятий, у населения сформировалось отрицательное отношение к школе, а в целом и ко всей культбазе. Дети, внезапно оторванные от семей и от традиционных промыслов, испытывали серьезные трудности в период адаптации и попросту сбежали из школы-интерната, особенно те, кто жил в непосредственной близости от культбазы.

Между тем в отчетах школы-интерната все мероприятия по насильственному сбору детей в школу не были зафиксированы. Например, в рапорте Казымской культбазы IX Березовской районной партийной конференции от 26 декабря 1931 года речь идет только о расстоянии, преодоленном сотрудниками культбазы во время сбора детей в школу. «Организован культпоход под лозунгом «За грамоту казымских остяков» в составе 3 бригад, численностью 10 человек, прошедших пешком по лесотундре расстояние 330 км, в результате чего школа-интернат укомплектована на 21 декабря детьми казымских остяков в числе 17 че-

ловек, чем положено начало народному образованию в Приказымые»⁸². Эти равнодушные статистические данные о проделанной работе совсем не отражала ту настоящую обстановку, те настроения коренного населения, которые сложились в тот период на Казымской территории вследствие проведенных администрацией культбазы и тузсовета мероприятий.

Вскоре после проведенной сотрудниками культбазы и тузсовета работы, основанной на обмане, угрозах и запугивании, родители с воем и плачем стали подвозить детей в открывшуюся школу-интернат. Всего было собрано, по различным данным, 48 детей. Спустя месяц, а именно 19 декабря 1931 года в школе-интернате вспыхнула эпидемия ветряной оспы. Следует отметить, что факт появления инфекционного заболевания в Казымской школе-интернате неоднозначно отражен в источниках. Например, Аркадий Николаевич Лоскутов, в то время учитель школы-интерната, в своих воспоминаниях категорически отрицает наличие эпидемии⁸³. Тем не менее по такому экстренному случаю был срочно создан президиум Казымского тузсовета, на котором присутствовали члены тузсовета, заведующий культбазой Бабкин, его заместитель Дедюхин, врач больницы Башуров и учителя Лоскутов и Вострокнуты. Было вынесено следующее постановление:

- «выделить в школе комнату для свидания учащихся с родителями и установить часы свиданий;
- прогулки учащихся на открытом воздухе проводить организованным [путем];
- [ограничить] посещение территории;
- обязать население района через уполномоченных туземного Совета информировать тузсовет обо всех случаях тяжелых заболеваний среди туземного населения»⁸⁴.

В письме А. Д. Шершнева – второго по счету начальника Казымской культбазы – Центральному Комитету Севера возникшая ситуация озвучена несколько иначе. «Вместо того чтобы изолировать больных ребят в заразный барак больницы, врач Башуров с согласия т. Бабкина – заведующего в то время культбазой, наложил на туземный интернат 2-х недельный карантин. Ребят-туземцев из интерната никуда не отпускали, а также не

допускали к ним родителей-туземцев. Это обстоятельство обеспокоило все население. Родители стали приезжать чаще в культбазу, проживали 2–3 дня, уезжали обратно в юрты, не повидав своего ребенка».

Возможно, факт появления ветряной оспы и наложение карантина на учебное заведение вызвали еще большие волнения коренных жителей. Также необходимо отметить, что при строительстве культбазы не было учтено все детское население школьного возраста Прикаzymья, и школа-интернат не была рассчитана на такое большое количество учеников, и как подтверждают документы различных архивов, детей в интернат набрали сверх положенного количества. Очевидно, что большая скученность детей и теснота в школе-интернате привела к вспышке инфекционного заболевания. Этот факт еще раз доказывает, что проводимые реформы не были продуманы властями, кроме этого отсутствовал какой-либо анализ сложившейся на культбазе ситуации. Возможно, при грамотных действиях руководства культбазы и районных властей можно было бы избежать столь быстрого нарастания напряжения местного населения.

Однако, несмотря на насильственные меры по привлечению детей в школу нельзя оспаривать и этот факт, что благодаря строительству на культбазе школы-интерната, дети охотников и рыбаков получили начальное образование. Возможности же дальнейшего обучения в школах-десятилетках, а затем и в специальных профессиональных заведениях и в вузах у значительной части коренного населения не было из-за материальной необеспеченности их семей.

Глава 4.

ВОЛНЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА КУЛЬТБАЗЕ – ПЕРВЫЙ ЭТАП ВОССТАНИЯ

Проходившие в начале 30-х годов XX столетия коренные преобразования на Казымской территории все активнее вызывали недовольство местного населения, причем как зажиточной его части, так и бедняков. Сначала оно проявлялось в подаче индивидуальных жалоб тузсовету, которые оставались без ответа. Тогда за организацию сопротивления всем советским нововведениям на Казымской территории взялся бывший председатель Казымского (в то время Полноватского) райтузсовета Иван Андреевич Ерныхов. Он был оленеводом, «кулаком» по социальному статусу, семья его состояла из 7 человек, имел 168 оленей, его стада паслись на территории юрт Хар-кэрт, относящихся к Амнинскому юртовому объединению⁸⁵. Ерныхов И. А. пользовался несомненным авторитетом и поддержкой среди всех слоев местного населения. Надо заметить, что во время руководства райтузсоветом он получил некоторый опыт в работе «с русскими», обладал организаторскими, а возможно, и ораторскими способностями.

Как свидетельствуют архивные документы того периода, Иван Андреевич всегда держался с честью и достоинством, его уважали во всем «казымском мире», и он был известен своим огромным влиянием на коренное население. Необходимо отметить, что у историков А. В. Головнева и А. С. Пиманова с А. Н. Пиюковым, исследовавших историю Казымского восстания, разделились мнения по вопросу, кто же все-таки являлся руководителем стихийного движения казымских аборигенов против советской власти. А. В. Головнев, опираясь на материалы обвинительного заключения, считает несомненным лидером Казымского восстания Ивана Андреевича Ерныхова. А. С. Пиманов и А. Н. Пиюков отмечают, что «Ерныхов не имел самостоятельного значения, а, скорее всего, был выразителем интересов различных групп казымцев, в особенности казымского шаманства». На основании протокола допроса Ер-

ныхова во время следствия историк А. С. Пиманов и А. Н. Пиюков отмечают, что выявляются «такие черты характера Ерныхова как честолубие и чуть ли не тщеславие, он странно говорит о себе, скупое сообщает об участии в событиях других аборигенов». И на основании этого авторами делается вывод, «что при таком раскладе должен быть “серый кардинал”, которым являлся Тарлин Павел Семенович – наиболее авторитетный шаман Приказымыя. Он активно поддерживал Ерныхова с первых шагов, предпочитая оставаться в тени»⁸⁶. Действительно, Павел Семенович Тарлин пользовался большим авторитетом как шаман, и позже, когда он будет арестован органами ОГПУ, его заключение под стражу вызовет большое негодование и возмущение у казымцев. И, возможно, именно его арест, в первую очередь, спровоцирует события, именуемые Казымским восстанием.

Что же касается Ивана Андреевича Ерныхова, возможно, его поведение во время допросов объясняется тем, что стараясь отвести беду от своих соплеменников, он намеренно берет всю вину за случившуюся трагедию на себя. И, вероятно, историки А. С. Пиманов и А. Н. Пиюков правы, говоря о том, что Ерныхов не являлся самостоятельным лидером движения, учитывая и тот факт, что в 1933 году на втором этапе Казымского восстания казымскими осятками и самоедами руководителем «всего казымского мира» будет выбран совсем другой человек – Вандымов Ефим.

Между тем осенью 1931 года именно И. А. Ерныхов начал организацию сопротивления. Для того чтобы созвать собрание, он по хантыйскому обычаю, изготовил «шэмлән юх», деревянную дощечку, которая должна была возвратиться к владельцу. Все пожелавшие участвовать в собрании должны были поставить на ней свои тамги – родовые знаки. Причем все это нужно было сделать с большой осторожностью, соблюдая секретность, чтобы никто из представителей советской власти об этом собрании не узнал. С миссией сбора казымцев на тайное собрание с помощью «шэмлән юх» поехали Молданов Петр Яковлевич, Каксин Максим и Каксин Яков Петрович. Но первое собрание провести Ерныхову не удалось, поскольку не получилось со-

брать необходимое количество хантов. На второе собрание, располагавшиеся у реки Вош юхан юрты Молданова Петра и Молданова Ивана Яковлевича собралось уже более 40 человек. На собрании выступил Иван Андреевич Ерныхов, который заявил, «что с тех пор как построили на Казыме культбазу, туземцам стало жить невозможно, что русские стали туземцев притеснять: отбирать оленей, насильно [заставлять] заготавливать и сдавать пушнину и рыбу, возить лес, чего раньше не было [...]. Нас, богатых, почетных людей у туземцев, лишили избирательных прав и стали не допускать на собрания [...]. Детей стали отбирать в школу для того, чтобы лишить возможности отцов промышлять пушнину и зарабатывать себе хлеб»⁸⁷. После этих слов он призвал собравшихся протестовать против нововведений и притеснений, которые появились в связи со строительством культбазы. Собранием было принято решение созвать «весь казымский народ» и двинуться на культбазу, чтобы предъявить свои требования, которые впервые были сформулированы таким образом.

1. «Отменить всякие наложения на кулаков, восстановить их в избирательных правах, и допускать на все собрания, и избирать в свой суд (местный туземный совет).

2. Взять всех детей из школы и в дальнейшем учиться не отдавать. Добиться закрытия школ.

3. Отказаться от всякой помощи культбазы, не давать оленей, не возить лес и никому не работать на культбазе.

4. Рыбу, пушнину и оленей всем продавать без всяких задатков, а кто сколько хочет.

5. Обязать бедноту отказаться от всякой помощи культбазы, обещать бедноте, что в случае нужды будут помогать сами туземцы.

6. Убрать с Казыма культбазу и от озера Нумто факторию Уралпушнины.

7. Переизбрать туземный совет, потому что он допустил обучение детей в школе и не защищает интересов туземцев»⁸⁸.

После принятия собранием решений участниками был проведен религиозный обряд «поры», который осуществляли Молданов Иван Петрович и Молданов Иван Яковлевич (старший). Во время обряда были забиты в качестве жертвоприношения 15 оленей. Результатом обряда было то, что «бог решение одобрил

и «русским» подчиняться не надо, при чем кто из туземцев будет делать, что велют «русские», будет наказан». Надо сказать, что решение, которое было принято в результате камлания, являлось для «всего мира» законом, и никто из присутствующих не мог его нарушить. В то время у остяков было три вида шаманства: «шаман на топоре», «шаман на бубне» и «шаман в темном чуме». Первый вид из выше названных был наиболее распространенным. Вообще же «поры» устраивались по случаю больших общественно-политических событий, т. к. это был вид гадания, когда требовалась «помощь бога» в решении жизненно важных вопросов.

В декабре месяце 1931 года казымские остяки собрались в Хуллорских юртах. Еще раз было заявлено «всему казымскому миру» о требованиях, которые были сформулированы ранее. О том, что напряженность в среде казымских остяков начала расти с еще большей силой, свидетельствует заявление на собрании Андрея Петровича Молданова, который сказал: «Если наши требования русскими выполнены не будут, то хотя бы силой оружия их надо заставить уйти из Казыма»⁸⁹.

Эта фраза требует некоторого пояснения, ханты подразумевали под словом «русские» всех представителей нехантыйской национальности, говорящих по-русски. Все реформы на Казымской территории проводились людьми, говорящими на русском языке, поэтому для хантыйского населения эти лица являлись олицетворением новой политики советского государства.

Между тем на собрании было принято решение о том, чтобы просить помощи у приобских остяков. С этой миссией в Полноват к братьям Петру и Андрею Федоровичам Немысовым был отправлен Данил Павлович Ерныхов. Ерныхов с задачей справился: он связался с ними и получил согласие на помощь в деле сбора всех остяков по реке Оби и Куновату для совместных действий против советской власти. Напряженность среди казымских остяков усилилась еще и от привезенной с культбазы новости о том, что в школе-интернате появились случаи заболевания ветряной оспой и учебное заведение закрыто на карантин.

После этого было принято решение выступить из Хуллорских юрт двумя отрядами: одна группа численностью в 50 человек должна была отправиться на культбазу, чтобы забрать детей

из школы, другая двинулась к селу Полноват для соединения с обскими и куноватскими осяками для предъявления к советской власти своих требований. О том, как увозили из интерната детей, рассказывает в своих воспоминаниях Лоскутов Аркадий Николаевич: «Это было 28 декабря 1931 года, то есть на 2 дня раньше от роспуска детей на каникулы. Примерно в 10 часов утра на культбазе почти одновременно появилось больше сотни оленьих упряжек. Приехавшие люди сразу направились к интернату и в течение десяти минут всех детей увезли. Тогда в школе училось 48 детей ханты, из них осталось только 5 учеников. Увоз детей из интерната был настолько поспешным, что отдельных детей некоторые родители взяли не своих и только в пути разменивались»⁹⁰. И вновь на культбазе тузсовет собирается на свое внеочередное собрание, где было принято решение командировать члена туземного совета Дедюхина в районный центр Березово для информирования всех районных властных структур о возникшей на культбазе ситуации⁹¹.

Вторая группа хантов, которая отправилась к Полновату, до этого населенного пункта так и не добралась, запланированного объединения отряда казымцев с обскими и куноватскими осяками не произошло. Группа была встречена в двадцати километрах от Полновата четырьмя работниками из районного, а возможно, и окружного центра, которые предложили казымцам встретиться на культбазе и решить все вопросы вместе. Для разрешения конфликта на Казымскую культбазу из Березово и Остяко-Вогульска были командированы представители властных структур. В это время под Полноватом собрались три внушительных по численности отряда: 20 человек собственно полноватских осяков, 40 – из Ванзевата, около 250 человек из Тугианских и других соседних юрт. Возникшие стихийно отряды, узнав, что казымцы вернулись на культбазу, рассеялись по своим юртам⁹².

8 января 1932 года, приехав на Казымскую культбазу, осяки сразу же потребовали созвать собрание. Судя по документам того периода, собрание состоялось 10 января 1932 года. На нем присутствовали представители окрсуда Бухвалов, прокурор Доронин, ответственный секретарь Березовского райкома ВКП(б) Стафеев, от Березовского райкома партии Посохов, от окрурал-

пушнины – Снебцов, а также коренные жители юрт Юильских, Ильбигортских, Хуллорских, Амнинских, Выргимских. Представители властных структур потребовали лишить права выступать на собрании Ерныхова И. А. и других активных участников конфликта. А так называемых кулаков, Тарлина П. С., Молданова Тимофея, Захарова Василия (Ваську Сорума) и Лозямова Василия совсем удалили с собрания, чем вызвали озлобление и недовольство всех присутствующих аборигенов. На собрании казымцам удалось добиться переизбрания тузсовета, так как, по мнению коренных жителей, «кандидаты в тузсовет были рекомендованы от русских», то есть представителей администрации культбазы, а не от «всего казымского мира». Кроме того, тузсовет не защищал интересов коренного населения и допустил обучение детей в школе-интернате Казымской культбазы. В состав нового тузсовета было избрано 30 человек: 29 хантов и один коми-зырянин. Председателем был избран Прокопий Ефимович Спиридонов, 60-ти лет, его заместителем стал Егор Ефимович Каксин, 64-х лет, должность секретаря тузсовета занял Новицкий П. А. – русский по национальности, но хорошо владеющий хантыйским языком. По социальному положению состав тузсовета был представлен 18 бедняками, 10 середняками.

На собрании были заслушаны жалобы местного населения, которые в основном касались различного рода злоупотреблений работников культбазы: при сборе детей в школу, при контрактации оленей. Недовольство было высказано и по поводу неоправданно высоких цен в отдаленных лавках интегрального товарищества по сравнению с лавкой на культбазе, высокими размерами налогообложения и т. д. На жалобы остяков ответил представитель окрсуда Бухвалов, который заявил, что «насиленно заставлять детей никто не имеет права, [потому что] учение добровольное»⁹³. Далее представители властных структур сделали некоторые уступки по ряду налоговых вложений – «твердых заданий» и оленезаготовок, но эти уступки носили лишь декларативный характер. Впоследствии ситуация по всем видам заготовок никоим образом не изменится. После отъезда «уполномоченных» в Доме народов Севера снова собирается собрание, но уже без представителей культбазы, где новому составу тузсовета были даны следующие указы:

1. «Во всей работе добиваться выполнения выдвинутых к Советской власти требований.

2. Не давать работникам культбазы ездить по туземцам, собирать детей в школу.

3. Препятствовать русским заставлять ловить рыбу и промыслять пушнину, в частности не допускать облова туземных речек и озер русскими.

4. Восстановить всех лишенных избирательных прав, не дожидаясь об этом решения районных организаций.

5. Препятствовать наложению на кулаков каких-бы то ни было заданий и насильно от них ничего не отбирать»⁹⁴.

Эти наказания были приняты новым составом тузсовета, который обещал остякам проводить их в жизнь. Нужно отметить, что первый и второй составы Казымского тузсовета по характеру своей деятельности действительно несколько отличались. Если первый состав тузсовета под председательством О. С. Ерныхова вел работу, во всем подчиняясь администрации культбазы, то второй под председательством П. Е. Спиридонова пытался отстаивать права северян, порой даже вступая по некоторым вопросам управления и хозяйствования в открытый конфликт с работниками культбазы. Об этом свидетельствуют документы того периода, в частности, протокол № 14 заседания президиума Казымского тузсовета от 11 сентября 1932 года, на котором рассматривался «ход штурма месячника рыбозаготовок». Председатель интегрального товарищества Хозяинов заявляет о необходимости выполнения плана рыбозаготовок. «Ввиду отсутствия подъема рыбы по речкам Сорум и Амня на сегодняшний день рыбы не поймано», но тем не менее Хозяинов настаивает, чтобы тузсовет принудил местное население промыслять рыбу. Однако члены тузсовета были единодушны в своем мнении. Если основной запор на Амне и Соруме не разгородить, то население в верховьях этих рек останется голодным, потому что в верховья не пойдет рыба из-за запоров. Поэтому несмотря на разъяснения администрации культбазы тузсовет постановляет «запоры разгородить, ловцов снабдить продовольствием и распустить по домам в осенние юрты для подготовки к осенне-пушному промыслу, мы отвечаем за свои постановления, русским до этого нет дела»⁹⁵. На основании этого протокола яв-

но видно, что работникам культбазы важно было выполнить плановые задания любыми способами, пусть даже и нерациональными методами. Их не интересовал тот факт, что при этом всячески ущемлялись интересы коренного населения. Также этот документ свидетельствует, что члены тузсовета при решении хозяйственных и социальных вопросов, пытались взять инициативу в свои руки, что не могло нравиться руководству культбазы. Хотя все полномочия по решению данных вопросов должны были быть именно у тузсовета. Желание хантов руководить своей жизнью, взять под свой контроль происходящие преобразования на Казымской территории вызывали у властей опасения относительно провала всех советских реформ. Позже при арестах мятежников восстания, из состава Казымского тузсовета будет арестовано 6 человек⁹⁶.

Весной 1932 года за противодействие советским мероприятиям был арестован «кулак» Сергей Кириллович Молданов, что вызвало у коренного населения возмущение и еще большее напряжение в среде северян: «Русские начинают ловить туземцев и увозить неизвестно куда». Позже С. К. Молданов будет отпущен на свободу. Но тем не менее весь 1932 год казымское население жило в ожидании перемен. В школе-интернате училось всего 7 детей, родители которых жили на культбазе. Между тем начальник культбазы Филипп Яковлевич Бабкин с Казымской территории спешно выехал, оставив все дела на заместителя заведующего Н. Д. Дедюхина, который вскоре был избран на должность секретаря райкома и также оставил работу на культбазе. Весь оставшийся актив долгое время не мог наладить разъяснительную работу ни по вовлечению детей в школу, ни по проведению хозяйственно-политических кампаний, боясь спровоцировать новые волнения местного населения.

9 июня 1932 года в должность заместителя начальника культбазы вступил Александр Данилович Шершнев. Он всячески пытался организовать работу на культбазе, предлагал отправить «красную лодку», укомплектованную работниками различных специальностей, в верховья Казыма для массово-разъяснительной работы, но не получил поддержки от врача В. А. Башурова и краеведа А. Я. Геденова: «Поедем по юртам района – опять вызовем массовое движение – эксцесс. Ездить не

надо, пусть туземцы утихомируются»⁹⁷. Однако после долгих споров было принято решение оживить работу по вовлечению коренных жителей в «социалистическое строительство». Шершневу удалось создать туземный актив из молодежи, организовать помощь бедноте, для того чтобы вызвать у этой категории сочувствие и поддержку. В юртовые объединения были вновь отправлены «пешие бригады» и «красные лодки». О составах этих бригад и пройденном расстоянии убедительно говорит сводная таблица, приложенная к отчету о проведении массово-разъяснительной работы по вербовке детей казымских жителей в школу-интернат за период с 8 мая по 6 октября 1932 года (см. таблицу).

№ п/п	Форма бригады	Состав бригады	Место работы	Период	Расстояние	Кол-во хозяйств
1.	Пешая бригада	Хозяинов И. Н. – председатель интегрального товарищества, Каксин Е. Е. – заместитель председателя Казымского тузсовета, Новицкий И. А. – секретарь Казымского тузсовета	Хуллор, Ильбигорт, Юильск	10 мая – 15 июня	600	23
2.	Красная лодка	Ерныхов О. С. – бывший пред. тузсовета, Лоскутов А. Н. – учитель, Башуров В. А. – зав. больницей, Новицкий П. А., Вострокнутов В. В. – заведующий школой-интернатом, Хозяинов, Тарлин А. К.	Выргим	5 мая – 9 июля	140	10

3.	Красная лодка	Спиридонов П. – пред.тузсовета, Новицкий П. А., Башуров В. А., Лозямов П. А., Томилина Л. – учительница, Гедеонов А. Я. – краевед, Пляцек В. В. – ветеринар, Вострокнутов В. В., Мякушко П. С.	Хуллор, Ильбигорт, Юильск	13 июля – 28 августа	600	26
4.	Красная лодка	Спиридонов П., Решиков Е., Новицкий И. А., Томилина, Вострокнутов, Новицкий, Кузнецов.	Амня	3 августа – 7 августа	50	16
5.	Пешая бригада	Томилина, Михайлов, Дедюхин.	Выргим	15 октября – 28 октября	140	11
6.	Пешая бригада	Гедеонов, Тарлин.	Амня	17 октября – 2 ноября	400	18
7.	Пешая бригада	Каксин, Лоскутов, Решиков, Шехирев.	Хуллор, Ильбигорт, Юильск	18 сентября – октября	650	31

Но результаты работы по «вербовке» детей в школу были неутешительными: родители из различных юртовых объединений согласились отдать в школу только 7 детей, обещано было аборигенами привезти еще 4 ребенка. Остальные же казымцы наотрез отказались от учебы своих детей в школе-интернате⁹⁸.

Аркадий Николаевич Лоскутов в своих воспоминаниях отмечает, что очень часто приехавших учителей встречали на стойбищах недоброжелательно, «при первой же попытке завязать разговор о школе, хозяева настораживались и выходили на улицу в поисках работы или же уходили в лес на промысел⁹⁹». Иногда родители, еще до приезда гостей, скрывали детей в дружных жилых помещениях и только тогда, когда учителя отъезжали от стойбища, дети возвращались обратно. Вести об объезде

учителей облетали казымскую округу со стремительной быстротой, и, приехав на очередное поселение хантов для «вербовки детей в школу», некоторые стойбища казымцев оказывались пустыми.

Что же касается хозяйственно-экономических мероприятий, то за 1932 год был выполнен план по рыбозаготовкам на 93 %. Планы по пушнине, дичи и другим видам были также выполнены полностью, а по мобилизации средств даже перевыполнены. Чтобы стимулировать работу Казымского тузсовета, президиум Березовского райисполкома выносит постановление о премировании председателя П. Е. Спиридонова 50 рублями и двуствольным ружьем, а его заместителя Е. Е. Каксина также 50 рублями и зимним пальто¹⁰⁰. Кроме этого, в первом квартале 1933 года Казымским интегральным товариществом завоевано переходящее красное знамя РИКа за выполнение плана рыбозаготовок¹⁰¹. Заместитель заведующего культбазой А. Д. Шершнев в своем письме Центральному комитету Севера в Москву объясняет это тем, что «все это достигнуто не самотеком, а в ожесточенной борьбе с классовым врагом: кулаком [и] шаманом. Это достигнуто на основе систематической повседневной работы с туземным батрачеством, беднотой, середняками. Подымая их классовое сознание, оказывая материальную помощь бедноте, развертывая соцсоревнование, премируя лучших ударников промысла, организациям Казыма удалось активизировать основную массу туземного населения, поднять ее на борьбу за выполнение планов по всем видам заготовок»¹⁰².

Шершнев, празднуя свою победу, в феврале 1933 года ставит перед Березовским отделом ОГПУ вопрос об аресте 12 человек наиболее реакционной части казымского общества. В марте месяце этого же года, когда население не знало о том, что в Березово решается вопрос об аресте «кулаков» и шаманов, опять происходит собрание аборигенов в юртах Каксина Максима Петровича. После гадания, которое проводил хозяин, предлагалось два решения для выхода из создавшегося положения: один – уходить в далекие края тундры, другой – уйти к самоедам для объединения с ними в борьбе с «русскими»¹⁰³.

Было принято решение «далее в Казыме не оставаться, так как жить стало трудно и всем перекочевать в тундру к нен-

цам и там скрываться, не подчиняясь советской власти». Но всем уйти не удалось. Опергруппе ОГПУ, в которую входил и Захар Посохов, ханты по национальности, удалось задержать 4 казымцев: Тарлина Павла Семеновича («серого кардинала», по мнению историков А. С. Пиманова и А. Н. Пилюкова), Молданова Ивана Петровича, Каксина Максима Петровича и Молданова Тимофея Ефимовича. Остальным же осяткам удалось скрыться. Молданов Андрей Петрович (большой) со своей семьей откочевал в верховья реки Мевтаң-Лямаң (приток реки Ляпин), верст за 300–400 от Юильска, туда же откочевал и Сенгепов Иван Тимофеевич, при чем так поспешно, что оставил в Помутской лавке свой гусь и деньги. Ерныхов Иван Андреевич перекочевал с оленями в верховья реки Пим юхан. Молданов Сергей Кириллович и Молданов Семен Васильевич откочевали в верховья реки Тэрўм юхан. Молданов Михаил Васильевич уехал к самоедам на озеро Нумто. Молданов Андрей Петрович (хромой) переехал в сторону Сургута; когда стало тепло, вернулся обратно и остановился у брата Молданова Ксенофонта на летнем стойбище. Рандымов Иван Николаевич перекочевал в верховья реки Казым. Сенгепов Михаил Тихонович откочевал на реку Курёх дор, в сторону Обдорска (ныне Салехарда), в верховья реки Полуя, бросив хорошие рыболовные угодья. Лозямов Кирилл с сыновьями Васьки Сорума (Василия Захарова) откочевали куда-то очень далеко. Хотя и было разбросано на сотни километров зажиточное казымское общество, но его члены всегда держали связь между собой¹⁰⁴. По сути, с завершением этих перекочевков казымского населения заканчивается первый этап восстания, поскольку события с территории Казымской культбазы перемещаются в район озера Нумто. И с этого времени местными жителями они будут именоваться не иначе, как «самоедская война с русскими».

Глава 5.

СОБЫТИЯ НА ОЗЕРЕ НУМТО – ВТОРОЙ ЭТАП ВОССТАНИЯ

Летом 1933 года в связи с переездом наиболее влиятельной и зажиточной части населения в ненецкую тундру очаг сопротивления советским мероприятиям был перенесен в верховья реки Казым, в район озера Нумто – место проживания лесных ненцев.

Это озеро представляет собой крупнейший водоем в системе больших и малых озер, соединенных с Нумто многочисленными речушками и протоками. Местным населением озеро не облавливалось, поскольку на Нумто находилось крупное святилище. Согласно хантыйской легенде, посреди озера Нумто, на острове, который и теперь называется Йэмаң пэхар – «святой остров», жила Казымская богиня (Касум тый ими, Вўт ими). Святым издавна считается и мыс на северном берегу озера, и два маленьких островка в западной части – «голове» озера. Нумто было местом поклонения ненцев, хантов, многие из которых приходили к священному озеру издалека. Образное восприятие очертаний этого географического объекта позволило местным жителям представить озеро живым, в виде лежащего человека: так и лежит он на спине, раскинув руки-речки, смотрит в небо глазами островками, и бьется его чуткое сердце – тот самый святой остров, на котором жила Вўт ими и куда испокон веков женская нога не ступала.

22 декабря 1932 года на пленуме Казымского тузсовета, где присутствовало 120 человек, был поставлен вопрос об облове озера Нумто, который решился положительно. Следует отметить, что на пленуме присутствовали лишь ханты. Ненцы, проживавшие близ озера Нумто и по сути являвшиеся самыми заинтересованными по этому вопросу лицами, на собрании отсутствовали, очевидно, из-за их большой отдаленности от культбазы. И хотя заместитель заведующего культбазой А. Д. Шершнева в своем письме в Центральный комитет Севера при ВЦИК утвер-

ждал, что протеста хантов по облову озера Нумто не было¹⁰⁵, скорее всего, решение было принято под давлением администрации культбазы. Что касается дальнейшей организации рыбо-ловецкой артели, то местные остяки наотрез отказались участвовать в облове святого озера Нумто. Однако в результате проведенной администрацией культбазы работы и долгих споров с тузсоветом удалось организовать одну рыбацкую бригаду из остяков и русских, руководителем которой был назначен беспартийный приезжий русский Андрей Иванович Белозеров. В феврале 1933 года на Нумто была послана артель плотников для сооружения хозяйственных и жилых построек, в которых планировалось разместить членов рыболовецкой артели. А уже в марте месяце на озеро Нумто прибыла первая рыболовецкая бригада для промышленного вылова рыбы.

Организуя промысел на озере Нумто, администрация культбазы проигнорировала религиозные особенности местного населения, и в первую очередь ненецкого. В то время озеро Нумто было богато ценной рыбой – сырком, однако не была продумана организация промысла на озере, не было создано и надежной транспортной схемы по доставке рыбы потребителям. Доставка грузов, продовольствия, товаров и рыбацких снастей была также чрезвычайно затруднена. Обычно грузы культбазы доставлялись на озеро Нумто зимой, санным путем. Транспортные расходы были колоссальными. Стоимость доставки каждой тонны груза доходила до 50 рублей. Позже, в 1934–1935 годах, краеведческой ячейке удалось найти водный путь от озера Нумто до реки Казым, который позволил бы в несколько раз сократить транспортные расходы по доставке грузов, а также значительно облегчил бы транспортировку рыбы на Березовский рыбозавод¹⁰⁶.

В архивных документах того периода имеется информация о том, что затраты на данный промысел уже в 1937–1938 годах никак себя не оправдали. Весь улов за эти два года попросту сгнил, потому что вовремя не вывозился. Причина тому – халатность местных властей и значительная удаленность Березовского рыбозавода от промысловых угодий озера Нумто. В связи с этим у местного руководства появилась обеспокоенность, что «промысел на озере Нумто совсем заглохнет»¹⁰⁷. К тому же в

озере запасы сырка были очень быстро исчерпаны из-за неоправданного крупномасштабного вылова рыбы.

О последствиях столь необдуманной организации промышленного лова рыбы на озере Нумто еще предстояло узнать. А вот о том, как разворачивались события на священном озере в начале лета 1933 года, свидетельствует докладная записка ответственного секретаря Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) Сирсона А. Я. в ЦК ВКП(б) т. Медведеву. 9 апреля 1933 года на озеро явились представители ненцев в количестве 8 человек и высказали протест против облова озера. Они начали прогонять бригаду рыбаков с озера, угрожая сжечь культбазу, и требовали освобождения четырех хантов, арестованных весной 1933 года. Кроме этого, они требовали личного приезда заведующего культбазой и председателя интегрального товарищества.

По требованию ненцев на озеро были командированы А. Д. Шершнева – исполняющий обязанности начальника культбазы и И. Н. Хозяинов – председатель Казымского интегрального товарищества, а также председатель тузсовета П. Спиридонов и переводчик Новицкий – секретарь Казымского тузсовета. Прибыв на место, А. Д. Шершнева и И. Н. Хозяинов, очевидно с целью самозащиты, принялись делать опыты по изготовлению гранат, набивая редьку порохом и делая из ниток фитили. Ими же были приготовлены мешки и веревки, для того чтобы связать ненцев на тот случай, если они окажутся «кулаками»¹⁰⁸.

Как свидетельствуют различные источники, воинственно настроенные А. Д. Шершнева, И. Н. Хозяинов и И. А. Новицкий допускали по отношению к ненцам и хантам явные угрозы, заключавшиеся в том, что если конфликт не разрешится, культбаза «отправит 4–5 аэропланов и солдат, и всех раздавят»¹⁰⁹. Эти военные приготовления стали, по всей вероятности, известны ненцам, потому что на назначенную встречу они так и не пришли, а просили ждать их через два дня. Командированная бригада ждать самоедов не стала, решила уехать ни с чем, оставив ненцам письмо, в котором, по словам А. Д. Шершнева звучала просьба «не сжигать культбазу», возможно, присутствовали и угрозы, потому что именно с момента приезда бригады по улаживанию конфликта местное население убедилось в том, что «русские готовятся к войне».

После отъезда командированных, а именно 21–22 апреля 1933 года, на рыболовный промысел озера Нумто явились в большом количестве ненцы и ханты на 70 нартах, окружив рыболовный промысел на озере Нумто со всех сторон. Они заявили, что «пришли договариваться, а не воевать». После этого состоялось собрание, на котором требования ненцев были запроотоколированы А. И. Белозеровым. Требования эти заключались в следующем:

«1. Немедленно прекратить постройку промысла, и прекратить лов, и выехать немедленно с озера.

2. Возвратить увезенных ОГПУ казымских кулаков»¹¹⁰.

Рыбацкой бригаде было разрешено «ловить рыбу только на еду». Позднее была сделана еще одна уступка – «ловить несколько больше». Нужно отметить, что ненцы живо интересовались стоимостью сегоматериалов, а некоторые из них даже спрашивали, «примут ли с нас рыбу, если будем ловить сами»¹¹¹.

По этому случаю, связанному с новым запрещением облова озера ненцами заведующий рыболовным промыслом А. И. Белозеров отправляет письмо на культбазу И. Н. Хозяинову (Приложения, документ № 3).

В начале июня 1933 года на культбазу приехал из Нумто руководитель промысла А. И. Белозеров и сообщил о новом запрещении облова. И опять на озеро 7 июня 1933 года была командирована бригада в составе Мякушко Порфирия Сергеевича – секретаря Казымской партийной ячейки, Дедюхина Николая Дмитриевича – заместителя заведующего культбазой, Белозерова Андрея Ивановича – заведующего рыболовным промыслом на озере Нумто, Лоскутова Аркадия Николаевича – заведующего школой-интернатом, перед которыми стояла задача проверить и наладить работу рыболовецкой артели, а при необходимости переключить ее на облов ближайших к Нумто водоемов. Партийной ячейкой культбазы были составлены наказы по проведению работы на озере Нумто. (Приложения, документ № 4). Прибыв на место, эта группа прожила на озере 18 дней, выявила все «военные приготовления» предыдущей бригады работников культбазы, однако с ненцами так и не встретилась. По словам остяка Вандымова, ненцы разрешали ловить

рыбу летом и два месяца по льду. Бригада перед отъездом оставила письмо к ненцам и хантам следующего содержания:

«Товарищи ненцы. Мы к вам приходили в лице представителей от местных учреждений и организаций: кооперации, туземного Совета и культурной туземной базы с тем, чтобы с вами договориться о том, как лучше устраивать лучшую жизнь, как лучше выполнять государственные плановые задания и вообще все мероприятия Советской власти и Коммунистической партии, в частности об организации облова озера Нумто. Жили мы у вас на озере Нумто 18 дней. Посылали к вам нарочного, но не пришли, хотя и обещали. Старались с вами связаться по-товарищески, по-дружески, переговорить все то, что у вас есть неразрешенное, неясное. Очень жалеем, что вы не пришли. Причины вашего неприхода для нас неизвестны. Сейчас мы уходим в Амню, а вам оставляем свои пожелания:

1. Организованный промысел на озере Нумто туземным кооперативом просим всячески поддержать (в частности, выявления рыбных мест, оказание содействия в разных перебросках грузов, а также практического участия в рыбной ловле).

2. Крепче завязать дружеские взаимоотношения с артелью, состоящей из остяков и русских.

3. Все недоразумения разрешить мирным путем.

4. Русских бояться не нужно, они вам кроме хорошего ничего не сделают.

Все недоразумения, происходящие зимой во время выезда бригады последним путем, обещаем урегулировать. А с вашей стороны просим еще раз оказать содействие по облову озера Нумто. Все вопросы, которые остались неразрешенными, разрешим с выездом по первому санному пути»¹¹².

После возвращения командированных на культбазе состоялось общее собрание ячейки ВКП(б), которая строго осудила действия Шершнева, Хозяинова и Новицкого – первой бригады по улаживанию конфликта (Приложения, документ № 5). Исполняющего обязанности заведующего культбазой А. Д. Шершнева и председателя интегрального товарищества И. Н. Хозяинова – представителей первой бригады – власти сняли с работы, причем Шершнева исключили из рядов ВКП(б) за провокационные действия, которые привели к обо-

стрению конфликта между властями и местным населением. Центральным Комитетом Севера при ВЦИК на должность начальника культбазы был назначен Круглов. Судя по его докладной записке о ситуации на Казымской культбазе в 1933 году, Круглова можно назвать довольно рассудительным чиновником, объективно разбирающимся как в политической, так и в экономической обстановке, хотя в записке заведующего отделом руководящих парторганов ЦК ВКП (б), адресованного Сталину, Кагановичу и Жданову он назван алкоголиком¹¹³. И по этой причине эстонский исследователь Арт Леэте предполагает, что регулированием конфликта на Казымской культбазе занимались личности неадекватно ведущие себя и бессильные, что «создало потребность искать решение на более высоком уровне»¹¹⁴.

26 июля 1933 года на озеро Нумто была отправлена комиссия Остяко-Вогульского окрисполкома и Окружкома ВКП(б) во главе с председателем окрРИКа А. А. Ганиным для расследования конфликта между ненцами и Казымской культбазой (Приложения, документ № 6). Но и она не встретилась с ненцами и констатировала, что «вопрос по облову озера остался неразрешенным, и конфликт с ненцами остался неурегулированным в силу невозможности в летний период вызова самоедов на озеро и вследствие откочевки их на отдаленные от озера участки тундры. Повторный выезд окружной бригады по первым заморозкам [считать] безусловно необходимым»¹¹⁵.

Между тем степень напряжения в среде местного населения проявилась в проведении в течение полугода трех больших собраний, сопровождавшихся непременным камланием. Первое собрание было на реке Лямин, после которого в среде местного населения пошли «слухи о скором приходе сверху белых парходов и отступлении красных».

Второе собрание, которое было обозначено, как годовые «поры», прошло осенью 1933 года вблизи святилища Лдунхот (на реке Вовр вош юхан – притоке реки Казым). На это собрание съехалось около 30 человек. Камлание проводил Молданов Андрей Петрович (хромой), который объявил народу: «Бог сказал, что скоро советской власти не будет, придет власть царская, при

которой кулакам будет жить лучше, а сейчас бог велит всему «народу» [объединится] вместе, откочевать в тундру и соединиться с самоедами»¹¹⁶.

Одним из наиболее крупных и масштабных по численности и по важности можно считать «поры» неподалеку от святилища «Лдор хоняңн юх пай» (недалеко от озера Нумто), которое состоялось 1–2 декабря 1933 года. На него съехалось свыше 40 человек. В качестве жертвоприношения был забит 21 олень. Камлание проводили Андрей Петрович Молданов (хромой), Григорий Яковлевич Молданов. После окончания обряда они объявили народу: «Бог одобряет наши намерения захватывать русских, связывать их и предъявлять к советской власти все намеренные нами требования»¹¹⁷. На этом собрании по предложению ненцев Вылла Енгух и Вылла Атлета был выбран руководитель всего «казымского мира» – «лаль ух хо». Им стал Ефим Семенович Вандымов, который заявил: «Раз вы меня назначили своим старшим, то весь самоедский и остяцкий народ должен слушаться меня, а если кто только без моего разрешения уедет куда, то поймаем и будем судить своим судом. Так и знайте»¹¹⁸.

Когда все уже собрались разъезжаться по своим чумам, приехал ненец Аны Комзя, который был оставлен караульщиком у стойбища шести чумов, что в 50–100 км к юго-востоку от озера Нумто. Он сообщил, что туда приехал председатель Казымского тузсовета П. Спиридонов и приглашает всех на собрание. Было решено всем собравшимся подъехать к стойбищу шести чумов утром, а Вандымов и Иван Андреевич Ерныхов с Анны Комзя должны были в срочном порядке отправиться на встречу с председателем тузсовета Спиридоновым. За чаем Спиридонов сообщил визитерам, что на Нумто приехала бригада с вопросами об облове озера Нумто и организации пушных заготовок.

Эта группа представителей советской власти была пятой по счету и самой многочисленной из всех групп, которые занимались решением вопросов по облову озера Нумто. И как покажет время, она стала последней. Четвертая же бригада была организована в октябре, но до озера так и не дошла, поскольку сбилась с пути и вернулась обратно. В состав последней группы вошли:

Петр Васильевич Астраханцев – председатель Березовского райисполкома, Петр Маркелович Смирнов – заместитель заведующего Казымской культбазой и Николай Варламович Нестеров – заведующий Казымским интегральным товариществом (приехавшие на работу на культбазу после отличившихся военными приготовлениями и уволенных Шершнева и Хозяинова), Захар Никифорович Посохов – сотрудник Березовского райаппарата ОГПУ, ханты по национальности, уроженец д. Мулигорт, Полина Петровна Шнейдер – уполномоченная Уральского обкома ВКП(б), Порфирий Сергеевич Мякушко – секретарь ячейки ВКП(б) культбазы. В группу также входили два переводчика: Павел Николаевич Лозямов и Никита Павлович Каксин, а также Прокопий Ефимович Спиридонов – председатель тузсовета, Егор Ефимович Каксин, его заместитель, и Петр Алексеевич Волдин – член Казымского тузсовета.

Бригада Астраханцева отдала распоряжение Спиридонову, чтобы на собрании на озеро Нумто пригласили только ненцев, да и то лишь тех, кто живет вблизи озера. Однако после того как Спиридонов сообщил заговорщикам, что «русские» намерены арестовать 18 человек», было решено пригласить бригаду на собрание к шести чумам, а здесь их связать и убить. Всем хантам и ненцам был отдан приказ – держать оружие наготове. Надо заметить, что «изъятие наиболее зажиточной верхушки (кулачества)» действительно намечалось, что подтверждается документами (Приложения, документы № 2, 6).

3 декабря группа Астраханцева почти в полном составе (не было только Мякушко – секретаря ячейки, который остался на промысле) приехала к стойбищу шести чумов с 4 ружьями. Состоялась небольшая беседа с местным населением, но из-за позднего времени собрание было решено перенести на следующий день. Местные жители уже ночью опять созывают собрание, на котором должна была решиться участь приезжих. Собрание сопровождалось гаданием на топоре, которое проводил Андрей Петрович Молданов (хромой). Он сообщил народу: «Бог велит русских, приехавших к нам, обратно не отпускать, а велит связать, а то если мы их отпустим, то после они наших увезут восемнадцать человек»¹¹⁹.

На рассвете 4 декабря 1933 года, сразу же после камлания, из чума Анны Комзя были вынесены вещи домашнего обихода для проведения собрания с «русскими». Как только началось собрание, прозвучала условная команда Молданова Ефима Ивановича «та та», после которой вся бригада была мгновенно связана и избита. В руках заговорщиков оказалось семь человек, включая переводчиков – вся бригада, кроме членов тузсовета.

В это время к стойбищу подъехал Григорий Михайлович Никитин – заведующий отделением Уралпушнины, вызванный ранее Астраханцевым. Его сбили с ног, связали веревками и заставили писать требования к советской власти. В целях объективного отражения сложившейся на озере Нумто обстановки приводим текст требований полностью:

«Записано мною по требованию ненцев. 1-го декабря 1933 года собралось общее собрание туземцев: самоедов 100 человек. На собрании постановили. Что наших остяков из тундры взяли [и] увезли, сколько даем мяса и рыбы, все не довольны. Власть не задеваем, подчиняемся. В лавку все отдаем: пушнину и рыбу, а муки не дают – все убавляют, нам нормы не хватает, вместо денег за сданную пушнину и рыбу дают облигации. Из школы наших учеников возвратить обратно, в будущем насильно не собирать детей в школу. Налог сколько не плати – все просят. На деньги ничего не отпускают. Сколько наших увезли в тюрьму – и возврату нет.

Наших старшин уволить из тузсовета Амни. Просим возвратить обратно 1. Молданова И. П. 2. Каксина Максим[а] 3. Тарлин[а] П., Молданова Т. Просим [В]ЦИК и округ вернуть в тундру осяткам.

Торговли совсем не надо, только одну лавку оставить [в] Амне, остальные все убрать. Выехала бригада 10 человек: Астраханцев, Посохов, Смирнов, Шнейдер, Нестеров, Лозямов, Каксин, Никитин, Спиридонов, Волдин – у всех ружья: у всех 4 ружья.

Пугать совсем не надо, в прошлом году просили озеро Нумто промышлять, ну а теперь ездят с ружьями. «Если вы не дадите промышлять, то вышлем 3, 4, 5 аэропланов», – говорили Шершневы и Хозяинов. После собрания весь народ пугали, что пошлем солдат и аэропланы и всех раздавят, и просили 800 руб-

лей на все расходы на поездку посланных уполномоченных культбазой и интегралом.

Созвали инородцев [в] Нумто весной, положили в нарту редьки вместо гранат и пугали. Шершневу, Хозяинову, Новицкий пугают всех остяков [и] самоедов, из-за того промышлять бросили живущие около Нумто самоеды, т. к. самоеды на протяжении озера Нумто жило около 20 чумов – 100 человек.

Просим возвратить наших из тюрьмы, тогда мы отпустим обратно ваших заложников: Посохова З., Астраханцева – Пред[седателя] РИКа, Смирнова, Шнейдер – обком ВКП(б), Нестерова, Лозямова П., Каксина.

Посохова Захара, который у нас увез инородцев в тюрьму, не купцов и не кулаков, просим немедленно возвратить взятых у нас остяков из тюрьмы Молданова Ив. П., Каксина Макс., Тарлина П. С. и Молданова Тимофея Ефимовича.

Если большой судья наших не возвратит, мы их не отпустим. Совсем не пустим инородцев, русским совсем запрещаем. Если нам дадут хлеба и остальное, то мы подчинимся.

Постановили одним голосованием, казымцы 80 человек и самоеды 20 человек всей вершины постановили: дать месячный срок на все изложенные выше требования.

Весь товар, имеющийся в Помуте и Нумто, распродать, а вновь не завозить.

Записано мною, Никитиным, под диктовку ненцев и остяков 4-го декабря 1933 года в стойбище к юго-востоку от Нумто для передачи на культбазу. Подпись: Никитин»¹²⁰ (Приложения, документ № 9).

Когда требования были дописаны, членам тузсовета Спиридонову, Волдину и Каксину было поручено доставить их на культбазу. Вскоре уехал и Григорий Никитин, забрав с промысла оставшегося П. С. Мякушко.

Теперь мятежникам предстояло решить судьбу плененной бригады. Возможно, ханты и ненцы, повинаясь вековым традициям, в решении столь важного вопроса положились опять же на «мнение» бога. Связанных и избитых членов бригады затащили в чум, вновь начался обряд гадания, который на то-поре проводил Яков Петрович Молданов. Но и теперь «бог требовал смерти русских». Затем пять человек после объезда

сопки были задушены веревками. По мнению этнолога-историка Головнева, все производимые ненцами и хантами в период удушения действия «не оставляют сомнения в том, что они совершали очередное «поры»¹²¹. Сведения из воспоминаний Л. П. Астраханцевой, написанных спустя три месяца после похорон мужа, о том, что члены бригады были скальпированы, и у Шнейдер были вырезаны груди¹²², в документах и обвинительном заключении отсутствуют. Два переводчика ханта Лозямов и Каксин были оставлены мятежниками в живых в качестве заложников. После совершенного убийства Вандымов приказал никому об этом не говорить, никому самовольно не отлучаться от стойбища и оружие всегда держать наготове.

О мятежных событиях на Казымской территории было хорошо известно по всей хантыйской округе далеко за пределами тузсовета. Местное население других территорий, в том числе и манси, поддерживало казымских хантов и ненцев, но активной организационной деятельности среди них в то время не наблюдалось. После захвата бригады Астраханцева Прокопий Спиридонов отправил в юрты Ребятские Полноватского тузсовета к Тимофею Пендахову своих сыновей Кирилла, Леонтия и Алексея с наказом об оказании помощи восставшим. Тимофею Пендахову удалось устроить собрание остяков, приехавших из всех юрт, находящихся в Приобской полосе. Это собрание также сопровождалось камланием, которое проводил А. П. Пендахов, он сообщил волю бога: «Самоеды победят русских. Мы, остяки, должны организовать отряд и объединиться с самоедами, чтобы с большой силой воевать с советской властью. Ведь нам при советской власти живется плохо. Советская власть выслала кулаков и морит их голодом, заморит и нас, остяков»¹²³.

Было решено создать отряд для сопротивления советской власти. Руководителями отряда были избраны Пендахов Г. Я., Пендахов А. И., Юхлымов К. Е., Пендахов Н. И. и Пендахов И. А. Но выступить обским хантам так и не удалось, поскольку приехал связной, Пендахов Никита, с приказом от Спиридонова Прокопия: всем «разъехаться под видом охоты по своим урманам».

Интересен тот факт, что в результате противостояния местных жителей и власти, наиболее лояльная советской власти

часть хантов Приказымыя, а именно Ерныхов Осип Сидорович – бывший председатель Казымского тузсовета и другие активисты культбазы, сомневаясь в адекватности проводимых мероприятий властей, начали оказывать поддержку мятежникам, выражавшуюся в осуждении действий местной администрации¹²⁴. У многих казымцев появились сомнения в позитивном исходе развивающихся событий.

Между тем к попыткам разрешения возникшего конфликта спешно подключилось областное руководство. Руководителями подавления Казымского мятежа были назначены представитель Уральского обкома Чудновский и представитель Уральского областного ОГПУ Булатов. Десятого декабря после получения известия о захвате самоедами и хантами группы Астраханцева из Свердловска отправляется секретная телеграмма полномочного представителя областного ОГПУ в Самарово (Остяково-Вогульск) ОГПУ Костенецкому следующего содержания:

«Десятого [в] Самарово выезжает представитель обкома Чудновский, [у] аппарата Булатов. Предлагаю: первое, немедленно приступить к формированию отряда численностью минимум 50, максимум по количеству оружия; второе, тщательно подберите состав отряда – особо командный состав, обмундируйте, обеспечьте довольствием; третье, оружие не выдавать до приезда Булатова, в распоряжение которого отряд поступит; четвертое, срок готовности отряда – четырнадцатое, повторяю, четырнадцатое декабря; пятое, самолеты запрошены [из] Москвы, в случае необходимости отряд войск будет выброшен дополнительно. Исполнение донести. Минаев»¹²⁵.

Надо сказать, что подготовка отрядов проводилась в режиме строгой секретности, чтобы у местного населения не вызывать ни малейшего подозрения (Приложения, документ № 8). Причем сам формирующийся отряд не знал ни направления, ни характера предстоящей командировки. Например, бойцам, отобраным в Самаровском районе, было объявлено, что они едут на месячные окружные курсы партактива, о чем выдавался соответствующий документ¹²⁶. Конспирация была очень строгой, все телеграммы об организации этого отряда были строго секретны и шли через представителей ОГПУ. Об этом свидетельствует телеграмма ответственному секретарю окружкома ВКП(б)

Сирсону из Березово: «Будучи на телеграфе, я изъяс у телефонистки намеченную к передаче на Ваше имя прилагаемую при этом телеграмму. Как она шла от Березово простой, а не через нашего представителя – проверяю»¹²⁷.

Поскольку отряд направлялся в тундру, перед организаторами стояла проблема обмундирования бойцов теплой меховой одеждой: малицами, кисами и т. д. С этой целью делались специальные заказы в села Саранпауль и Мужи для сбора готовой меховой одежды. Для того чтобы не спровоцировать волнения на других территориях, окружными властями издавались приказы по скорейшему изучению настроения аборигенов, усилению массово-разъяснительной работы среди коренного населения и рекомендовалось более широкое авансирование хлебом обских остяков: бедняков и многосемейных¹²⁸.

Между тем отряды, возглавляемые Чудновским и Булатовым, прибыли на культбазу для карательной операции по задержанию мятежников уже в третьей декаде декабря 1933 года. Сначала руководство отрядов попыталось действовать методом уговоров: через специально отправленные делегации, которые формировались из представителей коренного населения, предлагалось отпустить заложников. В 20-х числах декабря такая делегация во главе с Григорием Ивановичем Ерныховым была отправлена с Казымской культбазы. Они везли письмо от председателя облсуда Уральской области Чудновского и *шэмдэң юх*, на которой были нанесены родовые знаки соплеменников Казымской территории, с просьбой отпустить «русских» и собраться «всем миром» для обсуждения этого вопроса на культбазе. Однако Вандымов Ефим им ответил: «Нет, мы русских не отдадим. Пусть сначала советская власть вернет нам наших четырех человек, которых увезли у нас куда-то [...] Мы сейчас находимся на военном положении...»¹²⁹.

По возвращению делегации во главе с Ерныховым из лагеря мятежников на рыболовный промысел Нумто, вероятно, она связалась с помощью рации с радиопоста с руководством сформированного отряда ОГПУ. Получив сообщение делегации, Чудновский с культбазы отправляет секретную телеграмму от 6 января 1934 года:

«Только что получил с радиопоста около Нумто сведения от посланной нами делегации, возвратившейся от ненцев. [В] сообщении говорится: “Делегация возвращается без заложников, ненцы отказались освободить раньше, чем получают арестованных кулаков, вновь подтвердили все требования, отказавшись вести какие бы то ни было переговоры, подтвердили, что приезжающих русских будут вязать. Туземцам запретили выполнять поручения русских, угрожая арестом”. Таким образом, все наши мирные мероприятия безрезультатны, наоборот, они ободряют кулачество. Если же учесть, что промысел [на] Нумто закрыт, продукция вывозится, детей [в] школу берут [по] соглашению родителей, [в] работе факторий нарушений обследованием не установлено, то остается только факт исключительно политического требования освобождения кулаков. [В] связи [с] этим пришли [к] выводу [о] необходимости проведения следующих мероприятий:

1. Немедленно взять заложников из числа остяцких авторитетов и оставшихся [в] Казыме родственников, бежавших [в] тундру.

2. Провести операцию по изъятию кулачества [и] контрреволюционного элемента, связанных с событиями, по данным [О]ГПУ.

3. Двигаться [на] Нумто, дальше [в] тундру целесообразно только при наличии права применения оружия.

Ждем ваших развернутых указаний. Чудновский. Булатов. Верно: Уполномоченный Костенецкий»¹³⁰.

В продолжение попыток разрешить конфликт мирным путем примерно 9 января 1934 года Чудновским была командирована к мятежникам следующая бригада в количестве трех человек во главе с Прокопием Спиридоновым, которая привезла мятежникам весть о прибытии на культбазу опергруппы ОГПУ. Спиридонов, который не сообщил опергруппе об убийстве заложников, пробыл у мятежников 12 дней, участвуя во всех проводимых кампаниях, и уехал снова на культбазу. В лагере шести чумов началось роптание недовольных хантов и ненцев, поскольку уже кончались запасы продовольствия. Было принято решение, что одна часть разъедется по своим стойбищам, другая отправится в отдаленную Надымскую тундру.

После получения разрешения властей начать карательную операцию, 2 февраля 1934 года, было принято решение о заброске отряда во главе с Булатовым в район озера Нумто. Сам Чудновский остался на культбазе, в штабе. Последняя его телеграмма с культбазы, датированная уже 7 февраля 1934 г., свидетельствует, что операция началась и отпустить никого из отряда он не может¹³¹.

Документов о методах проведения карательной операции в тундре существует совсем немного. Имеется лишь краткая информация о том, что между мятежниками и опергруппой состоялся небольшой бой, в ходе которого были убиты бойцы отряда ОГПУ Кибардин и Дуркин, был тяжело ранен Соловьев, вскоре скончавшийся от ран. А со стороны мятежников был убит Сенгепов Григорий и его мать, которая подносила сыну патроны в период перестрелки. На подавление восстания из Москвы были отправлены аэропланы, в короткие сроки позволившие провести операцию по задержанию всех мятежников, кроме ненца Вылла Енгуха, которому удалось скрыться¹³².

Но в народной памяти хантов и ненцев жива все-таки молва, что при задержании мятежников пострадало около 2–3 десятков ни в чем не повинных людей, никакого отношения к восстанию не имевших. Например, мать Вылла Андрея (жена Вылла Койту, который приходился братом Молданова Тимофея Алексеевича) в августе 1991 года рассказала, что при подавлении восстания к ним на стойбище прилетел зимой самолет, покружился в воздухе и пустил пулеметную очередь по чуму, продырявив его в нескольких местах. В результате была убита сестра матери Логаны Михаила. Ей пуля попала между глаз. Самолет сел неподалеку от их жилища, когда же бойцы вошли в чум, то мужчин в нем не оказалось. Солдаты штыками искололи все постели и грузовые нарты.

А вот другой рассказ местного жителя – ненца Пяк Вэку (в то время ему было всего 7 лет). Он рассказал автору в устной беседе, что солдаты с аэропланов вели пулеметный огонь по детям и подросткам в малицах, думая, видимо, что стреляют по убегающим мятежникам, возможно, с высоты трудно было различить бегущих людей. Эти воспоминания местных жителей никак не отражены в документах, может быть, эти случаи, по

известным причинам, не были зафиксированы бойцами опергруппы.

В течение двух с половиной месяцев опергруппой ОГПУ в Казымском и Полноватском тузсоветах было арестовано 88 хантов и ненцев, из которых в процессе следствия было освобождено 34 человека «за отсутствием состава преступления», «за маловажностью преступления и социально близкой нам (рабочим и крестьянам) прослойке». 3 человека умерли в ходе следствия. Иван Андреевич Ерныхов умер 26 апреля 1934 года «от расстройства деятельности сердца и крупозного воспаления легких», а в марте 1933 года по неуказанным в документах причинам умер Андрей Петрович Молданов (хромой). Таким образом по делу № 2/49 остался 51 обвиняемый (Приложения, документ № 11). По данным А. С. Пиманова, было предъявлено обвинение 52 человекам: 33 казымским ханты, 14 полноватским и 5 лесным ненцам, 11 человек было приговорено к расстрелу, 3 оправданы, остальные получили разные сроки тюремного заключения¹³³.

В ходе расследования дела у мятежников были изъяты вещественные доказательства:

«Винтовок – 6, патронов – 140, гильз – 110, пуль свинцовых – 10, форма для литья – 1, разного охотничьего оружия – 31 шт., охотприпасов на 142 р. 30 к. – 276 р. 74 к. Имущество у повстанцев, изъятое при ликвидации: оленей – 979, разных вещей на 800 р., [предметы, применявшиеся на] обрядах шаманства: разной пушнины 2095 р. 11к., оленьих костей на 25 р. 9 к., ягод на 104 р., разной пушнины на 337 р. 69 к., мясо оленя [на] 2313 р. 50 к. и рыбы на 89 р. 65 к. – конфисковать в доход государства¹³⁴».

Арестованных хантов и ненцев увозили через Полноват в Остяко-Вогульск на оленьих нартах, привязанными спинами друг к другу. Не все аборигены вернулись домой из заключения, многие не пережили тюремных лишений.

В районном поселке Березове 4 марта 1934 года состоялись пышные похороны погибших со стороны представителей советской власти. Советская власть провозгласила их героями, павшими в борьбе за установление советской власти. У гробов был организован почетный караул. Позже на берегу Сосьвы на месте

захоронения погибших был установлен памятник с надписью «Вечная память героям, погибшим в борьбе за установление советской власти на Обском Севере». Именами коммунистов погибших во время восстания названы улицы в п. Березове: Астраханцева, Полины Шнейдер, Захара Посохова, Кибардина, Дуркина, которые до сегодняшнего дня носят эти имена.

Официальная пропаганда оценила вооруженное сопротивление казымских жителей опять же с точки зрения правящей идеологии, не проанализировав причин конфликта, не задумавшись о последствиях. В то время важнейшим источником информации являлась окружная газета «Нанть-Mansi Sop», которая выходила в окружном центре Остяко-Вогульск с 1931 года. Но она очень кратко рассказывала о событиях, происходивших на Казыме. Вся Казымская трагедия была освещена лишь в трех небольших заметках, две из которых носят характер небольшой информации без комментариев. Они свидетельствуют о том, что суд в окружном центре над участниками Казымского восстания начался, и о том, что он завершился.

В плане большей информативности заслуживает внимания заметка «Шаман Молданов Петр отказывается от своего звания». Герой заметки – Петр Карпович Молданов из юрт Оленских Полноватского тузсовета, 73-х лет. В данной заметке явно чувствуется давление цензуры, она написана с точки зрения пропаганды коммунистической идеологии. Приводим ее частично: «Из зала суда. В качестве подсудимого по делу шаманов Казыма, 3 июня был судом допрошен Молданов Петр Карпович. В своих показаниях Молданов разоблачал свою шаманскую деятельность, направленную на обман туземной бедноты и ее эксплуатацию. Молданов Петр Карпович говорит: «Я хочу суду рассказать о том, что у меня есть ящики с прикладами, т. е. по нашему «урт». В этом ящике у меня хранится маленький конь, а на спине его верхом сидит маленький мужичок (кукла). Это мой «тунг», которым я шаманил и обманывал народ, кроме этого я еще шаманил на топоре. Но с сегодняшнего дня я хочу сказать суду, что все наши шаманы, в том числе и я, лишь обманывали бедняков, темный народ. На самом деле нет никакого остяцкого бога. Ведь эти ящики с прикладами есть у каждого туземца остяка. В этом ящике хранится пушнина – лисята, соболь, белка, и

все это преет и гниет. Я хочу еще сказать о том, что у Молданова Ивана Михайловича есть в лесу большой «тунг» или шайтан, который он спрятал в лесу, но, по-моему, этого большого «тунга» надо из лесу вытащить и сжечь на огне. Пусть весь народ убедится, что это не бог, а один лишь обман, а пушнину, которая у него есть, надо забрать для государства»...¹³⁵.

Учитывая возраст Молданова, наиболее вероятно, что данные признания были получены путем силового воздействия на подсудимого во время допросов, потому что не каждый способен вынести тюремные испытания. Необходимо принимать во внимание и то, что Петр Карпович был признан следственными органами «главным инициатором и организатором туземного населения ряда юрт Полноватского тузсовета», которое обещало поддержать казымцев в войне с «русскими». Естественно, о мерах давления на подследственного, являвшегося вдохновителем движения обских остяков, можно только догадываться. Нам уже известна судьба другого лидера – Ивана Андреевича Ерныхова, который, вероятнее всего, умер во время допросов. Не каждый способен так просто отказаться от своего мировоззрения, верований, богов, наконец, которым на протяжении многих веков поклонялись его предки. «Сталинская машина по обработке человеческих душ» и здесь вершила свое черное дело. Вероятно, официальной пропагандой выдавалась не совсем достоверная информация, для того чтобы повлиять на настроения и поведение общества посредством разоблачения шаманства вообще.

Что же касается дальнейшей судьбы Молданова Петра Карповича, в связи с казымскими событиями он был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества, но, возможно, приговор был заменен более мягкой мерой наказания, так как при массовых репрессиях в конце 1930-х годов он вновь 22 октября 1937 года был арестован и расстрелян в городе Ханты-Мансийске 11 января 1938 года, а в 1989 году посмертно реабилитирован¹³⁶.

Как вспоминала Нина Матвеевна Аксарина, кроме окружной газеты «Hantʹ-Mansi Sor», в то время выпускались стенгазеты, изготовленные от руки, в которых рассказывалось о казымском вооруженном конфликте и они носили исключительно пропагандистский характер. В газетах повествовалось о пройденном жизненном пути погибших коммунистов, а также были

стихи неизвестного автора, которые крайне занимательны, поскольку они были адресованы детям погибших бойцов опергруппы ОГПУ:

...Не спешите, милые дети,
На дорогу папу встречать,
Не спешите, милые дети,
Ваш папа убит
И вам некого ждать...
Ценою крови, но тундра
Будет советской
Кулацко-шаманскую
Ликвидируем власть
Простите, милые дети,
Мы не забудем смертей
И славных сироток вас...¹³⁷

Эти строки были призваны бить по чувствам людей со страшной силой и вызывать ненависть к мятежникам, и для того чтобы каждый понял, что масштабы трагедии колоссальны. Освещение казымской трагедии в данной газете субъективно, поскольку тогда представители власти не задумывались, что у этой трагедии есть и «оборотная сторона медали»: при разгроме восстания были убиты десятки ни в чем не повинных хантов и ненцев, что не имело отражения в средствах массовой информации.

В результате подавления восстания многие семьи остались без кормильцев, были конфискованы охотничьи ружья, стада оленей, которые в результате вымогательских действий советского государства и так значительно сократились. Они были основным источником пропитания аборигенов, их конфискация привела к голоду, высокой смертности, прежде всего среди детского и подросткового населения. В Юильском юртовом объединении, например, в 36 хозяйствах осталось только 9 мужчин¹³⁸. Жены и совершеннолетние дети коренных жителей, проходивших по делу о «контрреволюционном восстании», были лишены избирательных прав на собраниях бедноты¹³⁹.

Весть о подавлении восстания широко разошлась по всему округу, в том числе слухи дошли и аборигенов других территорий. Например, весной 1934 года сосьвинские манси провели

тайное собрание, на котором было решено послать некоего Таратова в Березово и узнать подробности происходящего в Казыме. Таратов, взяв у одного «кулака» оленей, поехал в Березово, сказав секретарю, что едет по своим делам¹⁴⁰.

Местное население других территорий с сопереживанием отнеслось к трагическому завершению казымских событий. Для того чтобы мятежные события на Казыме не спровоцировали новые выступления аборигенов, а также для изучения политической обстановки в места компактного проживания аборигенов отправлялись специальные агенты ОГПУ. Ими являлись местные жители, а также студенты и аспиранты, изучающие язык и быт коренных жителей Севера. Возможно, при направлении исследователей в экспедиции на Север, а особенно в «мятежные» территории, они проходили подробный инструктаж от уполномоченных ОГПУ. В ГА РФ имеется отчет от 10 сентября 1934 года Комитету Севера при Президиуме ВЦИК об экспедиции для изучения диалекта лесных ненцев, населяющих северо-восточную часть Остяко-Вогульского и юго-восточную часть Ямальского национальных округов, аспиранта Григория Давыдовича Вербова, обучающегося в Ленинграде в Институте народов Севера. Большую часть своей экспедиции он находился в юртах Варьеган. Вербов рассказывает о том, что коренные жители встретили его настороженно, о событиях в Казымской тундре им все до мельчайших подробностей было известно. По пути на стойбище Григорий Давыдович, очевидно органами ОГПУ, был предупрежден, что в данной местности скрывают нескольких лиц, бежавших с Казыма, что среди них имеются раненые. Об этих лицах у населения Вербов не мог ничего узнать, как не пытался. Ненцы и ханты, собиравшиеся большими группами в чуме, где жил аспирант, ежедневно допрашивали его о «войне» на Казыме, и в весьма резких выражениях требовали, чтобы Вербов сообщил, где находится тот или иной человек, очевидно увезенный во время подавления восстания. После того, как им необдуманно была убита лягушка, аспиранту ненцами было сообщено о времени незамедлительного отъезда. Вербов в своем отчете констатировал, что коренное население «чрезвычайно настроено против советской власти и находится под влиянием самых нелепых слухов», что «детей будут забирать в

школу силой и держать взаперти в особых домах». Далее Григорий Давыдович детально рассказал о том, что ассортимент товаров в лавке совсем плох, продавец назван некомпетентным и негодным к своей работе. Аспирант Вербов написал под диктовку коренных жителей требования к советской власти, которые затем передал в районное управление ОГПУ¹⁴¹.

О работе агентов ОГПУ, работавших в местах компактного проживания коренных жителей свидетельствует выписка из спецсводки Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ начальнику секретно-политического отдела ПП ОГПУ Обско-Иртышской области в г. Тюмень от 25 июня 1934 года:

«Туземец Сосьвинских юрт Неттин Павел, в присутствии местных туземцев Тихона и Михаила (фамилии и социальное положение последних устанавливается) 24 марта, сильно возмущаясь, говорил: «Коммунисты люди плохие, их нужно бить. Переселенцы коммунистов боятся и их не бьют, а мы, остяки, не боимся. Коммунистов нужно бить совместно. Чтобы их больше не было, тогда и хлеба будет много, но коммунисты хлеба не дают, а только все отбирают. Переселенцам и остякам нужно бить коммунистов совместно, но переселенцы все терпят и воевать боятся».

Туземец юрт Проточных Шадрин Василий Андреевич, будучи в Чемашах у туземца Вологодского Нестора Егоровича, высказывая свое соболезнование об арестованных туземцах в Казыме, говорил: «Арестованные самоеды и казымцы, которых увозят с Казыма, дорогой все плачут». На что Вологодский иронически заметил: «Вы ведь тоже готовились к войне с русскими, ждали самоедов и вот дождались». Обращаясь к присутствующему при этом нашему источнику, Вологодский продолжал: «Все туземцы Оби были готовы поддержать самоедов: у них были свои начальники, некоторые из них работают даже в учреждениях, и если бы только самоеды пришли на Обь, то обские туземцы и, возможно, русские спецпереселенцы пристали бы к самоедам и от всего русского войска осталась бы только одна грязь». Приехавший 2 апреля с. г. на спецпоселок Устрем из Тегинских юрт туземец-кулак Неттин Игнатий – 50 лет, придя на квартиру к с[пец]п[ереселенке] Безродновой последней рассказывал: «В Казыме и теперь идет война. Русских и другого наро-

да там много, у них имеется много оружия, и как только придет весна, так коммунистам будет не утерпеть. К войне готовы не только в Казыме, но и выше Казыма, где остяки и самоеды к этому тоже готовятся. Жить при советской власти невозможно: мы все голодные, хлеба не дают, а работать заставляют»¹⁴².

Из представленных документов видно, что коренное население разных регионов объединяло неприятие коммунистического режима. Ведь основной характеристикой стихийного движения остяков и самоедов являлась его антисоветская направленность, лозунгом могла бы быть фраза коренного населения: «Не хотим власть советскую...». В результате репрессий советского государства в среде коренного населения по самосознанию северян был нанесен сильный удар. Казымские ханты поняли, что их шаги по защите своих прав, вызывают только лишь репрессии. Полсотни репрессированных казымских хантов – это очень большая потеря для такого малочисленного этноса, представляющего очень слабый демографический потенциал.

60 лет спустя, 29 декабря 1993 года прокуратура Тюменской области рассмотрела дело о Казымском восстании – в реабилитации 49 его участникам было отказано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трагическое событие на р. Казым – «Казымский мятеж», «Казымское восстание», произошло в 30-е годы XX столетия, в годы, которые в истории Российского государства именуются как «период политики тоталитарного режима», «период террора», «период системы сталинизма». Это время «партийных чисток», бесчисленных судебных процессов, массовых расстрелов, заключений в лагерь.

Анализ политики советской власти в 1920–1930-е годы по отношению к аборигенным народам Севера показывает неоднозначность. Имелся как позитивный, так и негативный опыт.

К положительным моментам относятся решения Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (1925–1929 гг.), который в своей работе учитывал специфику этой категории населения. В частности, была создана административная система самоуправления северных народностей (родовое собрание и родовой Совет, районный туземный съезд и районный туземный Совет), которой передавались полномочия по рассмотрению мелких уголовных и гражданских дел, что соответствовало традиционным нормам обычного права. В решении вопросов социально-экономического развития верным являлся курс на кооперацию, в полной мере соответствовавший принципам ведения северного хозяйства. Комитет вел работу по изучению природных ресурсов Севера, уклада жизни коренных народов. Позитивной являлась и идея строительства Казымской культуры, хотя в ее работе были допущены серьезные ошибки, в том числе злоупотребления властью со стороны руководства.

Резкое вмешательство в жизнь аборигенов последовало за реформой советского государства 1929 года, принятием курса ускоренного строительства социализма (коллективизация и индустриализация). Были созданы национальные округа, в их числе и Остяко-Вогульский национальный (ныне Ханты-Мансийский автономный) округ, которые должны были характеризоваться «своеобразным национальным составом и бытом населения». Провозглашенная национальная государственность, на деле полностью лишила аборигенные народы всякого

самоуправления. Власть на всех уровнях перешла к партийной и советской бюрократии, преимущественно русской. На местах номинально существовали тузсоветы. Имелся он и на Казыме, но данный тузсовет во всем подчинялся воле руководства культбазы и не защищал интересы местного населения. Идея же коллективизации в корне противоречила индивидуальным по своему характеру видам хозяйственной деятельности народов Севера. При этом особенно болезненным для аборигенов явилось разрушение их традиционного миропонимания. К этому присовокупилась борьба с религией, в том числе и у «отсталых туземных народностей». В Прикаzymье проводником новой политики советской власти являлась Казымская культбаза, которая начала строиться с 1930 года.

Что касается исследуемого «Казымского мятежа», то выявлены две стержневые причины, проявившиеся в конкретных действиях работников культбазы и вызвавших негативную реакцию со стороны аборигенов. Это изменение размеров налогообложения и применение принудительных мер при комплектовании Казымской школы-интерната учащимися.

Неоправданно высокие налоги в форме «твердых заданий», превышавшие экономические и физические возможности хозяйств – это аспект политики коллективизации. Размер налога зависел от формального разделения хозяйств по социальному статусу. Особенно жестоко пострадали ханты. Ввиду отнесения их к «полукочевникам», бедняцкой считалась семья, имеющая около 12 оленей, в то время как у «кочевников» – зырян – 100–150. «Кулацкие» хозяйства хантов имели в среднем 244 оленя, а также хозяйства зырян – 622.

Школа-интернат – тип учебного заведения, который был призван решить проблему обучения детей кочующих аборигенов. Однако родители осознавали, что изоляция детей от семьи на длительный срок чревата последствиями: они могут забыть родной язык, не возвратиться на стойбище. В целях исполнения принятого Оргбюро по созданию Остяко-Вогульского округа постановления о всеобщем обязательном начальном обучении среди детей «оседлого и полукочевого населения» работниками культбазы и членами тузсовета были применены насильствен-

ные методы (запугивание судебной ответственностью, изъятие охотничьих ружей, обман и т. д.).

Дополнительными причинами вооруженного сопротивления являются: борьба с «кулацко-шаманским влиянием» (население, причисленное к этой категории, лишалось избирательных прав, затем последовали аресты), навязывание иррациональных форм хозяйствования, незнание местных условий жизни, традиций и психологии аборигенов, злоупотребления представителей власти.

К категории «кулаков» и «шаманов» были отнесены наиболее авторитетные представители народа, кроме того, с большей частью хантов и ненцев они были связаны родственными узами. Поэтому посягательство на них расценивалось как враждебное отношение к аборигенам в целом. Кроме того, ряд нововведений новой власти, такие как введение трудгужповинности, налоги, «штурм рыбозаготовок», действие методом угроз, и в то же время неспособность обеспечить население необходимыми товарами, а также другие факторы формировали мнение о ее несостоятельности.

Скопившееся недовольство аборигенов выплеснулось в вопросе промышленного облова рыбы в священном озере Нумто, когда были полностью проигнорированы религиозные чувства и нормы обычного права коренного населения. Черту дозволенного своими «военными подготовками» перешагнула бригада А. Д. Шершнева. Сформировался образ врага – «русские готовятся к войне». В экстремальной ситуации вступил в силу крайний способ традиционной самообороны – «тропа войны» (дадь пант), приведший к трагическому финалу.

Таким образом, Казымское восстание было вызвано недовольством коренного населения политикой центральных и местных властей, не считавшейся с интересами и возможностями аборигенов, их традиционным укладом жизни. В то же время чуждая и непонятная власть концентрировалась не в Советах как таковых, которые, наоборот, в предшествующие 20-е годы способствовали развитию форм местного самоуправления. Данное событие явилось реакцией на политику бесцеремонного вмешательства в жизнь коренного населения, разрушения века-

ми освященных отношений, навязывание неприемлемых форм хозяйствования, которая стала проводиться с конца 20-х гг. Такая политика не могла не вызвать протест против советской власти, она подтолкнула к организованному сопротивлению. Издержкой этой политической линии явился и «рефлекс обособления» – рост враждебности по отношению к русским, которые олицетворяли новый политический курс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Веселкина, В. В. Возникновение национальной государственности у малых народов Обского Севера (1917–1934) : автореф. дис. канд. ист. наук / В. В. Веселкина. – Л., 1971.

² За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921 // Сб. док. – Новосибирск. – 2000.

³ Тимофеев, Г. Казымская трагедия // Югра. – 1995. – № 9. – С. 32.

⁴ Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург, 1995.

⁵ Пиманов, А. С. Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея / А. С. Пиманов, А. Н. Пиюков. – Тюмень, 1999.

⁶ Леэте, А. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти / А. Леэте. – Тарту, 2004.

⁷ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера // Сб. док. – Тюмень, 1994. – С. 97–102.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Сергеев, М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / М. А. Сергеев. – М. ; Л., 1955. – С. 246.

¹⁰ Касум ех: материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. – Шадринск, 1993. – С. 65.

¹¹ Судьбы народов... С. 154.

¹² Там же. С. 154.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Сергеев, М. А. Некапиталистический путь развития... С. 327.

¹⁵ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 20. Л. 27об.

¹⁶ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 198. Л. 78.

¹⁷ Карьялайнен, К. Ф. Религия Югорских народов / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем.] : Н. В. Лукина. – Томск, 1994. – С. 184.

¹⁸ Пика, А. И. Малые народы Севера из первобытного коммунизма в «реальный социализм» // В человеческом измерении / А. И. Пика. – М., 1989. – С. 318.

¹⁹ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 2. Л. 7об.

²⁰ Калинин, В. М. Казым // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа / В. М. Калинин, Н. К. Фролов. – Т. 2. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 9.

²¹ Материалы экспедиции Томского государственного университета, отражающие экономическое положение на Казыме в начале 1930-х гг.,

- составленные В. С. Денисенко // Фонды ГМПич. – № 1100/241. – С. 16–17.
- ²² Якобий, А. И. Остатки северной части Тобольской губернии / А. И. Якобий. – Тобольск, 1895. – С. 24.
- ²³ Шухов, И. Н. Река Казым и ее обитатели / И. Н. Шухов. – Тобольск, 1916. – С. 28.
- ²⁴ Судьбы народов... Л. 69.
- ²⁵ Экономические записки по землеустройству Березовского района (1930) // Фонды ГМПич. – № 38/6. – С. 76.
- ²⁶ Там же... С. 77.
- ²⁷ Обвинительное заключение по делу № 2/49 о контрреволюционном выступлении против советской власти туземцев Казымской тундры // Фонды БИКМ. – № 767. – С. 2.
- ²⁸ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 457. Л. 1.
- ²⁹ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 76.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1104. Л. 64.
- ³¹ Там же. Л. 66об.
- ³² Там же. Л. 67.
- ³³ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 7а. Л. 19.
- ³⁴ Из истории культурного строительства в Тюменской области // Сб. документов (1918–1975). – Свердловск, 1980. – С. 144.
- ³⁵ Лоскутов, А. Н. О восстании кулаков и шаманов на Казыме в 1933–1934 гг. // Фонды ГМПич / А. Н. Лоскутов. – № 2352/537(а). Л. 4.
- ³⁶ Воспоминания Л. П. Астраханцевой // Фонды БИКМ. – № 768.
- ³⁷ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 9. Л. 125.
- ³⁸ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 137. Л. 163.
- ³⁹ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 9. Л. 126.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1104. Л. 116.
- ⁴¹ ГА ХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Л. 45об.
- ⁴² АО АМО «Березовский район». Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1. л. 17–18.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1149. Л. 86.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1104. Л. 128.
- ⁴⁵ Лезте, А. Казымская война / А. Лезте. – С. 120.
- ⁴⁶ ГА ХМАО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 44. Л. 126.
- ⁴⁷ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 137. Л. 31.
- ⁴⁸ Дело переписки Казымской культурной базы (1931–1937) // Фонды ГМПич. – № 1074/9012. Л. 156–157об.
- ⁴⁹ ГА ХМАО. Ф. 415. Оп. 1. Д. 85. Л. 15об.
- ⁵⁰ ГА ХМАО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 88. Л. 11.
- ⁵¹ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 184. Л. 56–57.
- ⁵² ГА ХМАО. Ф. 111. Оп. 5. Д. 81. Л. 9.

- ⁵³ Дело переписки Казымской культурной базы. Л. 84–84об.
- ⁵⁴ Избенное оленеводство по р. Казым и перспективы оседания полукочевого населения таежной зоны (1939) // Фонды ГМПиЧ. – № 35/3.
- ⁵⁵ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 7а. Л. 60.
- ⁵⁶ Дело переписки Казымской культурной базы. Л. 61об.
- ⁵⁷ Белобородов, В. К. Ученые и краеведы Югры / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень, 1997. – С. 79.
- ⁵⁸ АО АМО «Березовский район». Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1.
- ⁵⁹ Из истории культурного строительства... С. 309.
- ⁶⁰ АО АМО «Белоярский район». Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 15.
- ⁶¹ Трудгужовинность – обязанность, наложенная на население по перевозке грузов на оленях.
- ⁶² ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.
- ⁶³ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.
- ⁶⁴ Пиманов, А. С. Волнения коренного населения на Казыме... / А. С. Пиманов, А. Н. Пиюков. – С. 82.
- ⁶⁵ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.
- ⁶⁶ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 131. Л. 2–3.
- ⁶⁷ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 13. Л. 5–6.
- ⁶⁸ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.
- ⁶⁹ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 7а. Л. 20.
- ⁷⁰ Материалы экспедиции Томского государственного университета... С. 67.
- ⁷¹ Там же. Л. 128.
- ⁷² Там же. Л. 71.
- ⁷³ Там же. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Л. 58.
- ⁷⁵ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 199. Л. 5–6.
- ⁷⁶ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.
- ⁷⁷ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 91об.
- ⁷⁸ ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1149. Л. 91.
- ⁷⁹ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 36.
- ⁸⁰ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 7а. Л. 19.
- ⁸¹ Там же. Л. 19об.
- ⁸² Из истории культурного строительства... С. 144–145.
- ⁸³ Лоскутов, А. Н. О восстании кулаков и шаманов... Л. 10.
- ⁸⁴ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.
- ⁸⁵ Касум Ёх. С. 50.
- ⁸⁶ Пиманов, А. С. Волнения коренного населения на Казыме... / А. С. Пиманов, А. Н. Пиюков. – С. 78.
- ⁸⁷ Обвинительное заключение... С. 3.

- ⁸⁸ Там же. Л. 4–5.
- ⁸⁹ Там же. Л. 6.
- ⁹⁰ Лоскутов, А. Н. О восстании кулаков и шаманов... Л. 9.
- ⁹¹ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 5. Л. 3.
- ⁹² Головнев, А. В. Говорящие культуры... С. 169.
- ⁹³ ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 137. Л. 3–5.
- ⁹⁴ Обвинительное заключение... С. 9.
- ⁹⁵ ГА ХМАО. Ф. 111. Оп. 5. Д. 91. Л. 16.
- ⁹⁶ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 23. Л. 20.
- ⁹⁷ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 38.
- ⁹⁸ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 8. Л. 41.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 85. Л. 6 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 65. Оп. 3. Д. 9. Л. 21.
- ¹⁰¹ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 39.
- ¹⁰² Там же. Л. 39.
- ¹⁰³ Там же. Л. 40.
- ¹⁰⁴ Обвинительное заключение... С. 10.
- ¹⁰⁵ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 41.
- ¹⁰⁶ Рыбе Нумто найден водный путь // Ханты Манчи (Манси) Шоп. – 1935 (17 сентября). – С. 4.
- ¹⁰⁷ Дело переписки Казымской культурной базы. Л. 137об.
- ¹⁰⁸ Судьбы народов... С. 212.
- ¹⁰⁹ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 94.
- ¹¹⁰ ГА ХМАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 62.
- ¹¹¹ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 199. Л. 2–3.
- ¹¹² ГА СПИТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 171. Л. 14.
- ¹¹³ Судьбы народов... С. 233.
- ¹¹⁴ Лезте, А. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти / А. Лезте. – Тарту, 2004. – С. 143.
- ¹¹⁵ ГА ХМАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.
- ¹¹⁶ Обвинительное заключение... С. 13.
- ¹¹⁷ Там же. С. 16.
- ¹¹⁸ Там же. С. 17.
- ¹¹⁹ Там же. С. 22.
- ¹²⁰ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 94–95.
- ¹²¹ Головнев, А. В. Говорящие культуры... С. 175–176.
- ¹²² Воспоминания Л. П. Астраханцевой // Фонды БИКМ. – № 768. – С. 8.
- ¹²³ Обвинительное заключение... С. 31.
- ¹²⁴ ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1149. Л. 423.
- ¹²⁵ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 105.
- ¹²⁶ Там же. Л. 116.

- ¹²⁷ Там же. Л. 111.
- ¹²⁸ Там же. Л. 123.
- ¹²⁹ Обвинительное заключение... С. 28–29.
- ¹³⁰ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 149.
- ¹³¹ Там же. Д. 209. Л. 1.
- ¹³² Обвинительное заключение... С. 30.
- ¹³³ Пиманов, А. С. Казымское восстание (1930–1934) // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа / А. С. Пиманов. – Т. 2. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 13.
- ¹³⁴ Обвинительное заключение... С. 104–105.
- ¹³⁵ Шаман Молданов Петр отказывается от своего звания // Газета «Нанть-Mansi sor». – № 64 (374). – 9 июля 1934 г. – С. 4.
- ¹³⁶ Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). – Тюмень, 1999. – С. 119.
- ¹³⁷ Фонды архивного отдела Обско-угорского института прикладных исследований и разработок ХМФ 851 в. х.
- ¹³⁸ ГА СПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 88. Л. 7.
- ¹³⁹ ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 19. Л. 6–7.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 199. Л. 75.
- ¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1037. Л. 35–37.
- ¹⁴² Там же. Д. 209. Л. 16–15.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ № 1

Из отчета о работе врачебно-профилактического участка Казымской культбазы, составленный врачом Башуровым

[Казымская культбаза]

[конец марта 1931 года]

По письменной договоренности с зав[едующим] культбазой я принял должность ст[аршего] врача культбазы с 21 июля [19]30 года, и в тот же день согласно телеграфного указания зав[едующего] культбазой выехал в Москву для заготовки госпитального и медицинского оборудования для больницы.

С большими трудностями удалось при содействии Комитета Севера и [при] помощи НКЗ [Народного Комиссариата Земледелия] закупить в Москве почти все необходимое больничное оборудование и быстро отправить закупленное с тем расчетом, чтобы к моему приезду на культбазу груз был получен, и можно было сразу же приступить к работе.

Выехал я из Москвы 28 августа. В Тобольск прибыл 4 сентября. Здесь задержался недолго, так как пришлось заняться розысками грузов, отправленных мною из Москвы в Тобольск в адрес Комитета Севера для культбазы. Из всего, что я купил в Москве, и отправил частью почтовыми посылками, а главным образом большой скоростью*, в Тобольске к моему приезду были получены только кровати, отправленные позднее прочих грузов (28 июля) и бельё, отправленное из Рязани в середине августа. Несмотря на все принятые при содействии Тобольского Комитета Севера меры отыскать груз и даже узнать, где он находится, не удалось. Боясь, что больница культбазы на весь зимний период останется без средств для работы, я приобрел в Тобольском отделении Уралмедторга необходимый ассортимент медикаментов и самые необходимые инструменты.

Из Тобольска выехал 23 сентября в Полноват и, не задерживаясь в Полновате, где получил сведения от медиц[инского] пункта о том, что среди рабочих культбазы были больные сыпным тифом, лодкой направился на культбазу, куда и прибыл 4

октября вечером. Пятого октября ликвидировал Казымский фельдшерский пункт, принял от д[окто]ра Лазарева остатки медикаментов, инструменты и кое-какие предметы оборудования. Слухи о тифе оказались неверными. Больной рабочий, зарегистрированный Полноватским медпунктом под диагнозом "сыпной тиф", выздоровел через три дня от начала заболевания, и, по-видимому, болел острым гастроэнтеритом.

Имея в своём распоряжении медикаменты и инструменты, привезённые из Тобольска, и ещё полученные по ликвидации местного фельдшерского пункта, можно было бы начать работу. Однако состояние помещения больницы не позволило даже думать о возможности работы. Больница не только не была приспособлена для работы, но даже оказалась недостроенной. В каком состоянии она была в то время, вам известно. Не лучше дело обстояло и с хозяйственным оборудованием: ни одного стола, ни стула, ни скамейки.

И моей личной заботой, прежде всего, были приняты меры к ускорению окончания постройки больницы и оборудованию её хозяйственным инвентарём. Подгоняя рабочих, уговаривая строителей, я дождался окончания более или менее крупных работ и установки печей к 20 октября, потолки же были засыпаны землёй только в конце октября. Добившись от инженера Пенина выделения в моё распоряжение столяра, я поручил последнему поделку мебели для больницы. О качестве этой мебели говорить не буду, раз её делал столяр, по профессии слесарь, а материалом для поделки служил последнесортный тес, и притом большею частью сырой. Пришлось позаботиться и о пошивке белья, так как отправленное из Тобольска бельё (заготовленное в Москве) было получено здесь только 4 января [19]31 г. Одним словом, в течение октября месяца я был занят контролем (правда, самочинным) работ по больнице, приспособлением здания и приобретением оборудования для больницы. В силу необходимости пришлось открыть амбулаторию в небольшой комнате в одном из недостроенных и без печей зданий култыбазы: часто обращались рабочие строительства и редко местные (Амнинские) туземцы, ввиду распутицы туземцы других юрт не могли посещать нас.

Наличный персонал больницы в то время: одна медсестра, одна уборщица, одна сиделка – не оставались без работы. Медсестре поручено было завести инвентарные аптечные книги, принять и проверить аптеку, заготовить стандартные лекарственные формы, она же помогала при амбулаторном приеме и отпускала лекарства. Подсобный персонал использовался на все хозяйственные работы по культбазе.

Третьего ноября я мог открыть амбулаторию уже в здании больницы, правда, в сырой и холодной комнате. О стационаре [пока] думать не приходилось, так как больница с приездом штат[ных работников] культбазы, постепенно превратилась в жилой дом: почти все комнаты были заняты квартирантами. Вот этот период работы по 3 ноября я называю подготовительным, потому что работа врачебного участка за это время была направлена, главным образом, в сторону скорейшего приспособления здания больницы и приобретения предметов оборудования. Медицинская же работа отнимала не более 3-х часов в день.

Во второй период, с 3 ноября по 1 декабря, участок также не мог развернуть полностью своей плановой работы. Бездорожье до конца ноября препятствовало нашим выездам в район и приезду к нам туземцев; помещение больницы было занято квартирантами; медикаментов было недостаточно, не хватало и инструментов. В настоящее время из груза, отправленного мною из Москвы не получено части медикаментов, в том числе спирт, эмалированная посуда и хозинвентарь (умывальн[ики] и пр.). Да и строительные работы в больнице были закончены только к концу ноября, а мелкие работы затянулись до 15 декабря. И до конца ноября мы вели только амбулаторный прием и подготовительные работы в лаборатории, оборудование которой, к счастью, было получено. К концу ноября основные работы по больнице были закончены, приобретен хозяйственный инвентарь (хотя и не полностью), бельё пошито. С 1 по 10 декабря больница была освобождена от квартирантов. Сообщение по району восстановилось; и с этого времени характер и интенсивность работы врач[ебного] участка резко изменились. В период с 1 декабря [19]30 г. по настоящее время участок проводит уже плановую работу, и представляемые далее отчетные цифры по

существо относятся к этому периоду (с 1 декабря [19]30 г. по 20 марта [19]31 г.).

Амбулаторный прием ведется ежедневно с 9 час[ов] утра до 1 часу дня и с 5 до 7 час[ов] вечера, однако, туземцы обращаются во всякое время дня и вечера. За отчетный период амбулатория работала 13 дней. Нижеприводимая таблица характеризует её работу:

	Всего	Из них			Примечание
		Остязки	Самоеды	Зыряне	
Всего посещений	1729	1106	59	56	
Первич[ный] диагноз	673	458	45	28	
Повт[орных] посещений	1056	648	14	28	
Перевязок	390				
Операт[ивных] пособий	34	23		6	
Лаборат[орный] анализ	191	151	1	1	
Приготовл[ение] рецепт[ов]	1145				

В рубрику лабораторных анализов не вошли анализы по исследованию глистных заболеваний и по туберкулезу, так как работы по этим вопросам носят характер научных работ и амбулаторному учету не подлежат.

Стационар, как предполагено по плану, был открыт 1 декабря при наличии в больнице квартирантов. Необходимо было поместить прибывшего за сто верст туземца с обострившимся суставным ревматизмом. Не поместить такого больного было бы большой ошибкой: случай, подходящий для лечения. Болезнь должна была уступить лечению, что и оправдалось вполне. Вслед за этим пришлось принять двух русских больных – рабочего-строителя и сына одного из сотрудников культбазы – оба с тяжелой гриппозной пневмонией. К концу декабря в стационаре лежало 7 человек (на 5-ти штатных койках) – из них шесть туземцев. В стационарное отделение принимаются только излечимые формы.

За истекший период коечные больные по роду заболеваний распределялись так:

№ п/п	Заболевание	Количество
1	Гриппозная пневмония	2
2	Плеврит экссудативный	1
3.	Плеврит сухой	1
4.	Миокардит	3
5.	Порок сердца	1
6.	Острый суставной ревматизм	4
7.	Воспаление почек	1
8.	Глисты	3
9.	Сотрясение мозга	1
10.	Ожоги II	1
11.	Ранения: рубленая рана	1
12.	Роды преждевременные	1
13.	Аборты	2
14.	Трахома	3
15.	Заушница	6

Для трахоматозных больных введены в стационаре 2 койки.

Наличие достаточно оборудованной лаборатории дали возможность проводить все необходимые в каждом отдельном случае клинические и бактериологические анализы, [а также] биологические реакции.

Пищевыми продуктами больница удовлетворена полностью. Пища дается больным 4 раза в день: утренний чай с хлебом и маслом, горячий завтрак, обед из 3-х блюд и ужин, большей частью горячий. Основными продуктами являются белый и пшеничный (серый) хлеб, мясо, рыба, молоко, овощи, яйца, крупы, компот, ягода-брусника, вермишель, макароны, сахар, масло сливочное и топленое, и в незначительном количестве растительное. Эти пищевые вещества комбинируются в различные блюда в зависимости от рода болезни. Обычная порция суточная дает 4300 калорий. Калорийность показана за март месяц. В предшествующие месяцы калор[иность] суточной дачи составляла 3500–3800. В марте удешевление стоимости продуктов.

Лечение производится медикаментозное, хирургическое, применяются и простые методы гидротерапии: ванны, обтирания, компрессы и массаж.

Работа стационара	Остяки	Русские	Примечания
Всего больных	2	13	на 25 марта состоит остяков – 6, русских – 2
Проведено койко-дней	352	221	
Среднее время пребывания на койке	17	17	
Клинические анализы	49	7	из них 2 бактериологи- ческих
Операции (оперативные пособия)			
Аборты		3	
Изготовление рецептов	224		

Сравнительно небольшое количество прошедших стационар[ных] больных объясняется тем, что мы избегаем занимать койки хрониками.

Профилактическая работа участка.

В своей работе по профилактике врач[ебный] участок поставил себе задачу: прежде всего ознакомиться с районом, его населением, бытом туземцев и социальными болезнями, и поэтому наша амбулаторная работа и выезды в район носят по преимуществу обследовательский характер. Всего выездов в район было сделано 13 (зав. участком – 4 выезда, разъездной врач – 9), из них только два, исключительно, для оказания медпомощи, остальные же 11 были предприняты с целью обследования района. За эти 11 выездов персоналом сделано 2818 верст.

Всего обследовано туземцев (в амбулатории и при разъездах) 462, из них остяков 395, самоедов – 39 и зырян – 28. Обследовано юрт – 85. Несмотря на то, что почти все юрты нашего района были обследованы врачами, а многие из них по нескольку раз, осмотреть всех жителей не удалось, так как ни одного дня в течение зимнего периода семья в полном составе не находится дома: большая часть взрослых уходит в лес «на промысел». Мы возлагаем большие надежды на апрель месяц, когда остяки, по окончании всех промысловых занятий, будут отдыхать по юртам.

Каковы результаты нашей обследовательской работы, будет указано ниже. Во время разъездов производилась вакцинация и

ревакцинация; всего сделано прививок 193. Остался непривитым нижний район Казыма, так как с февраля месяца большая часть населения выехала в лес на промысел вместе с семьями. 1 апреля туда выезжает врач, который попутно проведет оспопрививание.

Для ведения санитарно-просветительной работы врач[ебный] участок широко пользуется амбулаторным приемом и выездами в район, ведя постоянные беседы с туземцами, к сожалению, через переводчика. Темы для этих бесед вырабатываются всякий раз применительно к заболеванию, с которым туземец обращается к врачу, или с которым врач встретился при посещении юрты. Обязательными являются беседы о необходимости соблюдения чистоты тела, одежды, жилища, вообще чистоты во всем домашнем обиходе; обязательные темы об оспопрививании, трахоме, туберкулезе, глистных заболеваниях. В амбулатории и стационаре мы пользуемся и наглядными пособиями, плакатами, анатомическими таблицами, лупой, микроскопом.

Предусмотренные планом беседы в доме туземца не проводились, так как дома туземца как такового, у нас нет. Об ощутимых результатах санитарно-просветительной работы говорить еще рано.

Проведено детальное обследование школьников. В самой школе имеем один час в пятидневку для ведения плановых занятий по гигиене. Безуспешна наша работа по охране материнства и младенчества, причины будут указаны дальше.

В течение периода с 15 декабря по 20 января [1931 г.] внимание участка было отвлечено от плановой работы вспыхнувшей в соседнем Полноватском районе эпидемии сыпного тифа. Район этот постоянно сообщался с нами, что грозило заносом эпидемии к нам в Казым. Население же Казымского района частью полукочевое, частью кочевое, если бы тиф проник сюда, он неизбежно распространился бы по всему району и мог проникнуть в тундру, тогда борьба с ним в огромной нашей территории стала бы почти невозможной. Не имеющие сведений о ходе эпидемии, о пораженных юртах, мы не могли с достаточной ясностью провести противоэпидемическую работу. На все наши вопросы в Полноват, ответа не получили. И я по поручению зав[едующего] культбазой выехал в Полноват, чтобы на

месте ознакомиться с ходом эпидемии, с планом противоэпидемической работы, причем мне предоставлено было право внести коррективы в работу Полноватского участка, если это окажется необходимым. Выяснив на месте всю картину эпидемии, внося коррективы в план работы в части точной и регулярной информации нас о движении тифа с обязательным указанием пораженных юрт и больных лиц, я 23 декабря выехал обратно на культбазу. По возвращении моем из Полновата, врач[ебный] участок мог уже приступить к проведению профилактических противотифозных мероприятий. Проведены меры:

- 1) на культбазе и в юртах при разъездах проведены доклады и беседы о сущности тифа, о мерах борьбы с ним, и необходимости участия и помощи всего населения в проведении противоэпидемических мер;
- 2) администрация культбазы приняла предложенные нами правила о порядке содержания в чистоте и уборке усадьбы, и жилых помещений (особенно общежитий), пользования обществ[енной] баней и прачечной;
- 3) оборудовано заразное отделение;
- 4) приобрели необходимый запас серы;
- 5) взяли под особое наблюдение ту часть наших юрт, которые ближе расположены к Полновату (юрты Ребятские, Мозямские, Выргимские);
- 6) на перевыборных собраниях выступали с докладами о тифозной эпидемии в Полноватском районе, о сущности тифа и борьбе с ним.

Представляемые Полноватом сведения о ходе эпидемии казались нам неясными: с одной стороны давалась огромная цифра тифозных больных – свыше 100 %, с другой стороны сведения успокаивали указаниями, что эпидемия убывает. Такая неопределенность нервировала нас и нарушала спокойный ход работы, и я считал необходимым личное обследование всех пораженных тифом юрт. Во время моего пребывания на Березовском районном Съезде Советов, мне было поручено председателем РИКа и зав[едующим] культбазой обследовать тифозный район и о результатах обследования доложить Президиуму РИКа. Таким образом, я получил желанное право лично ознакомиться полностью со всей картиной болезни. Здесь я считаю

необходимым высказывать свое заключение, так как представляемое полноватскими медработниками описание эпидемии, по моему, неосновательно, и отчетные цифры ошибочны. Как мне удалось точно установить с начала эпидемии (с конца июля) по 20 января – [19]31 г. фактически медперсоналом зарегистрировано 46 человек тифозных больных, и эту цифру можно еще уменьшить, допустить возможность диагностич[еских] ошибок; а эти ошибки имели место, как это было, например, в случае болезни одного из рабочих культбазы. Полноват дает цифру 112. Эта цифра не может считаться действительной, так как сюда вошли реконвалесценты, лица, переболевшие какой-то тяжелой болезнью еще летом (и осенью). Заболевших никто из медперсонала не наблюдал, и диагноз сыпного тифа ставился на основании расспросов, спустя долгое время по выздоровлению. Возможно, что здесь были случаи сыпного тифа, но несомненно, что грипп и брюшной тиф также имели место. Я считаю цифру 112 неверной, и надо остановиться на цифре 46, вполне достоверной. Занесена эпидемия тифа, несомненно, переселенцами, среди которых и больных было больше. Остязки болеют мало, и болезнь протекает у них сравнительно легко, не давая смертности. Болеют чаще молодые люди и дети, чем, по моему, и нужно объяснить легкое течение болезни. Большая часть туземцев переболела тифом в 1918–1919 гг., когда в низовьях Енисея и Оби свирепствовал сыпной тиф. Успокаиваться, что эпидемия идет на убыль, основываясь только на кривой заболевания, по моему, также нельзя. Опасность эпидемии здесь должна определяться не только числом больных лиц, но также (и главным образом) и числом отдельных юрт, пораженных тифом. Остязки в силу своего хозяйственного уклада, быта и огромной некультурности, несмотря на все принятые меры карантинного характера, все же общаются друг с другом, юрта с юртой. Это мое мнение оправдывается вполне. Если в Ванзеватских и Монгутлорских юртах тиф понизился, это не значит, что опасность проходит. Полученные нами три дня тому назад сведения о том, что в 12 верстах от Ванзевата в одной из юрт зарегистрирован свежий случай тифа, определенно говорят нам, что надо быть всегда наготове. Повторяю – я остановился долго на этом вопросе потому, что полноватский отчет (и отчет эпидврача) страдает неточно-

стями и может повести к неправильной оценке картины эпидемии и ее значения.

Из инфекционных заболеваний, имевших место в нашем районе, надо отметить грипп среди жителей самой культбазы и среди самоедов, кочующих за озером Нумто. Эпидемия не имела широкого распространения. Кроме того, значительную цифру дала заушница, зарегистрировано 14 чел[овек]; из них было госпитализировано 6 человек, остальные лечились на дому. Заушница была занесена к нам из Тугиянских юрт.

Первого мая врачебным участком исполнены работы по изучению глистных заболеваний среди туземцев. В этом направлении врачом Котовой З. Н. широко ведутся лабораторные исследования туземцев и местных пород рыб, употребляемых в пищу, препараты микроскопич[еские] и микроскопия глистов и яиц демонстрируются школьникам и больным туземцам.

Зав[едующий] участком занят вопросами туберкулеза. Дать отчет об этих работах участок сейчас не может, так как работы далеко не закончены. В начале апреля будет проведено специальное обследование населения юрт Хуллорских, Ильбигортских и Юильских для выявления заболевания туберкулезом с установкой лабораторных исследований и биологических реакций.

Проделанная врачебным участком работа в амбулатории, стационаре, и главн[ым] обр[азом], при разъездах дает возможность представить предварительное описание обслуживаемого района.

Район деятельности врачебно-профилакти[ческого]. участка Казымской культбазой определяется юртовыми группами, расположенными по обеим сторонам рек Казыма, Амни, Курь-ех, Сорум-еган: юртами Мозямские и Ребятские (числом 9), Выргымские и Кислорские (10), Амнинские (20), Хуллорские (17), Ильбигортские (16) и Юильские (13), юрты всех этих групп разбросаны в лесу одиночно на расстоянии от 8 до 25 верст, редко они соединяются по 2–3. Такое одиночное расположение юрт крайне затрудняет разъездную работу, страшно утомляя работников и отнимая большую часть времени на само передвижение.

В течение отчетного времени мы обслуживали амбулаторией с выездами группу кочующих за оз. Нум-то самоедов и зырян, чумы которых расположены в вершине р. Курь-ех.

Основным (коренным) населением Приказымыя являются остяки, занимающиеся оленеводством, рыбным промыслом.

Уклад хозяйства остяков, недостаток корма для оленей; вернее неумение рационально использовать кормовые угодья, заставляют их вести полукочевой образ жизни. Остяки часто меняют свое местожительство: каждое хозяйство обязательно имеет особые летние юрты и по несколько зимних, меняя последние через промежутки в 5–6 лет, а иногда и чаще. Всего населения в перечисленных выше юртовых группах (район юртовых советов), по нашим исчислениям, не более 700 чел[овек]; дать точную цифру населения не представляется возможным: за время нашей работы мы наблюдали то увеличение, то уменьшение этой цифры: например, в Амню возвратилось несколько семейств из Атлыма, куда они выселились несколько лет тому назад, часть хозяйств Мозямских юрт перекочевали из этого района; 7–8 семейств Юильского городка выехало в Самарский район и т. д. Но производимый нами во время разъездов подсчет населения (выездов было 11) дает нам право считать цифру 700 более достоверной, чем цифры других источников (приполярная перепись, подворные списки юрт[овых] советов, в которые включены все числящиеся за юрт[овыми] советами души, из которых многие выбыли из района, а некоторые умерли.) []**

Имея перед собой эту картину – характеристику района, мы предположительно можем представить себе и картину заболеваемости населения. Мы можем ожидать здесь формы так наз[ываемых] простудных заболеваний (смена жилища, род занятий), большое число кожных и глазных болезней (отсутствие понятия о чистоте). Из социальных болезней надо ждать трахому и туберкулез. Употребление в пищу сырых мяса и рыбы предполагает распространение глистных заболеваний, и предварительные материалы врача Котовой указывают почти на поголовное заболевание глистами.

Приводимая ниже таблица распределения заболеваний среди обследованных туземцев подтверждает высказанное. В таблице указаны наиболее часто встречающиеся заболевания.

Название болезни	Абсолютное число	Процентное соотношение к числу обследованных (395)	Примечания
Трахома	28	7,1 %	
Туберкулез легких	18	4,5 %	
плевры	4	1 %	
желез	6	1,5 %	
костей	3	0,75 %	
Сифилис	5	1,3 %	
Болезни органов дыхания	40	10,1 %	
Ревматизм суставной	33	8,3 %	
Глазные болезни (кроме трахомы)	32	8,1 %	
Кожные болезни	36	9,1 %	

Итак, 51,75% заболеваний, зависящих от социально-бытовых условий.

Больницу туземцы встретили хорошо, и их отношение к нам, врачам, на первое время не оставляет желать лучшего. «Лекарь – нам надо» – вот слова, с которыми встречали нас остяки и самоеды при посещении юрт и чумов. Довольны остяки и особенно женщины тем, что у нас в больнице есть «ими-лекарь» (женщина-врач). Во многих юртах, а в дальних ни в одной никогда не было врача, а самоеды даже и не видавали врача никогда (остяки при посещении Березова и Полновата обращались за помощью в амбулатории). Лечением здесь занимались зыряне и русские купцы, раздавая за большую плату порошки, капли, йод, втирания и, конечно, спирт.

Научить туземцев лечиться и приучить их обращаться за помощью к квалифицированным медикам, я думаю, мы сумеем. И в этом отношении участок уже имеет видимые результаты: первое время женщины редко обращались к нам за помощью и редко показывали больных детей, а после наших бесед во время разъездов мы наблюдаем значительное увеличение обращений женщин и детей. Имели место даже случаи (три) обращений по

поводу заболевания женских органов. Мужчины охотно посещают больницу. [...]

** Так в тексте.*

*** В документе опущены этнографические подробности жизни и быта казымских хантов.*

ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1104. Л. 98–117. Машинопись.

Документ №2

**Докладная записка Окружному прокурору
нар[одного] следователя Березовского района Уревича И. П.**

копия ОК ВКП(б) и РК ВКП(б) – для сведения

[б. м.]

[не позднее 2 февраля 1932 г.]

По вашему предложению мною был сделан выезд по Казымскому т[уземному] совету для выявления: виновных в допущенных перегибах и организаторов контрреволюционного выступления. Надо оговориться, что вся настоящая информация частью обоснована на документах и частью на личных впечатлениях, т. к. оформить все разговоры среди туземного населения не представилось возможным, в виду того что туземцы против этого, заявляя: «Няпек* (бумагу) писать не надо, держи в голове так, чтобы туземцев не обижали и чтобы они жили так, как они хотят», – такой примерно характер носили их заявления.

Надо сказать, что беседы, даже без оформления, были затруднены. [И] все о чем угодно говорили, но всяческими путями уклонялись от разговора о прошедших собраниях, о работе организации каждого работника в отдельности и т. д. В то же время они с большим интересом слушали об аэроплане, аэросанях и т. д., заявляя, что «такие разговоры нам нравятся». Пытался подойти к интересующим меня вопросам, но в этом деле мне плохую помощь оказал переводчик Посохов З. П., который, ведя беседы с туземцами на отвлеченные темы (об аэроплане и т. д.), не вводил меня в курс этих бесед, через которые я бы имел возможность подойти к интересующим меня вопросам. Таким образом, в большинстве случаев [я] являлся немым свидетелем этих бесед, но, несмотря на это, мне все же удалось частично произвести допросы и принять письменные заявления. Таковы были условия работы.

Мною установлено, что недовольство среди туземцев возникло еще в начале 1931 года в связи с [в]ведением культбазой трудгужповинности на вывозку леса для строительства базы и [в] связи с деятельностью экспедиции Нумто, каковая возглавлялась т. Остяковым, работающим в настоящее время н[ародным] судьей.

Каким порядком была введена трудгужповинность, Вам известно, хотя, быть может, в этом могут быть разные мнения, но, на мой взгляд, трудгужповинность была самая настоящая, только будто бы неоформленная постановлением органов власти, а оформление произведено на общем гражданском собрании.

Как Вам известно, на этом собрании было принято предложение вывезти лес, но для каждого в отдельности оно не являлось обязательным, и он мог его не выполнять. Для того чтобы не получилось такого положения, культбаза предупредила, что каждому туземцу послано извещение, что на основании постановления общего собрания он обязан вывезти такое-то количество бревен и к такому-то сроку. В данном случае закон был обойден, прикрывались постановлением общего собрания и фактически вве[ли] трудгужповинность. Со стороны же экспедиции Нумто, возглавляемой т. Остяковым, контрактовались олени у самоедов и остяков. Было законтрактовано большое количество, какое точно не известно, только лишь у двух самоедов, у Меньчато и Тютта, – 740 голов. Документов, говорящих о том, каким путем проводилась контрактация, – нет, но надо полагать, что путем запугивания, угроз и т. д.

Это подтверждается тем, что самоеды не получили полностью расчета и не знают, полагается ли им получить за оленей или они взяты в виде какого-то налога. Всего этим двум хозяйствам было выдано товаров приблизительно рублей на 600, о том, что они должны дополучить, им, очевидно, не было известно и только сейчас выяснено, что фактория должна уплатить туземцам около 9000 рублей.

В результате этого последним санным путем весной 1931 года они на факторию Нумто для сдачи пушнины и получения товаров не явились, очевидно, боясь того, что у них отберут все остальное. Надо полагать, что точно также было сделано и с остяками – это можно обосновать тем, что самоеды в своем заявлении Сургутскому нарследователю не заявляли, что у них вытряхивали пушнину из мешков насильственным путем, по моим же материалам видно, что это делали неизвестно у кого, поэтому можно предполагать, что у остяков.

Как уже указывалось, введение культбазой трудгужповинности и такая работа фактории еще в прошлом году [вызвала] среди туземцев недовольство.

Уже в прошлом году у казымских остяков были разговоры, что надо создать «Мирход» (мирское собрание), чтобы заявить свой протест, но, очевидно, в прошлом году меньше пострадало кулачества, и поэтому это недовольство не было организовано так, как в нынешнем году.

Осенью 1931 года эти ошибки были повторены опять. Вербовка детей в школы проходила путем массово-разъяснительной работы. Но когда этим методом не добились желательных результатов, скатились к запугиванию мерами административного воздействия, предусмотренным обязательным постановлением оргбюро Остяко-Вогульского округа о всеобщем обучении. Хотя надо сказать, что это обязательное постановление не распространялось полностью на казымский тузсовет, а только лишь на одни юрты – Юильский городок, но эта работа была проведена во всех юртах Казымского края. Больше того, от каждого остяка отбирали обязательство, что он обязан к такому-то сроку обязательно доставить своего ребенка в школу, а когда эти обязательства двумя остяками были не выполнены, их возвратили с охоты в лесу за 200 километров от юрт и отобрали ружья.

Среди остяков был применен обман, что детей самоедов, учеников тоже возьмут в школу. Все это вместе взятое, заставило их на обязательство поставить свои тамги.

Благодаря старому районному руководству (Лопатин–Шорин) допущено извращение классовой и национальной политики осенью [19]31 года.

Твердые задания были даны кочевому и полукочевому населению, и сроки их выполнения установлены нереальные – пятидневные. К этому надо сказать, что экономика казымского края и в целом каждого хозяйства в отдельности не изучена, а раз так, то, следовательно, нет твердого понятия о фигуре кулака и середняка, тем более что местные работники считали кочевниками только лишь самоедов и зырян. В то время как мне из бесед удалось выяснить, что кочевники имеются и остяки, но их хозяйства имеют несколько отличительный характер от хозяйств этих кочевников, а именно как самоеды и зыряне.

Каждое в отдельности хозяйство кочует на своих «вотчинах», каждая такая «вотчина» представляет из себя территорию десятки тысяч квадратных километров. На этих «вотчинах» они пасут свои стада, занимаются пушным промыслом, ловят рыбу и т. д., и в зависимости от времени года и наличия корма для оленей кочуют в пределах своей «вотчины», юрт не имеют, но есть чумы. Промышлять или пасти оленей на этих «вотчинах» они другим хозяйствам запрещают. Точно такие же «вотчины» имеют и остяки, особенно Вершинские (Юильский городок). На этих «вотчинах» имеются юрты зимние, летние и осенние, и в зависимости от времени года они в пределах своей «вотчины» кочуют, занимаются пушным промыслом, перегоняя свои стада от юрты к юрте, некоторые помимо юрт имеют и чумы, и их, очевидно, вследствие того что они имеют юрты, считают полукочевниками.

Как видно из этого, они ничем не отличаются от самоедов и зырян, но почему-то хозяйство самоедов и зырян, насчитывающее 100–150 оленей, принято считать бедняцким, хозяйство же остяков, насчитывающее такое же [количество] оленей, считают кулацким. Чем ближе к культбазе, тем ярче видно, что хозяйства являются действительно полукочевыми. Это можно обосновать тем, что количество оленей уже меньше и в летний период часть семей выезжает на Обь для рыбного промысла, а часть остается также на своих «вотчинах» для пастьбы оленей. Но уже меньше по своим размерам против Вершинских, таким образом, видно, что не только оленеводство и пушной промысел являются для [н]их источником существования, но другие промыслы и даже отхожие** заработки.

Следовательно, остяков ближе расположенных к культбазе, можно прямо назвать полукочевыми. Вершинских же остяков надо назвать кочевниками, поскольку они в основном мало чем отличаются от зырян и самоедов, но все же не всех, к каждому хозяйству надо подойти с особой меркой.

Дача же твердых заданий была произведена без обсуждения вопроса, к какому виду относится хозяйство – кочевому, полукочевому и т[вердое] з[адание] было дано всем, в том числе самоедам и зырянам.

По плану фактории надо было заготовить на 2-ое полугодие 1931 года всего на 39600 рублей, твердых же заданий на это же время было дано на сумму 25700, таким образом, путем твердых заданий было предложено заготовить 60 % к плану, одно это говорит [о том], что здесь нарушена классовая и национальная политика.

Интегралом в нынешнем году также введена трудгужповинность, точно таким же методом как в прошлом году было сделано культбазой.

Большое значение для создавшегося положения имели оленезаготовки [19]30–[19]31 года. По данным культбазы, оленье стадо казымского края выражается в количестве 17000 голов, но эта цифра не верна, ее надо будет увеличить до 20–22 тысяч, т. к. имеются случаи, что некоторые хозяйства точное количество оленей скрывают.

Было заготовлено за это время 5000 голов, из них живьем только лишь 1500 голов, остальное должно быть забито на мясо. Таким образом, общие заготовки составляют приблизительно 25 % к оленьему стаду и мясозаготовки приблизительно 15 % к стаду, к этому нужно прибавить употребление туземцами на свои личные нужды и уничтожение хищниками (волками). Следовательно, ежегодно убыль стада у туземцев бывает значительной, прирост по данным той же культбазы только лишь 15 %, из этого надо выбросить гибель молодняка: таким образом, заготовки против прироста проходят приблизительно в два раза больше.

Такое положение ставит перед туземцами угрозу, что в ближайшие годы они останутся без оленей, как известно, олень у большинства является пока что основным источником существования, поэтому, когда они заявляют, что оленей заготавливать не надо, особенно на мясозаготовки, по-своему они правы, ибо пока что до сих пор беднота никакой помощи от организаций в этом вопросе не ждала.

Беднота пока еще полностью зависит от кулачества, ибо по условиям тундры пасти свои стада самостоятельно без помощи не в состоянии.

Видя же, [что] у наиболее зажиточной части заготовки проходят усиленными темпами – они в этом видят свою гибель, по-

этому так горячо поддерживают кулачество в вопросе оленезаготовок.

Этот вопрос в дальнейшем требует детального изучения, и в зависимости от этого [последует] наиболее правильное его решение. [Нам] надо иметь полную картину экономики края и каждого хозяйства в отдельности, учесть все особенности быта и т. д. и на основе этого составлять свои планы, а не подходить с кондачка, как до сих пор это имело место.

Требование выполнения твердых заданий вышло из рамок. Работник фактории Нумто Оленников и работник Интеграла Михайлов приезжали к туземцам и зырянам вооруженными чуть [ли] ни с ног и до головы, давали пятидневные сроки для их выполнения. И когда твердозаданцы просили эти сроки увеличить, так как физически они не могли в [н]их уложиться (по территориальным условиям), применяли к ним угрозы судом, вплоть до расстрела, конфискации имущества, высылкой и т. д. А Оленников дошел до того, что без санкции тузсовета стал самостоятельно давать твердые задания. Хозяйству остяка Васьки Сорума дал задание на 6000 руб., и оно уже выполнено на 4500 руб. При чем здесь [были] применены угрозы и запугивания, [в]следствие чего это хозяйство для выполнения твердого задания в установленный Оленниковым десятидневный срок убило 170 пешек (молодняка) и сдало, чтоб «только не быть высланным». У этого же Сорума была произведена опись имущества Михайловым, якобы на основании распоряжения Полноватского тузсовета, вплоть до чайных чашек, ложек, кисов и малиц на себе, рубашек и т. д. Этот же Михайлов, разъезжая по тундре, совершенно не платил туземцам за разъезды и, как мне удалось выяснить, должен приблизительно за 1000 километров. Становится понятным, почему туземцы с большим нежеланием давали оленей для моих разъездов, они, очевидно, считали, что это тоже в виде какой-то повинности, которая даже не оплачивается. Путем угроз в нынешнем году эти два работника законтрактовали у самоедов 400 шт. оленей и из них увели 6 шт., не выплатив за них ничего. Предъявили самоеду Вылла Тютта выполнить твердое задание по пушнине на 2500 руб. в пятидневный срок. А когда тот сказал, что он может выполнить только на 500 руб., давая им 500 шт. белок, остальное же постепенно, они

от этих 500 белок отказались и предложили в пятидневный срок полностью выполнить на 2500 руб., запугивая в случае неповиновения судом.

Такая работа и дача твердых заданий привели к тому, что самоеды откочевали в Сургутский район, а сейчас собираются уйти в глубину тундры к вершине реки Пура и Таза, поэтому не случайно туземцами было выдвинуто требование: «Факторию из Нумто убрать, русских в тундру не пускать».

По сведениям самоеда Купча Выллы, в тундре Березовского района кочевало до 200 чумов самоедов, пришедших из Ямальского округа, очевидно в связи с допущенными перегибами [...] в прошлом году, следовательно, фактория могла говорить не только о выполнении, но даже и о перевыполнении планов в несколько раз. Но благодаря такой преступной работе, за исключением двух самоедов, кочевавших в противоположной стороне (около с. Хо) по реке Казыму, сдавших приблизительно всего лишь рублей на 350, в мою бытность в Нумто никто не приехал и нет надежды, что эти самоеды были в пределах нашего района и округа. Возможно, что они откочевали ближе к Туруханскому краю.

Можно полагать, что среди [н]их была проведена агитация со стороны Казымского кулачества, т. к. видно, что общение с остяками у самоедов было.

Надо полагать, что работниками хозорганизаций и культбазой кроме этого были допущены еще и другие безобразия, но они пока еще остались невыявленными.

В результате такой работы этим воспользовался шаман и кулак, и имеющееся недовольство [они] использовали для защиты своих интересов.

Из имеющихся у меня материалов видно, что кулак юрт Амнинских Ерныхов Иван Андреевич, имеющий около 300 оленей, которому было дано твердое задание, с осени стал ездить по Казымскому краю с целью проведения контрреволюционной агитации путем созыва нелегальных собраний, что ему сделать удалось. В этом же деле его поддерживали другие кулаки и шаманы. Как выявлено, нелегальное собрание было проведено в юртах Ильбигортских у кулака Хорова Андрея, спрятавшего по реке Мазыму два стада оленей, голов в 400. На этих же собрани-

ях ставились вопросы о снятии твердых заданий, о восстановлении всех туземцев, о неотдаче детей в школу. Ставя эти вопросы, рассчитывали на помощь других остяков. Например, на нелегальном собрании (Юильский городок) присутствовало 4 человека остяков с Мазяма. Посылались делегаты на Обь в район Полновата, где скрывает[ся] сбежавший из мест заключения, шаман Колька Неттин***. Но там поддержки они не нашли.

О том, что недовольство было использовано кулачеством и шаманством, подтверждается еще и тем, что 26 декабря 31 года при проведении нелегального собрания у остяка юрт Амнинских – фамилия не установлена – был поставлен вопрос в такой плоскости: «Если народ поддержит богатых, чтобы их восстановили в правах и сняли твердые задания, то богатые поддержат народ, чтобы взять детей из школы», и как Вам известно, 28 декабря 1931 года детей из школы изъяли организованным путем и точно таким же путем предъявили на собрании остальные требования.

Осенью зав. культбазой т. Бабкиным был послан работающий на культбазе туземец Павел Лозямов для оповещения туземцев Юильского городка о том, чтобы собирались на собрание, где будут стоять вопросы о школе и твердых заданиях, и когда народ уже собрался, то Бабкина еще не было – он не пришел в юрты. В это время начали шаманить – это проводил шаман Павел Тарлин, когда народ задавал ему вопросы: «Возьмут ли у нас русские детей в школы?», – он, пошаманив, побив в бубен****, отвечал, что сейчас возьмут, но спустя немного время мы их сможем отобрать назад. Дальше ему туземец Семен Молданов (бедняк) задавал вопрос: «Когда к нам придет Бабкин, надо его привязать к нарте и отправить до культбазы, чтобы русские больше к нам не ездили?». Но шаман Тарлин опять ответил, что так делать нельзя. Все слова шамана они считают словами бога, поэтому их выполняют, Надо полагать, что шаман Тарлин, не давая туземцам положительных ответов, т. е. так, как они хотели бы, имел в виду, что движение по всему Казымскому краю еще не организовано. Этот же Тарлин принимал участие в нелегальном собрании в лесу, прямо хотя этого сказать нельзя, но факт тот, что об этом собрании ему было известно. Какую роль он играл на нем – установить не удалось. Он играет двой-

ственную роль, работникам фактории сказал о нелегальном собрании, в то же время, как указано выше, занимался организацией выступления. Не может быть сомнения, что в этом принимали участие другие кулаки и шаманы, есть указания на Молданова Сергея (Юильский городок), Молданова Тимофея (Юильский городок), Лозямова Кирилла (Юильский городок), Захарова Дмитрия (Юильский городок), Тоголмазова Василия (юрты Хуллор), но их роль пока еще не выяснена.

Можно предполагать, что не обошлось без участия сбежавшего из Свердловского дома зак[лючения] шамана Кольки Неттина. Видно, что весной 1931 года в районе Полновата он занимался контрреволюционной агитацией, это подтверждено свидетелями, но об участии его в Казыме никаких следов нет, также нет следов участия в этом деле русских, но это еще не значит, что надо полностью отбросить предположение, что кто-то русский стоит во главе этой организации. Тем более что, по сведениям, в Шурышкарском районе и по Сосьве до приезда тт. Шабурова и Родионова также проводились нелегальные собрания, тем более что культбаза в своем штате имеет спецпереселенцев и уголовников. Как уже указывал выше, беднота пошла за кулачеством, поддержала его в требованиях только лишь потому, что она находилась в экономической зависимости от кулачества.

Интеграл в 1931 году имел фонд помощи бедноте всего лишь 250 руб., это равно нулю. Более того, беднота, не имея оленей для убоя, все сырье (шкуры, лапы и т. д.) получала от кулачества, в связи с усиленными заготовками все сырье стало переходить организациям, откуда бедноте этого не передавали, поэтому у них было понятно, что лучше жить с кулаком, чем с сов[етской] властью.

Ко всему этому, фактическая советизация Казымского края началась только лишь в нынешнем году, и тогда, когда одновременно с введением советизации были допущены перегибы, — ясно, что туземцы стали иметь неправильное представление о сов[етской] власти, заявляя: «Мы раньше жили хорошо, дайте нам жить так как мы жили раньше».

Для выправления положения в Казыме, со своей стороны, считал бы необходимым:

- 7) Оказать вполне реальную помощь бедноте путем отпуска средств для закупки оленей.
- 8) Изъять наиболее зажиточную верхушку (кулачества) – организаторов контрреволюционного выступления.
- 9) Снять руководящий состав культбазы и заменить его новым.
- 10) Укрепить хозорганизации более сильными работниками.
- 11) Отложить обязательное обучение до осени 1932 года, пока закрепить наличие оставшегося кадра учеников 7–9 человек, проводить в это время исключительно массово-разъяснительную работу.
- 12) Убрать из культбазы всю спецссылку и уголовников, заменив их советскими людьми.
- 13) В ближайшее же время провести изучение экономики края и каждого хозяйства в отдельности.
- 14) Временно уменьшить планы оленезаготовок до полного изучения этого вопроса.

Вот примерно [на] мой взгляд, что необходимо сделать на сегодняшний день.

С моей стороны в отношении работников фактории Оленникова и Интеграла Михайлова предприняты меры. Они привлечены к уголовной ответственности и моим постановлением от работы отстранены. Отстранение от работы туземцы приветствуют, что же касается отдачи под суд, говорят: «Их не судите, и нас судить не надо». Им хотя и было разъяснено, что их судить не будут, но они настаивали на своём.

В отношении же организации контрреволюционного движения все материалы переданы рай[онному] уполномоченному ОГПУ.

Настроение туземцев после проведенных Вами и др[угими] окружными работниками собраний несколько улучшилось, но считать, что положение нормальное, нельзя.

Некоторые сейчас отказываются, от каких бы то ни было договоров на пушнину, оленей и т. д. Весьма настороженно, о школе совсем не хотят говорить – это объясняется большой любовью к детям (не хотят расставаться), в чем я лично убедился.

Мне кажется, что среди Казымских остяков провести классовое расслоение будет легче, чем где-нибудь в другом месте.

Мне лично пришлось беседовать с двумя батраками, в результате я получил от них заявления для передачи в суд с требованиями взыскать зарплату с кулаков за прожитое ими время, к тому же туземцы живут не дружно между собой, и тогда, когда бедноте будет оказана помощь – ее легче будет организовать.

Таковы мои впечатления и результаты поездки по Казымскому краю.

Нар[одный] следователь [подпись отсутствует] (Уревич)

** Исправлено, в документе ошибочно. Нябек.*

*** Так в тексте.*

**** Исправлено, в документе ошибочно. Нептин.*

***** Исправлено, в документе ошибочно. Барабан.*

ГА ОПОТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–7. Машинописная копия.

Документ № 3

**Письмо заведующего рыбным промыслом на озере Нумто
Белозерову заведующему Интегральным товариществом**

[о. Нумто]

Начало мая 1933 года

Тов[арищу] Хозяинову

Довожу до [Вашего] сведения о том, что 21 апреля приезжали самоеды и категорически отказали[сь] промыслять рыбу в озере Нумто, потому что они считают [это озеро] собственным и святым местом, [на котором] рыбу ловить нельзя. [Здесь] были самоеды 21–22 апреля 1933 года, и было проведено собрание. На это был протокол их собрания. Постановление было такое, что промыслять не допускали на озере, и 6 туземцев отправляем обратно. Остающим[ся] туземцам отдаем речки, которые впадают в Нумто с каждой стороны, а русским допускаем невод в 70 сажен, как туземцам, так и русским разрешаем ловить только для пропитания, а солить и в сад садить не разрешаем. Если будете ловить и солить, то мы вас убьем. Самоедов было в избушках 14 человек, но после того, как они напились чаю и поехали впрягать оленей, мы следили за движением, и оказалось, что мы были окружены со всех сторон, стоял караул самоедов, думали что Хозяинов, Шершнев и Спиридонов тут, а потом были окружены приблизительно [на] 70 нартах. Самоеды выехали от нас, т. е. с Нумто, 22 апреля 1933 в 11 часов дня. После их отъезда, т. е. самоедов, мы решили послать нарочного, и послали 22 апреля Лозямова Афанасия, и он выехал 22 апреля. А 25 апреля приехал обратно и говорит, что меня воротили обратно самоеды, они его дождались в 70 верстах. Был у них поставлен караул [в] 5 человек. У Лозямова отобрали письмо, которое было послано в правление Казымского интегрального товарищества. Первого мая мы решили послать нарочного, чтобы сообщить об этом положении, но туземцы отказались, потому что дорога очень плохая. Но мы все же настаивали, но туземцы на это осерчали, [потому как] 11 мая 1933 г приехали 2 самоеда – руководители всеми самоедами – и говорят, что у них уехали 2 человека в Амню, которые отобрали письмо, и его увезли в Амню и до сих пор, говорят, нет, а туземцы остяками нашими было переда-

но, что мы хотим отправить в Амню, то самоеды сказали, что ездить или ходить в Амню нельзя, все равно бесполезно, часть наших туземцев с самоедами заодно. Спиридонов И. Г. заявил, [что] зачем русские ехали сюда, зная, что озеро святое, туземцы все равно промышлять не будут, и остякам говорит, [что] не надо работать.

Зав рыб[ным] пром[ыслом]
озера Нумто

[подпись отсутствует] Белозеров

ГА ОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 24. Машинописная копия.

Документ № 4

Наказ бригаде по проведению работы на озере Нумто и по реке Казыму

[Казымская культбаза]

17 июня 1933 года

Основной целью командировки бригады является обеспечение выполнения плана рыбозаготовок на озере Нумто и по реке Казыму, и выполнению этой основной задачи бригада должна подчинить всю свою работу. В соответствии с этим на бригаду возлагается проведение следующих мероприятий:

1. По приезде на Нумто, путем массовой разъяснительной работы среди бедняцкой и середняцкой части самоедского населения добиться разрешения на облов определенной части озера артелью Интеграла, для чего сразу же по ознакомлении с обстановкой созвать самоедское собрание на месте их стоянок или, в крайнем случае, на базе артели Интеграла.

2. Установить путем опроса самоедского и остяцкого населения, какие участки озера фактически осваивались и какие осваиваются до сих пор самоедами и остяками.

3. Определить совместно с самоедами и остяками неосвоенные участки озера и поставить перед артелью Интеграла задачу облова этих участков или, во всяком случае, той части, которая ранее облавливалась остяками, поскольку артель в основном является остяцкой.

4. Разъяснить, что казымские кулаки взяты за эксплуатацию трудящихся туземцев, за антисоветскую агитацию, за вредительские действия по отношению к советской власти — власти трудящихся всех национальностей, в том числе самоедов и остяков. Изъятие кулаков утверждено и одобрено беднотой и середняками остяцкого населения Казыма, которых кулаки много лет эксплуатировали, и это решение отменять нельзя.

5. Объяснить самоедам, что если они сами решат прогнать своих кулаков, то казымские остяки не будут требовать их освобождения и будут считать, что самоеды поступили правильно. Так думают остяки и про своих кулаков и поэтому удивляются, зачем самоедам понадобились изгнанные с Казыма кулаки.

6. На собрании рассказать самоедам, что войной на них идти никто не собирается, что это выдумали сбежавшие с Казыма кулаки для обмана трудящихся туземцев. Русские рабочие, колхозники, бедняки и середняки хотят помочь остякам и самоедам построить лучшую жизнь, а не драться с ними.

7. Объявить самоедам и еще раз дать твердое указание артели, что на их святое место никто из артели не пойдет, а если в будущем понадобится кому-либо из культбазы пойти, то об этом спросят самоедов и братья оттуда ничего не будут.

8. Рассказать самоедам, что взамен того, что остяки и самоеды получают от рабочих мануфактуру, масло, чай, сахар, хлеб, ружья и т. д., казымские остяки обещали рабочим дать 250 тонн рыбы, они хотят свое обещание выполнить, поэтому просят самоедов не мешать их артели ловить рыбу в Нумто, а всячески ей помогать. Сообщить самоедам, что если мы не дадим рабочим рыбы, то и мануфактуры и продуктов получают тоже меньше как остяки, так и самоеды, потому что раз плохо рабочих накормим, то они работать хорошо не смогут.

9. Попытаться мобилизовать самоедов самих на рыбную ловлю как единолично, так и путем организации бытовой артели и на условиях кредита обеспечить их сетеснастями.

10. Установить связь с самоедским советом или, если его нет, с членом Совета и договориться вместе с ним проводить в основном работу. Выяснить, кто фактически руководит у самоедов всем этим делом, какие кулацкие хозяйства в группе есть и их роль, а также какие казымские кулаки у них находятся и роль этих кулаков. При выяснении этих вопросов ориентироваться на батрацкую и середняцкую часть советски настроенных самоедов.

11. Естественно, раз будет решен вопрос об облове, то тем самым и вопрос о засоле и копчении рыбы, чему самоеды противодействовать также не должны.

12. Произвести на месте расстановку сил артели, мобилизовать ее на выполнение и превышение плана рыбозаготовок, ввести круглосуточный лов рыбы, используя для этого всю имеющуюся рабочую силу, оставить для руководства из бригады одного человека на лове до осени.

13. Возвратить обратно на Нумто часть ушедших оттуда рабочих, принять меры к пополнению артели как остяками, так и самоедами, естественно, при их добровольном согласии на это.

14. В работе с самоедами и остяками не допускать каких бы то ни было угроз и насильственных действий, используя для воздействия лишь метод массовой работы с беднотой и середняками.

15. По проведении работы на месте закрепить ее результаты пребыванием бригады в артели в течение 5–10 дней, после чего по Казыму выехать обратно. Если несмотря на всю работу самоеды не разрешат лова неводами, добиться [у] них разрешения облова озера всеми другими видами, а неводный лов использовать на прилегающих к озеру водоемах (речки, сора, курьи), особенно на тех, которые имеют связь с озером.

16. При запрещении самоедами облова озера артели поставить перед ними задачу облова Нумто и сдачи рыбы заготпункту Интеграла. В этом случае перебросить артель Интеграла на облов ближайших водоемов, оставив небольшую часть ее для приема и переработки рыбы на месте. Самоедов же на условиях кредита под рыбу обеспечить сетями, попытавшись организовать из них бытовую артель.

17. Сообщить самоедам, что культбазу на Казыме поставил высший орган советской власти для того, чтобы помочь остякам Казыма беднякам и середнякам лучше построить свое хозяйство, научиться грамоте, помочь им лечиться, и поэтому нельзя смотреть на нее [как] на врага, а надо смотреть как на друга и помощника трудящихся-туземцев. Разговоры же о поджоге [культ]базы ведутся кулаками и шаманами, и с этими разговорами трудящиеся-туземцы должны бороться.

18. Определить количество самоедских хозяйств, находящихся около озера, пути их кочевания, места выхода за продуктами и сдачи пушнины. А так же откуда они административно руководятся и есть ли у них свой совет. Если ни Совета, ни уполномоченного Совета нет, – избрать на собрании уполномоченного Совета.

19. Передать самоедам, что если у них есть какие-либо большие вопросы, которых бригада на месте решить не может,

пусть пришлют на культбазу своих уполномоченных и не боятся этого, — с ними ничего не сделают.

20. В пути следования по Казыму сделать остановки и провести работу проверки хода пушнины и по мобилизации рыбаков на выполнение плана во всех юртах, на всех участках, не исключая и отдельных рыбацких юрт.

21. Установить связь через наиболее надежных туземцев с культбазой и направлять систематические информации о ходе работы. В случае экстренной надобности немедленно информировать культбазу посылкой нарочных, обеспечив доставку всей информации вполне надежными туземцами или русскими.

22. Провести кампанию по подписке на заем второй пятилетки, разъяснив сущность этого займа как в артели Интеграла на озере Нумто, так и среди населения Казыма.

Тузсовет	[подпись отсутствует]
----------	-----------------------

Культбаза	[подпись отсутствует]
-----------	-----------------------

Интеграл	[подпись отсутствует]
----------	-----------------------

ГА ОПОТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 171. Л. 18–18об. Машинописная копия.

Документ № 5

**Служебная записка
начальника Казымской культбазы Круглова
в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК
тов. П. Г. Смидовичу**

[Казымская культбаза]

28 июня 1933 года

Получая от Вас категорические требования о предоставлении отчетов базы, зная, однако, что эти отчеты высланы в Комитет [Севера при Президиуме ВЦИК] до моего приезда на базу, я все же хотел на основе более подробного ознакомления с материалами и состоянием работы на месте, составить новый отчет.

Эта работа требует времени для непосредственного ознакомления с положением всех групп туземцев Приказымыя и так скоро не могла быть проведена, тем более что в мае и часть июня, база была оторвана от юрт.

В настоящей записке я ограничусь краткими соображениями о состоянии Приказымыя и работе базы, проведенной за последнее время и намеченной на летний период.

Политсостояние района

Весной текущего года по Казыму было проведено частичное изъятие активных кулацких элементов, тормозивших всю работу органов советской власти по Казыму. Намечалось изъятие 10 активных кулацко-активных хозяйств с общим поголовьем оленей приблизительно до 2500 штук. В связи с тем, что часть кулаков своевременно об этом разнюхала, фактически было изъято 4 человека, а остальные большей частью бежали в тундру, хозяйства изъятых главарей временно остались под ответственностью членов их семейств.

Изъятие производилось органами ОГПУ при участии некоторых работников культбазы в качестве переводчиков и людей, знающих местность. К моему приезду на базу (конец апреля) работа по изъятию уже была закончена, и взятые кулаки вывезены в Березово. Вечером, в день приезда на базу, на факторию Уралпушнины приехал шаман, намеченный к изъятию, и передо мной поставили вопрос о его аресте.

В связи с тем, что представителей власти в это время не было, руками культбазы я проводить это дело отказался, чтобы не превышать своих прав и не компрометировать базу, ибо в этом случае наша задача сводится к подготовке необходимых к экспроприации условий, а не к посредственному* ее осуществлению.

Были ли созданы необходимые для проведенной экспроприации условия, мне пока ответить на этот вопрос трудно, но уже тот факт, что само изъятие не вызвало никаких крупных эксцессов, и трудовое остяцкое население на собраниях согласилось с изъятием, говорит за большой перелом, прошедший среди туземцев после событий 1930–1931 годов.

Предстоящие выезды в юрты, непосредственная работа с населением позволяет проверить правильность этого предварительного вывода и более детально по существу дать информировать комитет. Судя по материалам выездов работников базы, из отдельных бесед с остяками видно, что массовая работа проводилась, и общее настроение основных групп населения более или менее благоприятно для нашей работы. Беда в том, что актива в юртах почти нет, систематическая работа с беднотой на месте не налажена, и поэтому работать в этом отношении предстоит еще много.

Правда, организованная на самой культбазе группа бедноты собирается регулярно, разбирает все основные вопросы политического и хозяйственного значения, приобрела известный авторитет среди населения, и сами члены группы бедноты ее решение считают почти законом, но недостатком является тот факт, что в группу входит актив, работающий на культбазе, а беднота из юрт принимает участие только при выезде на загот[овительные] пункты. Достаточно крепкого подготовленного, надежного актива, за исключением редких случаев, в юртах у нас еще нет, работа над его выковкой потребует немало сил. Сейчас на туземных курсах в Самарове и Березове обучается 10 человек с Казыма. К осени они должны вернуться, и тогда при их помощи массовую работу можно будет значительно усилить.

Также является фактом то прискорбное положение, что среди казымских остяков нет ни одного члена ВКП(б), ни одного члена комсомола. Культбаза в отношении массовой работы

сделала много, но имела возможность и должна была сделать неизмеримо больше.

В туздоме работа была направлена главным образом на коммунальное обслуживание, культмассовая почему-то отходила на задний план. Ссылались здесь на то, что зав[едующий] домом был занят на другой работе, но мне кажется, база имела достаточно культурных сил, чтобы обеспечить нормальную работу дома туземца. Все же, если, несмотря на недостатки в массовой работе общее настроение большей части остяков можно считать в основном благоприятным для работы, то совершенно иное можно сказать о самоедской группе около озера Нумто.

В текущем году это озеро решено было обловить. Зимой проведена работа по организации артели для облова этого озера, в которую вошло 25 человек, причем подавляющее большинство остяков. Зброшены необходимые сетематериалы, ловушки, продовольствие и [артель] приступила к постройкам. Однако, среди самоедов, осваивающих это озеро ранее, никакой работы проведено не было. Объяснялось это тем, что самоеды вот уже два года не выходили на озеро, и зимой найти их не могли. Направленная на Нумто артель приступила к подготовительным работам, которые вскоре пришлось прекратить по следующим причинам.

9 апреля на базу артели на Нумто приехала небольшая группа самоедов, которая предложила старшему артели вызвать на Нумто к 19 апреля представителей Казымского тузсовета, Шершнева — зам[естителя] зав[едущего] культбазой, пред[седателя] Интеграла и двух туземцев. До приезда этих лиц самоеды запретили лов и постройку зданий, сообщили, что на собрание придет не менее 30 человек. Получив на культбазе сообщение об этом вызове, (дело происходило до моего приезда), было принято решение о выезде к самоедам и информировать об этом район. В числе 4-х человек вызванная делегация направилась на Нумто и 18 [апреля] была уже там. Самоеды 19 апреля, как было назначено, не вышли и просили перенести собрание на 21 апреля. Бригада, однако, дожидаться не стала и выехала обратно на культбазу.

По сведениям, полученным позднее, 21 апреля (как было назначено), самоеды приехали в артель и категорически запре-

тили облов Нумто, объясняя это его святостью, и тем, что оно принадлежит самоедам. Вместе с тем заявили, что если бы с ними договорились ранее, то они не препятствовали бы облову, а может [наоборот] помогали.

Самоеды предложили 6 осякам артели немедленно уехать к себе в юрты, а остальным рабочим артели разрешили лов рыбы только для собственного потребления, причем предупредили, что если они, несмотря на запрещения, будут рыбу солить, то будут убиты. На пункт артели приехало 14 человек, но когда они поехали обратно, по словам рабочих артели, к ним со всех сторон начали подъезжать самоеды, [которых] общей сложностью набралось около 70 нарт.

После этого собрания старший артели направил нарочного на культбазу, но в 70 километрах от пункта артели этот нарочный был остановлен группой самоедов, которые отобрали у него письмо и вернули самого обратно в артель. Лишь в первой половине июня из артели пришел ее руководитель и рассказал о положении, умолчав о многих безобразиях, которые открылись позднее. Заслушав его краткое сообщение, мы создали бригаду из 4-х человек: из них двое – работники культбазы, и направили 13 июня на Нумто для массовой работы среди самоедов. Эта бригада сейчас находится на Нумто. Когда возвратилась с озера первая бригада, ездившая под руководством зам[естителя] зав[едущего] культбазой Шершнева, был заслушан доклад, который обрисовал обстановку весьма оптимистическую и указал только на недочеты в снабжении. Об обстановке был информирован район, и по поводу снабжения мы направили телеграмму в округ. Несмотря на прямо поставленный мной вопрос о методах действий бригады, Шершнев ответил, что никакого запугивания, никакой подготовки не велось. Факты показали впоследствии иное. Надо сказать, что после изъятия кулаков настроение здесь было паникерское: носились слухи, что туземцы собирались резать русских, сжечь базу и т. д. Должен сказать, что когда в первых числах июня пришел с Нумто руководитель [рыболовецкой] артели [Белозеров], мы все были в Березове. Я получил краткую телеграмму о его приходе и поставил перед районными организациями вопрос о дальнейших действиях. Помощи от них, однако, никакой не

получили, и, приехав на базу, направили бригаду самостоятельно, поставив в известность окрисполком.

В результате округ телеграфировал находившемуся в Березове секретарю ОК ВКП(б) т. Сирсону, и последний вместе с уполномоченным ОГПУ, представителем Уралобкома т. Поповым, 13 июня приехали на базу, мы пытались догнать на катере ушедшую в Нумто бригаду для обсуждения вопроса о Нумто, но дойдя по Казыму до Хуллорских юрт и прождав там 6 часов, вернулись обратно, так как приехавшие, ссылаясь на недостаток времени, ожидать больше не согласились, хотя через час после нашего отъезда бригада на назначенное место вышла.

В результате обсуждения вопроса о Нумто на партсобрании культбазы мы выявили грубые политические ошибки, нарушающие национальную политику партии, которые допустила первая бригада Шершнева, ездившая на Нумто весной. Эти ошибки сводятся в основном к следующему. Я уже указал, что настроение после изъятия кулаков было довольно напряженное, а среди отдельных работников базы даже паническое. Очевидно, под впечатлением этой паники и опасений бригада Шершнева вооружилась в поездку 4 ружьями, взяла полпуда редьки, которую в случае эксцессов думала использовать как гранаты, начинив редьку порохом, и произвела в дороге опыты с фитилем для зажигания этих гранат. По приезде на Нумто подготовила веревки и мешки для того, чтобы в случае, если явятся и войдут первыми в избушку кулаки, арестовывать их, надевая мешки на голову и связывая. Завершая свое необыкновенное самодурство, граничащее с преступлением и дискредитирующее культбазу [и] органы советской власти, бригада, не дождавшись самоедов, выехала обратно, оставив самоедам политически вредный документ, который сейчас пока не имеем, но достанем.

Обо всех этих подготовительных мероприятиях к проведению массовой работы туземцы, несомненно, узнали и по-своему это дело оценили. Во всяком случае, самоедская группа, очевидно, была настроена активно, судя по заявлению одного из самоедов, рабочему артели на Нумто: «Если бы Шершнев был, мы бы одной рукой его похлопали по плечу, а второй – запустили нож...». От партиячейки бригада эти свои «дела» скрыла, и весьма оптимистически обрисовала положение, изобразив вме-

сте с тем, самих себя какими-то великомучениками, которых чуть ли не на каждом углу поджидали с ружьями, хотели взять заложниками и т. д.

Конечно, при характеристике настроения самоедской группы, нельзя ни на минуту забывать и того, что кулаки бежавшие с Казыма, имеющие родственные связи с самоедами, также оказали большое влияние на них, и только результатом этого влияния является требование самоедов о возвращении обратно взятых остяцких кулаков.

Сама экспроприация проведена, несомненно, половинчато: взяты кулаки, а хозяйства их остались в прежнем положении, что ясно говорит, если не об отсутствии массовой работы, то, по крайней мере, о ее слабости. И сейчас культбазе придется в этом отношении многое сделать, чтобы эти хозяйства не рассыпались, а на основе их образовать простейшие производственные объединения, совершенно исключив возможность гибели этих хозяйств. Здесь, и в Березове существовала и существует тенденция перебросить кулацких оленей в Сосьвинский оленесовхоз – с этой тенденцией буду вести решительную борьбу, ибо допускать дальнейшее снижение поголовья на Казыме нельзя. Хватит уже и этого безобразного факта, что за последние 3 года небольшое оленье стадо Приказымья уменьшилось почти на 10000 голов, при самом благосклонном невнимании к этому печальному факту со стороны культбазы.

Вопрос о самоедах я затрагиваю потому, что культбаза должна будет работать с ними, ибо они совершенно никакой работой не охвачены, имеют возможность связи с ними, числились в прошлом в Казымском районе и, наконец, задачу их обслуживания ставит перед нами округ.

Сейчас работает на Нумто последняя посланная туда бригада, вернется она в середине июля: в это же, примерно, время к самоедам выедет окружная бригада, в которую думаю войти и я, и после этой поездки, смогу более обстоятельно информировать Вас о положении населения, сейчас на этом ограничусь.

Остяцкое население крайне сдержано, замкнуто, подозрительно, за исключением небольшого нашего актива и работы еще с ним много, особенно работы по укомплектованию школы, в стенах которой в истекшем году находилось всего 11 человек.

О положении на Нумто прилагаю к настоящей записке ряд документов, по которым Вы сможете судить о том, в каком положении находится дело.

В коллективизации остяцкого населения сдвигов пока недостаточно, за исключением организации зырянской оленеводческой артели имени Скачко, охватившей 10 хозяйств, в том числе 2 остяцких, с общим поголовьем до 4000 оленей. Но дело с этой артелью обстоит крайне неблагоприятно. В период организации артели местные работники, совместно с работниками базы (особенно т. Шершнеv) вздумали и осуществили свою политическую линию в коллективизации, сознательно включив в артель явно кулацкие хозяйства, поставив себе задачей очиститься от них в будущем с тем, чтобы обобщественная часть оленей осталась в артели.

Классовое лицо колхоза таково, что из 16 хозяйств четыре, имеющие более 2000 оленей до вступления в артель, пользовались наемной рабочей силой, и по некоторым данным, вели торговые операции, выменивая у остяков пушнину на оленей, а 7 хозяйств батрацких, работавших частично у тех же кулаков, которые сейчас состоят вместе с ними в артели, и остальные, очевидно, трудовые середняцкие хозяйства. Отсюда и вся беда в артели.

По сути дела, в артели остались прежние (да иначе и быть не должно), взгляды на кулаков, как на хозяев, а батраки чувствуют себя их работниками. Особенно характерно в этом отношении заявление остяков, которые уходили из артели из-за недостатка продуктов. Один из них заявил: раньше зыряне были лучше, работаешь у них – хлеб и пищу дают, теперь отказывают.

В общем, во всем этом деле, люди «своеобразно» пытались провести в жизнь «Бухаринский тезис о мирном вращании кулака в социализм», чем, несомненно, нарушили политическую линию, партийные и советские директивы в деле коллективизации, искривили классовую линию, дискредитировав среди определенных групп населения саму идею артели.

О состоянии артели было заслушано на днях в совете культбазы краткое сообщение бывшего там на отеле ветфельдшера Пляцек, из которого можно было основные выводы сде-

лать, и исходя из них наметить конкретные мероприятия. Эти мероприятия сводятся к следующему:

- а) дано категорическое указание Интегралу о том, чтобы колхоз был оформлен как артель по совместному выпасу оленей;
- б) выделить в распоряжение членов артели оленей личного пользования, в том числе и для батраков;
- в) поставлен вопрос перед советом и райкомом о немедленном, если не роспуске, то чистке артели;
- г) перед Интегралсоюзом поставлен вопрос о немедленном улучшении руководства артелью, ибо этого руководства не было совершенно;
- д) заняться необходимым строительством;
- е) находящемуся в артели ветврачу предложено повседневно помогать артели во всей работе.

Полагаю, что приведение артели в порядок, чистка и дальнейшее укрепление улучшит его работу, будет влиять на остяцкое население наряду с массовой работой среди него.

Кроме зырянской артели создана, как уже говорил выше, рыбацкая неуставная артель на Нумто из остяков, объединено до 35 хозяйств в бытовых артелях, выехавших на рыбную ловлю на берега Оби. Ориентируясь на простейшие производственные объединения, думаю, что сможем массовой работой в текущем году в деле коллективизации произвести заметный сдвиг, хотя на многое рассчитывать и трудно.

О работе базы

Ко дню моего приезда на базу заведующего как Вы, очевидно, знаете не было, да и вообще, после отъезда т. Бабкина новый заведующий т. Дедюхин совершал кратковременные эпизодические налеты на базу, а находился больше в Березово. Отчасти поэтому, а также и по другим причинам, многие участки работы имели крупные недостатки, имеющиеся и в настоящее время.

Основным недостатком работы я лично склонен считать то, что база занималась культурной работой, мобилизуя через собрания, беседы, заседания, туземное население на выполнение хозяйственно-политических задач, вместе с тем оказывала край-

не слабое влияние на улучшение хозяйства Приказымыя, помощи населению в деле его перестройки.

Если задать вопрос о том, что получило само туземное население в области хозяйственных мероприятий в результате работы базы, кроме общих фраз об организации Интеграла, выполнение Казымом хозяйственно-политических заданий – сказать, пожалуй, нечего. Я не хочу умалять большой значимости этих мероприятий, но все же эксплуатация сырьевых ресурсов должна неизбежно сопровождаться мероприятиями по их восстановлению, и как раз на этом участке в работе базы большой еще незаполненный пробел.

Точно так же в области изучения производительных сил проведена крайне поверхностная работа. В трудах Тарасенкова использованы общие, довольно старые данные, не дающие подлинного лица Казыма на сегодняшний день. Новый заведующий краеведческим пунктом Гедеонов занимался больше мелочами, а основные участки работы или совсем забросил, или дал по ним настолько поверхностную и безграмотную характеристику, что она не может рассматриваться как серьезный научный материал, из которого можно было бы сделать практические выводы в области политико-хозяйственных и культурных мероприятий по Казыму. В виде примера достаточно привести пару фактов из работы краеведческого пункта.

Уже известный Вам труд об обычном имущественном праве у остяков и постановке учета населения. Первый труд мог бы дать любой, умеющий писать человек, ибо представляет из себя простую поверхностную запись кратких рассказов 2–3 туземцев, работавших на базе, без всякого анализа, установленных в этих рассказах фактов, не говоря уже о политически правильном их анализе.

Массовое краеведение почти не организовано, за исключением кружка в 19 человек, состоящего из работников культбазы, причем не концентрировались в краеведческом пункте те материалы, которые были собраны различными участками культбазы. Просто безобразием является тот факт, что настоящего учета населения и его экономики нет, и сам краеведческий пункт использует в этом случае разноречивые старые

данные при полярной и тузсовета переписи, не дающие сегоднешнего лица района.

Эти данные неверны ни в отношении характеристики экономики населения, ни в отношении его количества. За 2 года была, конечно, полная возможность изучить каждое отдельное хозяйство и подвести итог. На все мои указания о больших проблемах в работе, высказанных на двух заседаниях совета культбазы и беседе с зав[едующим] краевед[ческим] пунктом, последний объяснил их своей некомпетентностью в вопросах экономики и отсутствием второго работника.

За два года единственной настоящей работой является изучение явлений природы на базе через метеостанцию, которая имеет своего платного работника (жена краеведа), все же остальное поверхностно, бессистемно. По словам зав[едущего] пунктом, комитету было известно о его специальности как природоведа, причем товарищем Суловым будто бы сказано ему, что как раз это тот участок и остался на Казыме неизученным. Я останавливаюсь на краеведе для того, чтобы обратить Ваше внимание на необходимости тщательного подбора руководящих работников специальных участков культбазы, ибо раз человек сам осознает свое бессилие и неподготовленность в основных отраслях работы, нельзя ему этой работы поручить и трудно спрашивать.

Линия партии в вопросе «национальной по форме, социалистической по содержанию культуры» на Казыме была известна, но в области ее практической реализации почти ничего не сделано.

Культбаза не нашла, не прощупала еще конкретных форм национальной культуры, в которые мы должны влить наше социалистическое содержание. При всей бедности накультуры северных народов, она все же есть, и задача – найти и использовать все формы ее проявления остается для нас актуальной на сегодняшний день.

Со школой дело обстоит таким образом, что, несмотря на весь бум, поднятый в прошлом известным Вам культпоходами за школу, мы истекший учебный год закончили 11 учениками. До событий 1931 года учащихся было 49 человек, после развоза их

осталось 6, и в последнем году имели рост только в 5 человек – малый, но зато крепкий рост, ни один человек из школы не ушел.

К школе отношение по-прежнему еще подозрительное, и перелома в этом деле можно добиться только повседневной, кропотливой работой с туземцами, особенно с туземками, где еще надо положить много трудов.

Никаких врожденных консервативных убеждений и антипатии к культуре у казымских остяков нет, есть только огромная культурная отсталость населения и большая замкнутость, как плод беспощадной эксплуатации и бесправия в прошлом, и крайне запоздалое развертывание социально-культурных мероприятий. Хотя латинизированных букварей школа и не имела, преподавание и обучение детей велось в истекшем году на родном языке по новому латинизированному алфавиту.

Дети в большинстве довольно успешно восприняли этот алфавит и не только сами составляют слова, но даже простые предложения. Почва для букваря уже подготовлена, ожидаем его получения, а то, если заниматься кустарщиной, можно надевать ошибок, непроизводительно затратить время и труд, и преподавателей, и учеников.

Кроме тузинтерната при к[ульт]базе существовала русско-зырянская школа, в которой обучалось 28 человек. На будущий учебный год к[ульт]база добывается от района для этой школы своего руководителя, но и силы базы конечно должны помогать ей. Питанием, одеждой и обувью туземный интернат был обеспечен вполне удовлетворительно, до конца года учащиеся получили вполне достаточную по калорийности пищу, снабжались исключительно пшеничным хлебом, по мере потребности отпускалось животное масло и сахар. На будущий год обувью (взяли же забросок текущего лета), одеждой и постельными принадлежностями интернат обеспечен в двойной норме комплекта, в отношении же продуктов пока заброски нет, и это дело не кончено. Заброшена только пшеничная мука и манная крупа, из которой я взял для нужд к[ульт]базы и, главным образом, для интерната муки около 250 пудов и крупы около 20 пудов, остального ожидаем в ближайшее время.

Значительно возрос учебный год. Если в 1931 году количество учебных дней доходило до 100, то в текущем их было 140.

Отчасти по просьбам туземцев, отчасти по соображениям беспрепятственного комплектования школы в будущем году, учебный год пришлось сократить на 15 дней, т. е. закончить его 15 мая, причем пришлось ученикам выдать на дом верхнюю одежду, обувь и белье в одном комплекте, так как одевать их в свое рваное и грязное платье мне казалось невозможным. В течение ближайшего времени придется еще на эту жертву пойти и в будущем – даже одежда будет небольшим, но настоящим агитатором за школу, за культуру.

С трудностями комплектования школы столкнуться еще придется, и здесь надо прямо сказать, что прошлые ошибки разных организаций, в том числе и самой культбазы, значительно помогли созданию этих трудностей.

Укажу только на один факт. При комплектовании школы в 1931 году перегибы дошли до того, что у одного из туземцев, не желавшего отдавать в школу ребенка, отобрали ружье и запретили промысел до тех пор, пока [ребенок] не будет в школе. Ясно, такими методами многого не добьешься, а дело можно испортить здорово.

С работой больницы дело обстоит значительно лучше – туземцы ее охотно посещают, хотя коечным лечением, и особенно женщины, пользуются не особенно охотно. Не было еще ни одного случая оказания помощи роженицам в самой больнице за исключением одного случая на дому. Врач[ом] участка обследовано большинство населения, и с этой стороны работу можно считать в основной законченной. Остаются еще неизученными вопросы смертности, рождаемости населения и его метизации, а также остается еще много работы по изучению глазных и глистных заболеваний. Работа по привитию начальных санитарно-гигиенических навыков движется вперед, но здесь мы сталкиваемся иногда с неповоротливостью заготовительных органов. Если вошло в быт туземца мыло, то вот в течение уже трех лет не может к[ульт]база добиться ввоза умывальников, зеркал, часов и прочее. Приезжавшему на днях уполномоченному области требование дано, забросить обещал, но не знаю, будет ли это обещание выполнено. С показательными юртами дело обстоит совсем скверно – их нет, даже такая юрта при к[ульт]базе оказалась занятой под общежитие.

Думаю, во всех юртовых объединениях выделить подшефные к[ульт]базе юрты, создать в них культурную обстановку. Что же касается юрты при к[ульт]базе, то ее придется передать в тузсовет, а в виде показательной оборудовать коллективную юрту туземцев, работающих на культбазе, которую в этом году совместно с хозорганизациями предполагаем установить.

С ветпунктом дело обстоит так, что по существу на самой к[ульт]базе он совершенно не нужен, и для меня необъяснимо, почему он здесь поставлен. Ветпункт пустует со дня его постройки, и неизбежно будет пустовать, ибо основные оленеводческие хозяйства находятся в верховьях Казыма, главным образом, по реке Курьех, а близкие к культбазе хозяйства остяков имеют очень мало оленей. Основная работа специалистов ветпункта проводится, и должна будет проводиться непосредственно в табунах, в тундре, и сейчас ветврач находится там, а ветфельдшер только что прибыл.

Я уже указывал выше, что вопросы состояния оленхозяйства совершенно выпали из работы культбазы, иначе, чем можно было бы объяснить общую убыль стада за последние 3 года почти на 50 %? Против разумных заготовок оленей возражать, конечно, нельзя, надо им помогать, но идти в этом деле на поводу у ретивых заготовителей, вести хозяйство к явному упадку, просто преступно. В частности оленхозяйство самой культбазы находилось в беспризорном состоянии, являясь показателем того как не надо вести оленхозяйство, а не показателем обратного.

Пастух бесконтрольно бил оленей для себя, помогали ему в этом кулаки, а культбаза смотрела сквозь пальцы на все это и списывала только со счета десятками оленей на естественную убыль.

В общем, примерно из 220 закупленных культбазой для питомника оленей оставалось на 1933 год 202 штуки. Как видно, не только не произошло увеличение стада в имеющем показательный характер хозяйстве, но даже налицо снижение поголовья. В текущем году закуплено оленей для питомника 102 головы и, таким образом, общее число оленей дошло до 304 штук. Весной текущего года пастуха пришлось устранить от работы, стадо по договору передать временно на выпас зырянской артели, куда на время отела был направлен ветфельдшер. Отел те-

кущего года дал 94 головы, 22 важенки должны еще телиться, и есть 35 переходных, причем из отела текущего года погибло всего 16 пешек, и если все пойдет благополучно, на 1 января приплод нашего стада даст 127 пешек, таким образом, общее поголовье питомника дойдет до 420 голов.

Осенью текущего года я думаю взять у тузсовета еще 67 оленей, чтобы таким образом иметь хозяйство, которое можно привести через год на полный хозрасчет, вместе с тем способное без ущерба для себя выделять оленей и для населения, и обслуживать нужды к[ульт]базы.

Правда, на культбазе была создана ясно выраженная тенденция к сведению стада на нет, и оно взято от ветпункта и передано хозчасти, но это дело пришлось коренным образом изменить и поборникам такого мероприятия сказать, что, не попытавшись организовать и наладить дела, невовремя ударились в панику.

Прорабатывая ориентировочный план работы питомника на будущий год, мы вывели, что если иметь на 1 января 1934 года 363 взрослых оленя, при соответственном половом подборе, то к осени будущего года – с учетом естественного отхода, поголовье стада должно дойти до 547 оленей и ценность его определится примерно в 13000 рублей.

К реализации этих предварительных предположений и думаю приступить. Наше стадо должно, и надеюсь, будет оказывать соответственное влияние на туземное оленехозяйство. Независимо от этого с практикой выкачивания оленей с Казыма будем решительно бороться, [сделаем] ставку на увеличение и улучшение стада, а не на его снижение. Район в этом деле тоже весьма повинен, и зная прошлогодние заготовки на Казыме, зимой текущего года увел в Саранпаульский совхоз до 500 оленей, а к[ульт]база равнодушно пропустила это мимо своего внимания.

Значительные запасы ягельных угодий в Приказыме позволяют развертывание оленного хозяйства, и если зырянские хозяйства строят свой бюджет почти исключительно на доходах от оленеводства, то для большинства остяцких хозяйств это остается еще задачей на будущее. Для определенной группы остяков, обитающей в лесной зоне, оленеводство останется подсоб-

ным занятием, но и здесь значение его должно возрасти, не говоря уже о том, что хозяйства, обитающие в верховьях Казыма, смогут значительно увеличить свой бюджет за счет оленеводства, в деле перестройки которого к[ульт]база окажет им всемерную помощь.

В приходной части бюджета остяков Приказымыа доход от охоты составляет 60 %, однако на сегодняшний день никаких мероприятий в области рационализации хозяйства проведено не было, точно также, как и в области его изучения наличными силами к[ульт]базы. Впрочем, в отношении последнего пушной промысел не одинок, также обстоит дело и с рыбным хозяйством и с изучением сырьевых ресурсов вообще, за исключением поверхностных рекогносцировок на отдельных участках. В большинстве случаев изучение свелось к суммированию данных заготовительных организаций, которые сами по себе еще далеко не полностью отражают истинное положение вещей.

В области охотничьего хозяйства мы сейчас наметили организацию охотхозяйства на всей территории Приказымыа с выделением заказной площадью в верховьях рек Помут, Амни и Лыхмы, с включением в этот заказник площади Чемашинского заказника. В текущем году предполагается ввезти 50 пар ондатры и выпустить ее в озерах заказной площади. Беда в том, что Демьянский совхоз не может пока дать ни одной пары ондатры, так как в нем свирепствует эпидемия. Кроме выпуска ондатры наметили мероприятия по реакклиматизации исчезнувшего соболя и, возможно, речного бобра.

Как Вам известно, ПОСы организуются только в системе Союзпушнины, и мы вынуждены будем сделать отступление от этого правила при организации хозяйства в Приказымые. Поскольку этим хозяйством предполагается охватить всю территорию Приказымыа, то естественно одной организации дело передавать нельзя. Между Собпушниной и Интегралом территориального распределения заготовительных участков нет, удельный вес в заготовках каждой из этих организаций примерно одинаков, и тут пришлось пойти на компромиссное решение, привлекая к организации хозяйства обе организации. Для того, чтобы не было вредных для дела трений и споров, я думаю, поступил правильно, что функции по организации, руководству хозяйств

принял на первое время на к[ульт]базу. В таком виде мы будем концентрировать все средства в руках к[ульт]базы и проводить все хозяйственные мероприятия и оперативное руководство, не вмешиваясь, конечно, в заготовительную работу организаций. Сейчас прорабатываем все дело на остяцких собраниях для того, в частности, чтобы приблизительно определить границы заказника, который бы не нанес ущерба населению. По предварительным данным, проектируемая площадь как раз почти не промышляется и по всем материалам отвечает предъявленным к заказнику требованиям. По обсуждению вопроса на остяцких собраниях и в тузовете, выносим его на рассмотрение района и округа, предугадать которого сейчас естественно трудно, но полагаю своего добиться.

Классовое лицо Приказымыя примерно уже выявлено, работа по выявлению форм эксплуатации, точно так же и как защита батрачества от кулацкой эксплуатации, к[ульт]базой было сделано не все, что нужно сделать, и что будем проводить сейчас.

Я кратко остановлюсь на вопросах хозяйства самой культбазы. Мы имеем сейчас 7 лошадей, 4 коровы, 2 нетели, [...] плембыка, 2 иоркширских свиньи с производителем и [...] взрослых поросят, 35 кроликов и, наконец, пару кур. Часть этого стада пополнена в текущем году. Молочное стадо придется, если будет возможность, в текущем году пополнить еще. Содержание коров и лошадей совершенно необходимо для нужд самой к[ульт]базы, и оно целиком оправдывается хозяйственной целесообразностью и самоокупаемостью. Несколько иначе дело обстоит со свиноводством, ибо пока он дает только убыток и с кормами дело крайне скверно. Все же полагаю, что сейчас отказываться от него рано – будем увеличивать поголовье.

Стадо культбазы, я думаю, использовать как рассадник – для привития животноводства в юртах, если (а я этой мысли не допускаю) оно останется только на базе, то и тогда существование его будет, несомненно, оправдано. Сейчас пока приходится брать установку на естественное увеличение, и лишь после того, как количество скота будет достаточно, передавать часть его в остяцкие юрты. Правда, первая ласточка в этом деле уже есть – несколько кроликов на днях передали остякам, но это маленькое начало, надо будет серьезно взяться за разведение молочного

скота, хотя кормами Казым и не особенно богат. Беда в том, что вместо скотного двора построен крохотный «единоличный» дворик, и сейчас надо обязательно делать постройки в несколько раз больше, а это связано с расходами (примерно 3–4 тысячи рублей) – заявку, на которую мы даем в смете на 1934 год. Сено для скота возили до сих пор из Полновата, но в этом году придется взять курс на максимальное использование местных возможностей, хотя подготовка сенокосной площади требует мелиоративных работ, естественно связанных с затратами.

Текущей весной огородной площади несколько более гектара, и 9 парников, из них 7 новых установили месяц тому назад. Расчищенная под огород, парники, площадь неплодородная, песчаная. В прошлом году с огорода собрали то количество картофеля, которое посадили. В этом году удобрили торфом и навозом, но надежд на большой урожай мало, надо будет делать новые расчистки. Картофель и овощи уже давно посадили, и сейчас, например, луком изредка снабжаем уже сотрудников своим. Огородничеством должны будем заняться также в юртах, но туземцы идут на это дело крайне туго, еще не свыклись с потреблением овощей.

На паях с Интегралом строим в этом году кирпичный завод около устья Амни, вверх по Казыму. Ввозили до сих пор очень скверный кирпич из Березова, платили за него более чем 200 рублей за тысячу, а глина лежала под боком. По ориентировочным расчетам, сейчас тысяча кирпича, включая и постройку завода, обойдется не более 100 рублей. Мне пришлось пойти на это дело потому, что Интеграл промариновал бы дело еще ряд лет, нам в этом году на ремонт нужно до 30000 кирпича, а платить бешеные деньги за Березовский кирпич нет возможности. Руководство заводом взял пока на к[ульт]базу с тем, чтобы организовав дело передать его Интегралу для эксплуатации. Со стороны остяцкого населения спрос на кирпич уже имеется, и будем его в юрты направлять, а наши затраты оправдаются почти целиком продукцией этого года. Сейчас постройка в разгаре, и к концу июля будут обжигаться первые партии кирпича. Крайне скверно обстоит дело с катером. Поставили на него изношенные и передаточные машины, требующие массы бензина, доставать который крайне трудно. В прошлом году катер дал

дефицит более 5000 рублей. В текущем году по предварительному производственному плану думаю обеспечить хозрасчет, но плохо дело с горючим. При следовании на к[ульт]базу в Тюмени достать ни одной бочки бензина не удалось, хотя было дано обещание три тонны первыми рейсами направить. В Самарове у [рыбо]консерв[ного] комбината одну тонну взял взаимобразно, но привезти его зимним путем уже не мог, так как дорога падала, и едва пробрались сами.

В общем, сейчас имеем 4 тонны в пути, а на месте [неразбор.] и катер бездействует. Правда, один рейс в Березово делали на керосине и привезли около 3000 пудов грузов. Но больше рисковать моторами не мог, так как один из них во время рейса попортился. Сейчас стоит в Березово в бездействии уже около полумесяца. На днях бензин должен быть. В текущем году во что бы то ни стало машины нужно сменить, ибо эти уже пришли в негодность, и на дорогом горючем работать невозможно. Достаточно указать, Госпар берет с тонны груза от Березова до к[ульт]базы около 90 рублей, а мы вынуждены установить тариф не более 40 рублей, чтобы не прогореть. Отсюда картина ясна. Надо достать моторы типа тракторов «Интернационал» по 25 НР, иначе в будущем году катер выйдет из строя. Задание Шершневу об этом в Свердловск дал, но не знаю, что ему удастся сделать. Было бы хорошо, если бы Вы со своей стороны помогли достать моторы, средства на которые тоже необходимо обеспечить. Местные организации предлагали продать катер, и я думал, что если мы машин в будущем году новых не поставим, надо будет на это дело пойти, хотя [необходимо] принять все меры, чтобы сохранить катер. Ваша помощь в этом очень необходима. Кроме катера надо обязательно завезти лодочный, хотя бы подвесной мотор, это значительно облегчит летние разъезды.

С ремонтом к[ульт]базы дело обстоит таким образом. Первоначальными предположениями была намечена штукатурка всех зданий изнутри, проконопатка, ремонт печей и покраска полов. Исходя из этого, и испрашивается довольно крупная сумма на ремонт, которую Вы урезали до 10000 рублей. Хотя ремонт и требуется более солидный, чем тот, который Вы решили, и Совет к[ульт]базы требовал увеличения суммы, я счел бесполезной переписку по этому вопросу, имея ввиду теле-

грамму т. Скачко и предполагая отсутствие возможностей. Однако, я хочу обратить Ваше внимание на то, что в будущем году нужно изыскать средства на штукатурку, ибо зимой во всех зданиях очень холодно, к тому же невозможно избавиться от паразитов.

Сейчас состояние здания таково, что в большинстве печи развалились от чрезмерной топки и плохого качества кирпича, необходима двухсторонняя проконопатка всех домов. Кое-где, в частности в школе, вследствие нелепой постройки, стены выперли в сторону, и придется их летом крепить, а то грозят вывалиться совсем. На многочисленные телеграммы в Москву на имя Комитета и в Свердловск по части стройматериалов по существу никакого ответа не получили, а Свердловск, несмотря на Ваше письмо ему, молчит и до сих пор. Уральский комитет претендует и обижается, что к[ульт]база не вводит его в курс работы, а сам абсолютно ни в чем ни поддержки, ни помощи в работе ей не оказывает, не говоря уже о каких-либо признаках руководства. При такой постановке, естественно, отпадает всякое желание отчитываться перед ними, ибо нужды живого дела не вызывают никакого отклика, и просьбы базы погрбеаются, очевидно, в пыльных архивах чиновников из Уральского комитета.

В Москве был заключен с т. Радищевым договор на обеспечение культбазы некоторыми стройматериалами, и деньги целиком были ему переведены за три месяца. Однако, несмотря на договоренность с ним т. Радищев ни слова не сообщил к[ульт]базе о том, что он достал [], что мог бы достать. Очевидно, и он ничего, кроме фотопринадлежностей не достал, а за одни фотопринадлежности выбрасывать по 500 рублей – преступление, которое оправдать ничем нельзя. На все мои телеграммы, по поводу заготовок Радищева, комитет тоже ничего не ответил, и таким образом, к навигации стройматериалами к[ульт]база оказалась совершенно не обеспечена. С первым же пароходом я вынужден был командировать на магистраль Шершнева, чтобы своими силами достать хотя бы самое необходимое, ибо и здесь старая пословица «На друга надейся, а сам не плошай» оказалась весьма уместна. Сейчас имею от него сообщение, что отгружено из Тюмени 4,5 тонн пакли, немного гвоздей и прочее, ожидаем прибытия, после чего приступим к проконопатке. Ра-

бочих обещал дать в ближайшие дни Березовский РУ ОГПУ. Об остальных стройматериалах пока известий никаких нет, надеюсь самое необходимое достанем.

Кроме ремонта в текущем году я предполагал произвести пристройку к дому туземца зрительного зала, построить здание столярно-слесарной мастерской и, наконец, скотный двор.

Добрую половину этих совершенно необходимых мероприятий придется из-за недостатка средств отложить на будущий год, но частичные работы думаю, все же произвести удастся. Заказ на оборудование слесарной мастерской так же уже дан, но не знаю, сможем ли вывернуться со средствами. Организация шефства, которым уральцы очень хвастались в [Уральском] Комитете [Севера] еще 2 года тому назад, весьма помогла бы в этом деле, но больших надежд, после одного печального «шефского» случая сейчас у нас нет. А случай этот такого порядка, зимой приезжали сюда Надеждинские шефы, обещали большую помощь, к[ульт]база насобирала и отправила им в виде подарков рабочим шкурок пыжиков, а когда работники базы приехали на завод ремонтировать мотор, то за работу стоившую за глаза рублей 250, содрали более 800 рублей. Вот от такого шефства поневоле приходится бежать, а не радоваться ему.

Вина в этом, конечно, не рабочих, а руководителей партийной и профсоюзной организации, которые, распределив подарки между собой, вокруг шефства в рабочей среде никаких мероприятий не провели. Этот опыт заставляет нас быть весьма осторожными в расчетах на шефскую помощь.

От сооружения электростанции на базе в этом году пришлось, естественно, отказаться, ибо есть более неотложные потребности, но в смету на будущий год мы это включим и полагаем, что комитет внимательно отнесется к этому мероприятию.

Вследствие того, что здание ветпункта фактически пустеет, я решил использовать жилую его часть под общежитие, а заразное отделение и манеж – под скотный двор. В период ремонта надо будет только последнее утеплить, и полагаю, что с Вашей стороны возражений не будет против такого использования. Лабораторные исследования можно проводить ветврачу в кабинете больницы. Для ветпункта совершенно необходимо, хотя бы примитивное здание на [реке] Курьех построить уже в этом го-

ду, в крайнем случае, в будущем, и на это нужны средства. Наконец, расчистка территории самой к[ульт]базы от пней еще не произведена, и ее точно также нужно осуществить.

Как видите, совершенно необходимых хозяйственных мероприятий естественно связанных с затратами у нас много, и мне кажется, они должны рассеять неправильно сложившиеся в комитете мнение о том, что Казымская к[ульт]база в средствах, кроме как на содержание, не нуждается. Сейчас у нас в них острый недостаток и только поэтому мы не можем разворачивать совершенно необходимых мероприятий. Не питая никаких надежд на увеличение наших ассигнований в текущем году, я полагаю, что комитет учтет потребности базы в бюджете 1934 года. Вся работа базы неизбежно связана с разъездами, но чтобы разъездную работу ввести в рамки системы, нам совершенно необходимо организовать красный чум. Это также потребует дополнительных средств и сил.

Должен кратко коснуться существенных для Казыма вопросов снабжения. В текущем году положение было крайне скверное, и к началу навигации ни Интеграл, ни Уралпушнина не имели здесь ни фунта муки, сахара, масла. Перед отъездом в Березово я отдал с базы последние 100 килограммов ржаной муки, чтобы выдать рабочим хотя бы по 3 килограмма на семью. Груз систематически из года в год пропадает где-то в дороге. Против накладных об отправке продуктов на 1932–1933 годы Интеграл не получил 62 тонны муки, 3 тонны сахара, 4 тонны кренделя, 12 тонн овощей и прочее, а сортовой муки не было совершенно. Эта [ситуация] чувствительно отразилась на населении, и в лавках дело доходило до скандалов. Уралпушнина была снабжена еще хуже, чем Интеграл – там не было даже промтоваров, и какой-то умник додумался до того, что послал самолетом из Свердловска плохой не пользующийся спросом серенький ситец, который обошелся в расценке чуть ли не 4 рубля метр. Ясно, что он лежит, и будет лежать из-за дороговизны, как немой свидетель головотяпских поступков работников Уралпушнины. В текущем году товарозаготовки только еще начались, и трудно что-либо о них сказать. Муку частично забросили, в том числе и пшеничную, а сахара и масла пока нет.

О безобразиях в прошлом году и в начале этого года мы информировали район и округ, полагаю [что] будут следить, но кроме того здесь совершенно необходимо ввести 1 – ½ – 2 годичное снабжение, так как оленеводческая и отдаленная часть населения связи с торгпунктами не имеет, и поэтому должна снабжаться до зимнего пути. Проводить же 1,5 годичное снабжение этой группы при существующем положении нельзя, так как это неизбежно вызовет недоснабжение береговых остяков. Надо будет добиваться удовлетворительного разрешения этого дела в округе и в области. В снабжении сотрудников к[ульт]базы тоже есть свои недочеты, которые по мере наших возможностей разрешаем своими силами, но и здесь кое-какие изменения надо внести. Я поставил перед округом и областью вопрос о повышенных нормах для 12 человек к[ульт]базы, но пока никакого ответа не получил. Думаю, Вы со своей стороны поможете этого добиться. Если те нормы, которые я у них просил, будут удовлетворены, то наряду с самозаготовками овощей и мяса, снабжение базы будет обеспечено.

Склад к[ульт]базы находился на пути к полной ликвидации, но мне пришлось это дело приостановить, и в текущем году снабжение как интерната, больницы, так и сотрудников перенести снова сюда, ибо на Интеграл надеяться иногда и можно, а все-таки лучше надеяться на себя.

По вопросу состояния бюджета базы за прошлый год финансовый отчет Вам выслан весной, и поэтому я ограничусь только отдельными замечаниями, ибо по расходам текущего года исчерпывающий отчет будет предоставлен Вам к январю. Когда разрабатывали проект положения о льготах, казалось все определенным и ясным, однако, на практике эти льготы крепко бьют по карману, [так как] соответствующих ассигнований нет.

Очевидно, комитет должен все-таки добиться, чтобы Наркомфин более серьезно отнесся к постановлению правительства и обеспечил его проведение в жизнь. Поскольку органы прокуратуры будут следить за применением положения о льготах, они имеют полное право заставить нас его выполнять, а при отсутствии специальных ассигнований мы вынуждены будем производить эти расходы за счет хозяйственно-культурных мероприятий, что не в коем случае недопустимо и [противозаконно] на-

рушать бюджетную дисциплину. Правда, эти нарушения имели место на к[ульт]базе и в текущем году, но по другой линии, и зависело исключительно от самих руководителей, несколько распустивших вожжи. Я имею в виду два случая следующего порядка:

1. Процентные надбавки выплачивались, включая и первый год работы, что соответствует смыслу закона, но противоречит инструкции НКТ труда и, главное, нашим возможностям. При таком положении определенной группе работников мы должны были выплатить более 4000 рублей в год, и к моему приезду фактически выплачивалось. Проверив дело, я неправильное начисление 10 % сбросил, а выданную сумму около 1300 рублей удержал из зарплаты. Все же неясность в этом деле остается, и было бы желательно Ваши указания получить.

2. По распоряжению т. Дедюхина, уже после его освобождения от заведывания базой, выдано 1000 рублей бригаде ОГ-ПУ, ездившей по изъятию кулаков. При всей необходимости этой работы я не мог допустить мысли, чтобы к[ульт]база расходовала на такое мероприятие свои деньги и поставил перед РУ ОГПУ вопрос об их возврате, но естественно, ничего они не возвратят и раз повинны в этом деле Дедюхин и Шершнев, я вынужден отнести эту сумму на их личный счет.

Плохо то, что мы не имеем сведений о бюджете 1933 года. В данном мне Москве распределении кредитов базы общая сумма не соответствует частным, а присланная т. Чеботаревским телеграмма образцово перепутана телеграфом, и ничего понять из нее невозможно. Просил сообщить вторично, но ответа никакого не получил. Жду его до сих пор. Касаясь финансовых вопросов, должен затронуть еще один. В Москве комитет выдает иногда деньги работникам базы. Совершенно необходимо, чтобы мы знали об этих выдачах. Практику же выдач на приобретение оборудования для базы отдельными сотрудниками лучше всего прекратить или требовать сразу же и отчета, с сообщением одновременно к[ульт]базе, а то получается ненормальное положение. В виде примера могу привести следующий факт: учителя Лоскутову в прошлом году было дано около 1000 рублей на закупку оборудования, а он приехал сюда и заявил, что эти деньги выданы лично ему как компенсация за недополученные

процентные надбавки. Комментарии, полагаю, излишни. Нормальное расходование кредитов базы обеспечит бесперебойную ее работу на всех участках, если ассигнованиями все будет предусмотрено. Поэтому, я очень прошу Вас детально познакомиться со сметой, рост ее неизбежен, ибо надо расширять [не-разбор] работу, но вместе с тем учесть и то, что фонд зарплаты должен значительно возрасти, так как ставки квалифицированных работников значительно подняты Комитетом по сравнению со сметными предположениями.

По поводу состояния аппарата должен также Вас информировать, так как в текущем году уезжает более половины. Я должен всю эту уезжающую группу работников разбить на две части. Одна – это та, которую мы могли бы еще использовать на базе, и другая та, которую база без радости встречала и без горя провожает. К последней группе я отношу прежде всего известного Вам заведующего краеведческим пунктом Гедеонова, 2 года занимавшегося на базе фенологических наблюдениями, а также зав[едующего] школой-интернатом Вострокнутова, который часть работы вел, но в окружении родственного влияния и весьма нервной супруги до крайности обострил свои отношения с некоторыми работниками, особенно школы, и избрал средством исправления уход с работы. Другого выхода, пожалуй, и не было, так как [данных работников] примирить я уже не мог, а жертвовать Лоскутовым, знающим [хантыйский] язык, хотя и имеющим большие недостатки в области самолюбия и мелочности, было не в интересах дела. Временно оставил заведующим [школой-интернатом] его [Лоскутова], а на будущий год комитет обещал прислать ленинградских учителей, знающих [хантыйский] язык. По приезду в этом году преподавателя ИНСА, который очень прошу ускорить, школьными работниками база будет укомплектована.

К первой группе отъезжающих отношу: зав[едующего] больницей Башурова, завхоза Михайлова и бухгалтера Мерзликина. У двух последних есть «грязные пятна» в характеристике «социального лица»: в прошлом: аресты, ссылки и пр., о которых знают, работающие на культбазе, и поэтому людям хочется в новую обстановку, где бы их прошлое не обращало на себя общего внимания. Но такие люди, как Мерзликин, хотя его те-

перешнее правовое положение и нормально, не будут преданными участниками нашей стройки, они будут работать, но приди к ним другая власть, будь они даже политическими нулями, они на нее будут работать еще усерднее. В связи с этим я хочу обратить Ваше внимание на то, чтобы вопросу общественной работы и полит[ической] подготовленности направляемых на Север людей отдавалось должное [внимание]. Для нас дорога каждая единица, и надо отказаться от ввоза сюда ограниченного чиновного балласта. Полагаю, что это будет верно не только для Казымской базы, но и для других участков.

Сразу же по приезду я разговаривал с врачом Башуровым о продолжении работы, он согласился в последний раз, в середине июня договорились обо всех условиях: о зарплате, о помощи при прохождении курсов повышения квалификации и прочее, однако эту договоренность пришлось аннулировать.

Думаю, что Вы помните о «букете кровной родни», как выразился т. Бабкин и результат этого «букета» несомненно, на отъезде Башурова сказался. Люди собирались пожить «коммуной», а тут некоторых за безделье посылают долой – ясно, обидно. И характерно то, что по приезде Савицкого около 20 июня я предложил Гедеенову сдать материалы и дела, а на следующий день получил заявление Башурова об освобождении от работы «в связи с изменением семейных и прочих обстоятельств». Пусть едет, все равно зав[едующего] больницей пришлось бы ввозить, если не в этом году, то в будущем. Не нравится мне только то, что перед отъездом высказывать работникам базы никому ненужные вещи вроде того, что «пришлют врача-коммуниста – будет лечить своих, а на вас начхать» или «Корову продам чертовой базе, только сдери с нее как следует, а не дадут – увезу в Березово, за бесценок лучше отдам». Меня эти разговоры крайне поражают своей бессмысленностью, и не знаю, какие причины вызвали у Башурова охоту мелкой пакостливости. Случай с «казымским кровавым букетом», мне кажется, надо учесть в будущем и, хотя закон позволяет использовать на Севере в одном учреждении родственников, лучше если от этого отказаться – пользы для дела будет больше, ибо время не будет тратиться на громкие и тихие, открытые и скрытые словесные

сражения двух воюющих сторон, а будет использовано по прямому назначению для настоящей практической работы.

Несколько особо стоит вопрос об освобождении от работы зав[едующего] Домом туземца Шершнева. Я уже сообщил Вам, что он своими действиями довольно грубо дискредитировал национальную политику партии, мы дали ему строгий выговор с предупреждением, но дело будет еще разбираться и Рай[ском ВКП(б)], очевидно с к[ульт]базы его придется убрать, да думаю, что и сам он не согласится остаться. Так что понадобится зав[едующий] туздомом. Полагаю со своей стороны, что для этой работы подошел бы Алешников, но если он теперь откажется, Комитет очевидно сможет найти подходящую кандидатуру и сообщит об этом к[ульт]базе.

За вычетом отъезжающих, остальная часть аппарата укомплектована, и если понадобится, подберем людей на месте. Заведующего краеведческим пунктом необходимо обеспечить из Москвы, но проверить в смысле подготовленности. Было бы очень желательно, если бы он обладал достаточной подготовкой в области экономического изучения, вместе с тем имел бы познания в рыбном хозяйстве. Правда, в настоящее время штат краевед[ческого] пункта у нас заполнен, но предполагаю т. Московкина перевести на другой участок и, следовательно, одну должность освободить. К осени штат культбазы необходимо укомплектовать, чтобы обеспечить к зиме бесперебойную работу всех участков и избежать и трудных, и дорогих перебросок зимой.

Предполагали на днях послать красную лодку, но в связи с отъездом ряда работников, нахождением 4-х человек в разъездах по району – послать [лодку] сейчас, к сожалению, очевидно, не удастся и придется сделать это немного позднее. Сейчас получил сообщение об отгрузке стройматериалов. Нам отгружают из Свердловска и Тюмени олифы, гвоздей, железа, стекла, проволоки и медикаментов в том числе, с этим делом будет все в порядке.

Я не ставил себе целью дать в [докладной] записке исчерпывающий обзор работы базы, ибо это можно сделать несколько позднее, так как требуется более детальное ознакомление на всех участках и в юртах. Одновременно высылаю отчет о работе

школы за прошедший год, инвентарные ведомости и смету. Задержка в переписке из-за отсутствия канцелярских работников отняла много времени, и ее нельзя было представить раньше при всем желании. Очень прошу обязать Наркомсвязь дать распоряжение о включении нашей радиостанции в сеть НКС связи, так как к[ульт]база вынуждена нести расходы по ее содержанию, не предусмотренные сметой, и кроме того добиться, чтобы они в деле постановки на базе стационарной радиостанции от слов перешли к действиям. Связь очень желательно улучшить так же и по линии Комитета, а то мы тратим деньги на десятки телеграмм, не получая на них ответа ни телеграфом, ни почтой. Если Комитет не может или не считает нужным давать телеграфные ответы, полагаю, что почтой это сделать можно. В нескольких телеграммах Комитет указывал на отсутствие контроля зав[едующего] базой при представлении отчетов зав[едующих] учреждениями базы в то время, когда меня здесь не было, и обвинять меня в отсутствии контроля нет оснований. По приезде на базу я установил, что отчеты Комитету были представлены, хотя копии их для ознакомления получил только в июне. В дальнейшем отчетность будет регулярна и своевременна, по отдельным же вопросам Комитету будут предоставляться своевременные информации.

В частности, о положении на Нумто сообщу по приезде нашей бригады обратно, которого ожидаем в ближайшие дни. Кроме того, в середине июля предполагаю вместе с окружной бригадой выехать на Нумто, и тогда более подробно сообщить Вам об обстановке. На август ориентировочно назначен мой доклад в бюро ОК ВКП(б), после чего по ряду вопросов, в частности снабжения и охотхозяйства, необходим выезд в Тюмень и Свердловск, и я полагаю Комитет не будет возражать против заезда в Москву, как по делам к[ульт]базы, точно также и для урегулирования ряда личных вопросов.

По последним сведениям, крайне плохо в деле снабжения жирами, которых не то вообще не обещают забросить, не то только с последними пароходами. Это положение, очевидно, распространяется на весь Уральский Север, и мне кажется, Комитет смог бы принять меры по линии снабжающих организаций по заброске жиров, так как никаких остатков ни у одной из

двух снабжающих систем нет, и это не только в Березовском районе, а и всюду.

Культбазе же придется пополнять стадо и хотя бы этим путем удовлетворить частично потребности сотрудников в жирах. Само собой разумеется, что по всем вопросам, затронутым в настоящей информации, крайне желательно получить Ваши указания для ориентации последующей работы к[ульт]базы.

Заведующий Казымской культбазой Круглов [подпись Круглов]

** Так в тексте*

ГА РФ. Ф. 3977. Фп. 1. Д. 1149. Л. 2–16. Машинописная копия, имеет гриф «Не подлежит оглашению».

Документ № 6

**Протокол
общего собрания ячейки ВКП(б) при Казымской культбазе
с участием членов окружной и районной комиссии**

[Казымская культбаза]

18–20 июля 1933 г.

Присутствовали: Мякушко, Круглов, Московкин, Резчиков, Хозяинов.

Члены комиссии: т. Ганин (окрисполком), Терентьев (райисполком), Посохов (РУ ОГПУ).

На первом заседании присутствовали члены второй бригады б/п тт. Лоскутов, Дедюхин:

Слушали: Доклад второй бригады о положении на Нумто (письменный доклад прилагается).

Докладчик т. Мякушко:

Приехавший на культбазу Белозеров сообщил в июне о новом запрещении облова. Для проведения массовой работы среди самоедов и выяснения обстановки культбазой и ячейкой была создана наша бригада, в задачу которой было поставлено разрешить возникший конфликт, проверить и наладить работу артели, а в случае надобности – переключить ее для облова в ближайших к Нумто водоемах. До Нумто от базы прошли пешком. По приходе на Нумто послали Василия Молданова (человек – скорые ноги) искать самоедов, т. к. по заявлению туземцев, нам было бы их не найти. Молданов проходил 6 суток. Вернувшись, передал, что нашел три самоедских чума. Самоеды обещали [сообщить] в остальные чумы о приходе бригады и обещали, в случае если найдут нужным, прийти в артель для переговоров с бригадой. Прийти обещали 6 июля, но никто не пришел, и бригада, побыв на Нумто 18 суток, 8 июля вышла обратно на культбазу. По словам туземца Рандымова, в весенний приезд самоеды сказали, что можно рыбу ловить лето[м] и два месяца по льду. По словам туземцев, артели рыбу разрешено ловить сетками, а не неводом. Между русскими и туземцами, работающими в артели на Нумто, были недоразумения, которые разжигал сын крупного шамана

Спиридонов. Бригада эти недоразумения на месте разрешила. А Спиридонова, как вредящего работе артели, вывезла с Нумто.

Тов. Лоскутов:

Белозеров говорил, что самоеды обещали оставаться около озера, когда же мы туда приехали, то оказалось, что около озера самоедов нет. По[сле] разъяснения нами на общем собрании артели поставленных перед бригадой задач об урегулировании, естественно мирным путем, вопроса об облове озера и улаживании конфликта непосредственно с самоедами мы приступили к работе. После собрания был послан Молданов, нашедший три самоедских чума, хозяева которых обещали «всем миром» обсудить вопрос об облове и сообщить свое решение через 7 дней. Причем предупредили, что аккуратно через это время придут на базу артели, но и через 10 дней не пришли, мы вынуждены были через 18 суток выйти обратно на культбазу. Самоеды поставили около святого острова, очевидно, для его охраны, зятя самоедского князя Молданова. Членам артели, нам дано строгое указание на святой остров не ходить. Одним из активных руководителей всего дела был Спиридонов Иван Григорьевич. Спиридонов активно работал на стороне кулаков, сам помогал им действовать и сбивал других туземцев. На него жаловались даже туземцы, особенно бедняки и батраки. Бригада Спиридонова с работы сняла и с Нумто вывезла. Во время весеннего приезда самоеды собирались у Артемьева и на этом собрании заявили, что надо будет разрешить лов летом и два месяца по льду, раз произведены большие затраты на заброску материалов и людей. До прихода нашей бригады артели фактически не было и лов почти не производился, каждый ловил так, как хотел. Артельного начала никакого не было. Были недоразумения между русскими и туземцами, когда русские заняли места, отведенные осяткам, — бригада предложила русской части артели использовать отведенные им участки, а также ловить вместе с артелью, против чего туземцы не возражали. Во время приезда самоеды [и] осятки обращались к ним с жалобами на то, что не дают дрови и не платят за постройку бараков.

Тов. Дедюхин:

На общем собрании туземцев и русских артели на Нумто мы выявили, что самоеды и осятки были терроризированы дей-

ствиями бригады Шершнева, Хозяинова, подготовившей «военные действия» против них (бомбы, ружья, мешки, верёвки и т. д.). Эти действия сильно озлобили самоедов и они заявили, что если русские забрасывают на Нумто соль для засолки самоедов, тогда и самоеды будут солить русских. Больше всего ход дела зависел от остяков, которыми руководили убежавшие кулаки. Подбор русской части членов артели неудачный, среди них есть классово-чуждые люди.

Тов. Круглов:

Подготовительная работа, предшествовавшая облову озера, проведена совершенно неудовлетворительно. Прежде всего, к недостаткам этой работы надо отнести тот факт, что с самоедами, считающими озеро Нумто своим, никаких разговоров об его облове не велось. И здесь культбаза и Интеграл в лице Шершнева и Хозяинова проявили себя как типичные колонизаторы, забросив без согласия самоедов на их промысловые угодья посторонних людей. Прежде чем ввозить рабочих, забрасывать материалы, приступать к облову озера, надо было переговорить с самоедами и, конечно, на добровольных началах привлечь их к этой работе. Большая доля вины за это упущение ложится на ячейку. Точно также ячейка виновата в необеспечении промысла партруководством. Классовое лицо артели [...] набраны без всякой проверки случайные классово-чуждые люди, которые, естественно, играли на руку классовых врагов. Это обстоятельство ячейка также [недоглядела]. Безобразно проведенная подготовительная работа к облову озера грубо усугублена действиями бригады Шершнева. Эта бригада вместо разрешения вопроса об облове путем массовой работы с остяками и самоедами занялась совершенно недопустимой «военной подготовкой», ставшей известной всем туземцам. Если люди боялись, то незачем было ехать, надо сидеть на месте, а не портить дело. Они создали панику, сами ударились в нее и насамодурничали* так, что теперь долго еще придется тратить силы на ликвидацию последствий этих действий. Бригада Шершнева и Хозяинова скрыла от ячейки свои действия, что не может быть терпимо. Поскольку за каждого члена партии будет отвечать ячейка, каждый должен уяснить себе, что скрывать от нее свои действия – преступно. В части оргвыводов, я думаю, что

мы это обстоятельство должны учесть. При оценке событий надо учесть, что начало их положено неудачно проведенным изъятием кулаков. Неверным является также и то, что с Ямальскими организациями вопрос об облове Нумто не обсуждался, а нам необходимо учитывать то, что озеро входит в состав территории Ямальского округа. Строго осудив действия Шершнева, надо будет наметить конкретные мероприятия для разрядки той обстановки, которая создавалась вокруг облова Нумто.

Тов. Ганин:

Я несколько не склонен расценивать конфликт под углом зрения только действий бригады Шершнева и все события приписывать этому выезду. В первоначальной стадии конфликта, понятно, видную роль сыграли бежавшие кулаки. Дальше, подытоживая всё, тов. Ганин предлагает сделать оргвыводы об исключении Шершнева из партии, объявлением строгого выговора Хозяинову, а также снятием [с] работы Шершнева, Хозяинова и Новицкого. Для проработки же общих выводов и постановления ячеек тов. Ганин предлагает поручить это комиссии в составе: Ганина, Круглова и Мякушко.

Тт. Терентьев и Посохов поддерживают предложение тов. Ганина.

Постановили:

Заслушав доклад бригады тов. Мякушко, ездившей на Нумто для массовой работы среди самоедов и урегулирования вопроса по облову озера, общее собрание ВКП(б) постановляет:

1. Констатировать, что в зимний период облов озера производился артелью русских, проходил без всяких недоразумений, противодействий со стороны самоедов облову озера не было, а наоборот, между ними и артелью рыбаков существовали товарищеские отношения. Первое выступление самоедов против облова озера текущего года явилось следствием не полностью проведенной органами ОГПУ операции по изъятию кулаков, большая часть которых, имеющая родственные связи с самоедами, бежала в тундру и, вследствие отсутствия среди самоедов массовой работы, использовала трудовое население в своих целях для противодействия облову озера. В результате этого вес-

ной [19]33 года самоеды выступили против облова озера. Однако создавшаяся обстановка могла быть своевременно разрешена правильной постановкой массовой работы с самоедами, чего сделано не было.

2. Первая бригада, ездившая на Нумто по вызову самоедов под руководством Шершнева, Хозяинова, допустила своими антисоветскими действиями грубейшие политические ошибки, грубо нарушив основные принципы национальной политики партии и Советской власти, что вместо улучшения обстановки повлекло за собой её обострение и осложнение [...] и дало в руки классового врага новое орудие для борьбы против мероприятий советской власти и партии.

3. На основе материалов бригады Мякушко и других данных, подтвержденных участником поездки на Нумто Хозяиновым, считать установленными следующие факты антисоветских действий бригады Хозяинова, Шершнева:

- 1) поездка на Нумто с четырьмя ружьями, что объективно явилось угрозой населению;
- 2) провоз редьки под видом гранат и опыты с фитилями для зажигания этих гранат на случай их начинки порохом;
- 3) подготовка мешков и веревок на Нумто для связывания кулаков в случае их прихода в артель;
- 4) угроза самоедам, переданная через остяков, прислать 5 самолетов для борьбы с ними в случае их действий против артели;
- 5) оставление политически вредного обращения к самоедам, содержащего угрозы по их адресу.

Этими действиями, известными большинству туземцев Казыма, бригада Шершнева, Хозяинова терроризировала население, настроила против себя самоедов и дискредитировала в глазах остяков и самоедов местные советские организации, руководителями которых являлись члены первой бригады.

4. Отметить, что бригада Шершнева, Хозяинова после возвращения с Нумто скрыла указанные действия от своей ячейки ВКП(б), а также от районного комитета партии.

5. Считать совершенно недопустимым такое положение, когда перед обловом озера и строительством барачных с самоедами массовой работы проведено не было, заброшенная зимним пу-

тем артель партийным руководством не обеспечена и, наконец, состав самой артели проверен не был, в результате чего в артели оказалось несколько классово-чуждых людей. В этом случае ячейка ВКП(б) допустила большую ошибку зимой [19]32–[19]33 года, и эта ошибка должна расцениваться как притупление классового чутья, передоверия руководство и ответственность случайным, неизученным лицам.

6. Принять к сведению, что вторая бригада, направленная на Нумто ячейкой культбазы, выявив приведенные выше факты, не смогла провести работу непосредственно с самоедами из-за невозможности проехать к ним и провела мероприятия по мобилизации на лове самой артели, сняв одного активного подкулачника и установив из сообщения находящихся на Нумто остяков факт разрешения самоедами ловить все лето и два месяца по льду рыбу, что было скрыто переводчиками-остяками, участниками облова, от русских членов артели.

7. Отметить, что бригада Мякушко, установив на месте факты действий прошлой бригады, недостаточно резко их осудила и не выполнила данного ей наказа о закреплении одного бригадира на озере до осени, а также не пополнила артели ушедшими из нее остяками.

8. Собрание считает, что допущенные бригадой Шершнева антисоветские действия требуют проведения через туземцев большой массовой работы, и самого резкого их осуждения, и мобилизации трудового населения через это на выполнение плана путины.

9. В соответствии с изложенным необходимо провести следующие мероприятия:

- 1) по линии культбазы и интеграла с установлением санного пути провести массовую работу с самоедами и обсудить с ними, в частности, вопрос о дальнейшем облове озера;
- 2) провести собрание с обсуждением действий бригады Шершнева во всех юртах на группе бедноты и открытом партсобрании культбазы. Поручить красной лодке проведение этой работы на всех песках по Казыму;
- 3) провести дополнительную чистку артели на Нумто и просить окружную бригаду практически провести это,

поставив одновременно вопрос о пополнении артели ушедшими из нее остяками;

- 4) поручить Интегралу при первой возможности забросить на Нумто необходимые продукты, часть которых просить окружную бригаду взять с собой;
- 5) просить РК ВКП(б) о выделении на Нумто уполномоченного по рыбозаготовкам в связи с ослаблением партячейки культбазы;
- 6) просить РК ВКП(б) о командировании на культбазу двух работников для Интеграла и тузсовета.

10. Признавая преступные действия членов первой бригады, и учитывая, что ответственность в этом случае ложится главным образом на ее политических руководителей Шершнева, а также Хозяинова:

- 1) Шершнева А. Д., члена ВКП(б) с 1928 года, зам. зав. культбазой, из партии исключить и с работы снять;
- 2) в связи с тем, что по предварительным данным, Хозяинов непосредственного участия в «военной подготовке» не принимал и заявлял Шершневу о ее прекращении, хотя молчанием санкционировал эти действия и от ячейки их скрыл – Хозяинову – члену ВКП(б) с 1926 года, председ[ателю] правления Интегралтоварищества объявить строгий выговор с предупреждением и с работы снять;
- 3) обязать тов. Круглова снять с работы и выслать с культбазы участника бригады Шершнева, – лишенца Новицкого – и дело о нем направить в РУ ОГПУ;
- 4) вопрос о пред[седателе] тузсовета Спиридонове обсудить на заседании тузсовета, но вследствие его неразвитости, считать, что к нему меры воздействия должны быть значительно смягчены.

11. Настоящее постановление проработать на всех собраниях.

Председатель	[подпись отсутствует]	Ганин
Секретарь	[подпись отсутствует]	Круглов

* Так в тексте.

ГА ОПОТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 171. Л. 9–11об. Машинопись.

Документ № 7

**Доклад
комиссии Остяко-Вогульского окрисполкома
и окружного ВКП(б), командированной на озеро Нумто
в связи с недоразумениями,
возникшими между ненцами (самоедами)
и Казымским интегральным т[оварищес]твом
и культбазой по облову озера Нумто**

[б. м.]

21 сентября 1933 года

Комиссия в составе представителя окружкома ВКП(б) и окрисполкома – замест[ителя] председателя ОкрРИКа тов. Ганина А. А., пред[седателя] комиссии, и представителей Березовского РК ВКП(б) и райисполкома тт. Посохова З. Н. и Терентьева Г. Ф. (члены комиссии), детально ознакомившись с имеющимися на культбазе и партиейке материалами о событиях, происшедших весной этого года на озере Нумто, и особенно с материалами происшедших весной этого озера на озере Нумто второй бригады к[ульт]базы, ходившей на Нумто под руководством члена партии тов. Мякушко, возвратившейся 18 июля с/г, – выехала на озеро Нумто лодкой с подвесным мотором “Архимед” после полудня 26 июля. В вершину Казыма комиссия прибыла 3 августа в 11 часов дня, проделав путь исключительно мотором, чистого ходу которого было (без вынужденных остановок и ночлегов) 83 часа 40 минут. Средний ход лодки был 9–10 км в час.

С места остановки лодки на озеро Нумто комиссия вышла 3 августа в 14 часов 30 минут пешком без проводника с одним компасом и туманным указанием 2-й бригады к[ульт]базы, что озеро находится на северо-востоке. Не дойдя сажен 200–250 до чума Молданова Н. П., Артемова П., находящегося недалеко на озере Нумто, мы вынуждены были в силу наступившей темноты заночевать и уже утром 4 августа в 9 часов утра были в чуме Молданова Н. Н., где и получили указания о местонахождении промысла. На промысел Интегр[ального] т[оварищес]тва прибыли 4 августа в 13 часов 30 минут, следовательно, весь путь от лодки до промысла на берегу озера мы проделали в 9 часов ходьбы пешком и [с] довольно частыми остановками на отдых.

Положение на озере Нумто

По приходу на озеро комиссия занялась проверкой из первоисточников уже известных по постановлениям ячейки и района, а также из писем зав. промыслом т. Белозерова событий, имевших место на Нумто, и выяснением и изысканием возможностей встречи комиссии с ненцами для личного разрешения всех спорных вопросов непосредственно с ними о дальнейшей судьбе промысла на озере и облова озера, т. к. в задачу комиссии входило главным образом это, а затем дополнительная проверка уже установленных ранее неверных действий Казымского интегр[ального] т[оварищес]тва и особенно бригады к[ульт]базы под руководством Шершнева, Хозяинова. Комиссия установила путем опросов и разговоров с туземцами и русскими, что ненцы ведут и сейчас наблюдение за озером, т. к. представители их в числе 2-х человек приезжали 11 мая с. г., осматривали произведенные постройки и сделали замечание, что ведь мы (ненцы) Вам разрешили сделать только склад для материалов и продуктов, а избы не разрешали, и на заявление русских, что им жить негде, покачали головой с восклицанием: «Ну и русь, русь».

Второй известный русским случай посещения ненцев был только за 3 дня до нашего прихода на озеро. Тут ненцы, побывав у Артемова Павла – очевидно, своего уполномоченного – уклонились от встречи с русскими. Сколько раз всего бывали ненцы затем на озере – неизвестно, т. к. русским туземцы (ханты) не говорят (скрывают).

Имея задачу непосредственной встречи с ненцами урегулирование конфликта путем личных переговоров комиссия первым делом занялась изысканием путей для этого, но натолкнулась на упорное нежелание этого со стороны некоторой части туземцев, знающих местопребывание ненцев и имеющих, очевидно, с ними тесную связь (Артемов Павел и Молданов). В результате переговоров о посылке ходока за ненцами мы встретили целый ряд возражений, как-то: «Ненцы на озеро сейчас не пойдут», «Ненцев сейчас не найти, так как они кочевьями далеко откочевали».

Ненцы просили до осени их не беспокоить, т. к. «в тундре комариная пора и волков много» (заявление Молданова Н. и Ар-

темова П.), из всего было видно, что Молданов (зять Артемова) очень не хочет идти к ненцам, и оба они ищут предлога отказаться от ходьбы. Имея такое положение, комиссия решила установить возможность вызова ненцев через общее собрание рыбаков-туземцев и русских, где окончательно пришлось оставить мысль о немедленной встрече, т. к. выяснилось, что места кочевки и окружающей тундры кроме Молданова Н. Н. (скорые ноги) никто не знает, а на Молданова Н. надеяться нельзя. Во-первых: он является зятем Артемова Павла, доверенного лица на озере от ненцев и причастного к разжиганию недовольства ненцев обловом озера. Во-вторых: Молданов Н. является близким родственником арестованного* [О]ГПУ кулака Молданова Тимофея и сбежавших кулаков Молдановых в самоедскую тундру и даже приходится родственником богатых ненцев. И в-третьих: когда Молданов разыскивал ненцев по заданию бригады Мякушко, то скрыл от нее, что имел встречу в тундре с Молдановым Михаилом – активным участником выступлений ненцев на озере.

На собрании и в отдельных разговорах еще раз подтвердилось всеми участниками лова на озере, что при организации облова озера в декабре 1932 года и после со стороны Казымской партиячейки и правления интегр[ального] т[оварищес]тва не было сделано даже попытки согласования с ненцами в части облова, не говоря уже о какой-либо систематической культурно-массовой работе среди них, но несмотря на это со стороны ненцев не было никаких возражений. Последние к ловцам русским в то время относились дружелюбно и даже во время частых посещений гостились.

Первый крупный приезд ненцев на Нумто с требованием прекращения облова и с требованием выезда на Нумто представителей к[ульт]базы и Интегральн[ого] т[оварищес]тва и тузсовета был 9 апреля с. г. в количестве 8 чел[век]. Вскоре же после операции [О]ГПУ по изъятию казымских кулаков, где кстати сказать, что из десяти намеченных к изъятию кулаков – четыре крупных фигуры успели скрыться в самоедской тундре, причем в числе изъятых кулаков есть близкие родственники самоедов и люди, имеющие огромный авторитет среди ханты и ненцев, как-то Тарлин Павел Семен[ович] – глава казымских шаманов.

Во время приезда ненцы были очень в возбужденном состоянии – требовали немедленного прекращения облова, среди приехавших самоедов был и сбежавший остяк Молданов Михаил – по социальному положению середняк, но по родственным связям крепко связан с кулачеством.

Большую роль в непонимании и недоговоренности со всей очевидностью сыграли и переводчики со стороны туземцев – Спиридонов Иван Григор[евич] и Артемов Пав[ел]. Причем следует отметить, что Спиридонов И. Г. является неплохим оратором среди народа ханты и является убежденным противником советской власти, сейчас середняки не происходят из кулаков (сын крупного кулака, шамана и торгаша Гришки Лохматого, в известные казымские события в 1931 году Спиридонов играл не последнюю роль и на собрании тогда 1931 году сказал: «Чего надо русским, куда они лезут. Надо культбазу сжечь, пепел развеять по ветру, чтобы русским и не пахло». Второй переводчик Артемов П., который, очевидно, является доверенным ненцев и по сие время. Он тоже недостаточно честно выполнял роль переводчика, т. к. многое укрывал от русских, что особенно проявилось при массовом посещении ненцев 21–22 апреля после злополучного посещения озера Нумто бригадой т. Шершнева.

Артемов Павел и Спиридонов И. Гр., скрыли от русских, что ненцы, уезжая 22 апреля с озера, в отмену первоначального категорического запрещения ловить, подтвержденного протоколом, разрешили ловить до зимней дороги.

Полностью подтверждается, что бригада, приехавшая на Нумто по вызову ненцев в составе тт. Шершнева**, Хозяинова, Спиридонова и переводчика Новицкого (лишенец) действительно допустила грубейшие политические ошибки, грубо нарушив основные принципы национальной ленинской политики партии и советской власти, что, естественно, не могло служить мирному разрешению вопроса, а наоборот, чрезвычайно обозлило ненцев, прибывших на озеро 21–22 апреля в количестве приблизительно 70 нарт, которыми на большом расстоянии промысел был окружен. В избушку на промысел пришли не все ненцы, а группа их в 14 чел[овек] под предводительством старшего, при чем по одежде и по обращению группа была исключительно из богатых ненцев, в числе их были, очевидно, и

сбежавшие кулаки – остяки, т. к. несмотря на то что Молданов Мих[аил] сдал на глаза [...], все же Белозеровым был опознан, после чего он с собрания ушел. Требования ненцев на этом собрании сводились:

1. Немедленно прекратить постройку промысла, и прекратить лов, и выехать немедленно с озера.

2. Возвратить увезенных ОГПУ казымских кулаков.

Означенные требования потребовали оформить протоколом, что и было сделано русскими, находящимися на промысле – Белозеровым***.

Что же касается немедленного прекращения лова, то русские отказались, заявив, что у нас есть свои хозяева, а если вы хотите чтобы на озере не ловили, поезжайте на Амню, там и договаривайтесь.

После заявления русских, что если имеете на то право, то делайте с нами, что хотите, ненцы смягчились и разрешили жить до первой дороги, и ловить рыбу только для еды, и закончить строительство склада для сохранения продуктов и материалов. Разрешили также постройку одного неводника небольшого и небольшой лодки и, кроме того, разбили ловцов по угожьям, дав туземцам речки, впадающие в Нумто, а русским разрешив ловить 70 саж[еней] неводом в озерах, при чем близ живущим остякам (юильским) предложено было озеро покинуть, что и сделали 5 семей.

Подписав протокол [с] приложением своих тамг, ненцы обязали его отправить на Амню, что и было сделано. Зав[едующий] промыслом т. Белозеров на второй день отправил на Амню с протоколом и своим письмом туземца Лозямова Афанасия, который через 3 дня (25 апреля) вернулся обратно, заявив, что на дороге километров 70 от Нумто его встретила группа ненцев в колич[естве] 5 чел[овек] и все бумаги отобрала, а самому предложила вернуться обратно на озеро. Среди указанной группы и во главе их, по заявлению Лозямова А., был самоед Аивила – сын родового князя.

Потом были неоднократные попытки со стороны Белозерова А. сговорить туземцев-рыбаков сходить кому-нибудь нарочным на Амню, но туземцы категорически отказывались и даже пожаловались двум ненцам, которые приезжали на озеро Нумто

11 мая, на что самоеды заявили, что у них уехало на Амню 5 человек, но до сих пор нет, что ездить и ходить на Амню бесполезно и не нужно.

Во время собрания 21–22 апреля и дальнейших посещений озера ненцами установилось вполне, что часть туземцев-ловцов заодно с ненцами (Артемов П., Спиридонов И. Г. и Молда-нов И). Причем Спиридонов И. Г. ежедневно заявлял: «Что надо русским? Зачем ехали сюда – знают, что озеро святое, туземцы все равно промыслять не будут», а среди туземцев вел пропа-ганду, что не надо ловить.

При чем следует обратить особое внимание на восклицания отдельных ненцев, очевидно, кулаков на собрании 21–22 апреля и при посещении 11 мая: «Пустить Вас, русских, на Нумто, то Вы и нас потихоньку всех переловите и увезете».

Отсюда можно и необходимо сделать одни выводы, что ненцы-кулаки, безусловно, против проникновения русских в тундру и что озеро Нумто является преддверием к большой не-нецкой тундре.

Подтвердились также все художества бригады т. Шершнева, и участниками бригады тт. Хозяиновым и Спиридоновым они и не опровергались. При чем, очевидно, было настолько вооруже-на бригада, как об этом они трубили везде сами. Опыты с зажи-ганием фитиля (веревка, вымоченная в керосине) для имеющих-ся в мешке бомб (мешок редьки) действительно были. Паниче-ски настроенная бригада своими действиями, лихорадочной подготовкой к военным действиям, выставлением круглосуточ-ного караула, приготовлением мешков и веревок для ожидаемых кулаков внесла моральное разложение на промысел. Все приго-товления Шершнева, разговоры и планы своевременно и акку-ратно передавались ненцам, причем необходимо утвердительно сказать, что специальные приготовления бригады к встрече са-моедов и вынудили последних не приехать 19 мая и оставить себе пару дней на перестройку тундры с целью достойно встре-тить воинственную бригаду к[ульт]базы. И безусловно неверно сообщение Шершнева на имя Березовского Рай[онного] отд[ела] ОГПУ в том, что после отъезда они оставили рыбаков в боевом настроении ловить рыбу, как раз наоборот – они оставили об-становку чрезвычайно нездоровой – взаимоотношения между

рыбаками ханты и русскими весьма нездоровые и крайне натянутые, а такие крайние ненормальные взаимоотношения между русской частью рыбаков и туземной продолжались до самого приезда бригады т. Мякушко.

В результате работы, проделанной бригадой т. Мякушко в этом направлении, положение значительно оздоровилось, но еще неокончательно.

Такое положение получилось в результате недостаточной проработки вопроса по организации промысла со стороны правления Интеграла, а именно:

1. Материальная часть организована крайне плохо: сетематериала заброшено много, но не такой, какой требуется, то же и в отношении продуктов питания, при чем не дано никакой ясной установки, как снабжать, т. е. кредитовать или нет.

2. С людским состоянием еще хуже. Русские и туземцы набраны без всякого разбора, как говорят, приглашали без всякого разбора, как говорят, приглашали всякого, а отсюда можно сделать вывод о качестве и количестве массовой работы и проработке на юртовом объединенном собрании вопроса по облову Нумто.

Рыболовецкой артели как таковой не существовало и не существует. Партийным руководством промысел с начала организации и до настоящего дня не обеспечен.

3. Полное отсутствие какого-либо руководства промыслом со стороны Правления Интегр[ального] т[оварищес]тва.

Все это не могло не отразиться на взаимоотношениях группы рыбаков на Нумто, особенно еще при воздействии со стороны ненцев. В виду отказа туземца Артемова П. подтвердить сообщение бригады т. Мякушко об имеющемся якобы другом решении ненцев, т. е. допустить облов озера до зимней дороги два месяца по льду и не только на еду, но производить заготовку для оправдания произведенных расходов, что было скрыто от русских переводчиками-туземцами, рыбаками Артемовым и Спиридоновым, – комиссия решила вновь вызвать остяка Рандымова Ив[ана], кочевье которого было в 40–35 км от Нумто. Явившийся 8 августа вечером Рандымов Ив[ан] вновь подтвердил – правда, в несколько иной форме, чем он говорил бригаде т. Мякушко. Рандымов сообщил, что при отъезде 22 апреля нен-

цы в разговоре со мной действительно говорили, что затраты сделаны и надо разрешить ловить до зимней дороги приехавшим издалека ханты, а русским до ледостава.

Имея такое подтверждение, комиссия на вторичном собрании рыбаков с активным участием туземцев наметила ряд практических мероприятий по развертыванию лова в целях обеспечения вылова плана в 70 тонн досрочно, т. е. к 16 октября, имея в виду запрещение самоедов производить подледный лов рыбы.

По ходу работы на промысле и в результате обсуждений вылилось, что дополнительная заброска рабсилы на промысел необходима, т. к. ловцов сейчас только фактически 8 чел[век], да на обработке 2 муж[чин] и 3 женщ[ины], при чем туземцы и русские сошлись в одном, что заброску месяца на 1, 1/2 или 2 нужно произвести русских рыбаков в количестве на лов – 5 человек и обработку – 3 человек.

Чрезвычайно существенными доводами рыбаков следует считать, что главным тормозом в выполнении плана в 70 тонн может послужить остаток соли, которой хватит еще тонн на 20, и невозможность посадки сырка (чересчур нежный, быстро засыпает) в сады, даже естественные водоемы.

Что же касается наличия рыбы в озере Нумто, то вопросом таковым никто не занимался, но выводы комиссии т. Мякушко и наши наблюдения и опыт лова говорят, что рыбы очень много.

Озеро Нумто с площадью в 90 кв. км, бесспорно, является богатейшим рыбным водоемом с преобладанием ценной рыбы – сырка, правда очень постного. Нумто через речки имеет сообщение с 5 крупными ссорами, богатыми рыбой и связанных с рекой Надымом. В северной части, точнее, в северо-западной части есть святой остров "Форнь Мур" длины сажень 150–200 и ширины 30–50 с богатейшей растительностью.

Озеро имеет следующие породы рыб: 1) сырок, 2) щука, 3) окунь, 4) язв в незначительном количестве.

В данное время ловится исключительно сырок, при чем ловля происходит ночью, говорят, лучше ловится. Уловы были на двух рыбаков с 10 сетями при ловле 3–5 час[ов] от 3 до 5 центнеров. Следовательно, для досрочного выполнения плана рыбы более чем достаточно.

9 августа в 1 ч. 50 мин. вышли с озера на реку Казым на лодке вместе с 5 рыбаками, которые пошли за остатками груза, который им привезли (чай, табак, сахар, гвозди, [...] и др.), и в 9 ч. были уже на реке. Обратный путь за небольшим исключением пришлось из-за недостатка горючего проделать на веслах, днем, а ночью самосплавом – в Амню на культбазу приехали ночью с 17 по 18 августа.

Выводы

1. Озеро Нумто, граничащее с территорией Казымского хантыйского тузсовета, является богатейшим рыбным водоемом с площадью приблизительно в 90 квадр. километров, имеющим большие запасы ценной рыбы «сырок», связанным речками с 5 крупными рыбными сорами и рекой Надымом. Вместе с вершинами рек Казыма, Надыма и Хеттой, связанным с ним огромным сором, может быть, при хорошей организации дела, одним из крупнейших рыболовных районов округа.

2. Район озера Нумто в данный момент не является местом кочевий ненцев, а рыбные угодья, безусловно, не являются средством существования их, т. к. ненцы в районе озера с 1930 г. не живут совершенно, и, совершенно бесспорно, является преддверием в большую ненецкую тундру, вернее в ту часть тундры, где скрываются кулаки ненцы – крупные оленеводы, недовольные советской властью, и которую (тундру) они считают недосягаемой для русских.

3. Поводом, послужившим к протесту со стороны ненцев против облова озера Нумто, является, безусловно, не «святость озера» (по заявлению туземца Рандымова Ивана и других), что озеро по существу никогда не было святым в полном значении этого слова, а святым на озере является один остров «Форнь Мур» с небольшой площадью вод озера, омывающих остров примерно 2/8 всей площади озера, и где никто не ловил, ни ненцы, ни ханты, остальная же часть озера 8/10 облавливалась и прежде даже купцами, а следующие моменты:

- 1) боязнь крупного кулачества за свою школу (опасения, выказанные при посещении промысла 21–22 апреля, в том что «Пусти Вас, русских, то вы и нас по одиночке переловите и увезете отсюда»);

- 2) изъятых Березовским рай[онным] отд[елом] [О]ГПУ за контрреволюционную деятельность в Казыме;
- 3) игнорирование исконных вотчинных прав ненцев на озере Нумто со стороны к[ульт]базы и правления Интегр[ального] т[оварищества], выразившееся в отсутствии согласования вопроса по облову озера и в непроведении массово-разъяснительной работы среди ненцев. Партячейка к[ульт]базы в лице секретаря ячейки т. Шершнева и правления Интеграл[ьного] т[овариществ]а не считали себя даже обязательным делать это.
4. Вопрос по облову озера остался неразрешенным и конфликт с ненцами остался [не]урегулированным в силу невозможности в летний период вызова самоедов на озеро и вследствие откочевки их на отдаленные от озера участки тундры. Встреча возможна только по первому зимнему пути. Повторный выезд окружной бригады по первым заморозкам, безусловно, необходим.
5. Независимо от утверждения б[ывшего] секретаря Казымской партячейки и зав[едующего] к[ульт]базой тов. Шершнева (см докладную записку Шершнева) о проделанной большой массово-разъяснительной работе по хантыйским юртовым объединениям Казыма при подготовке к лову, результаты обследования промысла говорят как раз обратное, «о недостаточности проведенной подготовке», т. к. материальная часть оборудована плохо, подбор людей в рыболовецкую бригаду произведен случайный и крайне неудачный, полное отсутствие руководства работой промысла со стороны правления интегрального т[овариществ]а и необеспеченность партруководством.
6. Отмеченные в постановлениях Казымской партячейки 17 июня и 18–20 июля и Березовского райкома партии от 20 июня факты грубейшего искривления национальной политики партии со стороны бригады т. Шершнева, Хозяинова при посещении озера Нумто полностью подтверждается, и сообщение т. Шершнева, Хозяинова телеграфом Березовскому РО ОГПУ в том, что «провели работу среди рыбаков Нумто, настроение бодрое, полагаем, что все будет в порядке», – является очковитирательством, не больше.

7. Имея согласие ненцев разрешить лов на озере русским до ледостава, а ханты 2 месяца по льду (из личного сообщения туземца Рандымова Ив[ана]), безусловно необходимо оставшиеся 1–2 месяца до ледостава на озере максимально использовать для вылова рыбы. Намеченный план по вылову к 1 января 1934 года в количестве 70 тонн возможно выполнить досрочно примерно к 15 октября при условии завоза добавочной рабочей силы не менее 8 человек: рыбаков – 5 человек и на обработку рыбы 3 человека, и немедленно обеспечить промысел партийным руководством.

Комиссия:	[подпись отсутствует]	(Ганин)
	[подпись отсутствует]	(Терентьев)
	[подпись отсутствует]	(Посохов)

**Постановление по докладу парткомиссии
«о конфликте между ненцами и Казымским
интегральным т[оварищес]твом
и культбазой по вопросу облова озера Нумто»**

Доклад тов. Ганина

Заслушав сообщение т. Ганина о результатах выяснения на месте конфликта, Бюро ОК констатирует:

1. Озеро Нумто находится на границе Остяко-Вогульского (Берёзовский р-н) и Ямальского округов. Является богатым рыбным водоемом с зеркальной площадью в 90 кв. км, связанным через речки с 5-ю крупными сорами и р. Надымом в северо-восточной части которого находится святой остров – «Форнь мув» длиной 150–200 саж. и шириной 30–40 саж.

2. По данным опроса старожилов, о. Нумто было освоено кочевыми ненцами на основе вотчинного права, которые считали и считают себя хозяевами этого озера.

3. По неточным данным, это озеро облавливалось в течение последних 6 лет частично зажиточной частью хантов и в 1930–31 годах Рыбтрестом по соглашению с ненцами.

4. С 1930 года ненцы ушли в глубь тундры.

5. Казымское интегральное т[оварищес]тво по почину партчейки к(ульт)базы и санкции Казымского тузсовета с 15 декабря [19]32 года организовало промысел по вылову рыбы с планом в 70 тонн при отсутствии возражений со стороны их.

6. В связи с изъятием в апреле 1933 кулаков-хантов органами ОГПУ, оставшаяся кулацкая часть хантов и скрывшаяся в ненецкую тундру 6 кулаков, подлежащих изъятию, повели агитацию среди кулаков ненцев и совместно выработали требование об освобождении взятых кулаков, в противном случае они не дают согласия на дальнейшее облавливание озера Нумто.

7. Бригада в составе тт. Шершнева (зам. зав. культбазой), Хозяинова (пред. инт[егрального] т[оварищес]тва, Спиридонова – пред[седателя] тузсовета и переводчика Новицкого (лишенец), секретаря тузсовета, выехавшая на места для улаживания конфликта вместо организации массово-разъяснительной работы через хантыйско-ненецкую батрацко-бедняцкую и середняцкую часть встала на открытый путь подготовки на случай выступле-

ния кулаков — хантов и ненцев, выразившийся: подготовка оружия, организация караула, зарядка редьки по-рохом, опробование пропитанного керосином шнура и подготовка мешков и веревок для связывания кулаков и т. д.

8. Несмотря на известность приезда ненцев (21 апреля), бригада не дождалась этого обусловленного срока и выехала обратно в Амню, чем поставила в затруднительное положение рыбацкую артель и озлобила ненцев, оставив им ответную грамоту, содержащую в себе моменты угроз ненцам.

9. Бюро ОК отмечает, чтобы вместо того, чтобы повести массово-разъяснительную работу с беднячко-среднячком частью хантов и ненцев об экономической целесообразности организации промысла на озере Нумто, об осознании их классовых интересов, совершенно различных по своей природе от кулаков и шаманов, вооружить их на борьбу против кулаков и шаманов, повести их по пути осуществления мероприятий по ограничению и вытеснению кулачества как необходимых мер, вытекающих из политики партии вообще и, в частности, из политики национального строительства, — Казымская партиячейка и работники культбазы встали на путь грубого искажения национальной политики, этим самым дали возможность кулакам и шаманам найти причину — опору на о[зеро] Нумто — для привлечения на свою сторону беднячко-средняцкую часть хантов и ненцев и выставить политическое требование об освобождении изъятого контрреволюционного кулачества, в результате чего конфликт остался неурегулированным.

10. После чего командированная в июле месяце партийная комиссия Окружкома ВКП(б), на месте озера Нумто установившая наличие всех вышеуказанных искажений политики партии бригадой Шершнева, засоренность классово-чуждым элементом рыбацкой артели, работающей на о[зере] Нумто (Спиридонов — ханты, сын крупного кулака — шамана, Дудников — русский, сын кулака, Байчук и Кайгородов — зараженные великодержавным шовинизмом, что ненцы не возражали против облова озера до ледостава. Что бригада Шершнева, неждавшись их приезда, этим самым сорвала переговоры, не урегулировала конфликта, отсутствие партруководства и руководства правления Казымского интеграл[ного товариществ]а

промыслом на озере Нумто – не могла урегулировать конфликта с ненцами, вследствие откочевания их в глубь тундры и отсутствия средств вылова их и поездки на место их стоянки.

11. Объяснения секретаря Казымской партиячейки Шершнева****, посланного на имя Оргинстра ЦК ВКП(б) и Комитет Севера при ВЦИК, выразившееся: «Не мог предвидеть протеста ненцев против облова озера», «Не располагал силами и средствами, обслужив[ающим] персоналом Ямальского округа», «Не мог знать ухода кулаков-хантов на территорию Ямальского округа», «Невозможность обеспечения партруководством облова озера Нумто» и, наконец, заявление, что рыболовная артель по облову озера Нумто после его отъезда осталась в бодром настроении и что его бригада провела достаточную массовую работу, и все будет в порядке. Бюро ОК расценивает, как правооппортунистическую изворотливость, выражавшуюся в недооценке классовой борьбы, политического состояния в тундре, и очковитательство.

12. В целях ликвидации создавшегося политического состояния в верховьях Казыма по вопросу облова озера Нумто Бюро ОК постановляет:

- 1) С наступлением санного пути (ноябрь мес.) вновь командировать на место ответственную партийную комиссию в составе не менее трех человек с включением в [н]ее дополнительного представителя Ямальского окружного комитета ВКП(б) по договоренности с ним сроком не менее чем на 2 месяца.
- 2) Задачей комиссии поставить: организацию массово-разъяснительной работы с беднотой и лучшей середняцкой частью по разъяснению создавшегося конфликта, экономической целесообразности облова озера, поднятие этим самым материального уровня на базе организации простейших производственных объединений. Культурно-массовая работа должна быть поставлена по разъяснению классовых различий батрачества и бедноты от кулаков и шаманов – в опоре на бедноту – в союзе с середняком поставить работу по созданию и воспитанию крепкого большевистского б[ез]п[артийного] актива за очищение от кулацкого шаманского элемента и недопу-

щение их приема в простейшие производственные объединения и колхозы и Инте-гральные т[оварищес]тва. Укрепление работы среди женщин, борьба с пережитками и предрассудками родовых отношений, постановка работы по ликвидации неграмотности. Вся эта работа должна войти составной частью Казымской партиячейки, культбазы и тузсовета. В хозяйственной работе района деятельности Казыма комиссия в своей работе должна обратить внимание на устранение отмеченных недочетов в области работы интегральной кооперации (руководство промыслами, обеспечение промысла необходимым материалом, целевое снабжение и т. д.).

- 3) За допущенные перегибы, грубое искажение национальной политики секретарем ячейки т. Шершневым и пред[седателем] Интегральн[ого] т[оварищес]тва Хозяиновым вследствие отсутствия и представителя Березовского РК ВКП(б) – дело с их партийности передать в ОкрКК ВКП(б).
- 4) Поручить фракции ОкРИКа обсудить специально вопрос о работе Пред[седателя] тузсовета Спиридонова и т. секретаря совета Новицкого (лишенец) на предмет привлечения их к ответственности.

** Исправлено, в документе взятого.*

*** Исправлено, в документе ошибочно. Терентьева*

**** Исправлено, в документе ошибочно. Белозерским*

***** Исправлено, в документе ошибочно. Шерстнева*

ГА ХМАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 61–67. Машинописная копия.

Документ № 8

**Протокол объединенного заседания группы бедноты,
инт[егрального] тов[арищес]тва,
Казымского тузсовета Берёзовского района**

[Казымская культбаза]

7 мая 1933 г.

Присутствуют: члены группы бедноты Спиридонов Прокопий, Тарлин Ив[ан] Ник., Тарлин Макар, Мякушко П. С., Дедюхин Н. Д., Калабина Е. Л., Шершнев А. Д., Хозяинов И. Л., приглашённые Сургутсков, Пронечкин.

Председатель заседания: Хозяинов.

Секретарь: Калабина.

Слушали: информацию о просмотре списков лиц, лишенных права голоса на предмет дачи последним твёрдого задания (докл. Хозяинов).

Постановили: Заслушав информацию о даче твёрдых заданий кулакам, заседание группы бедноты считает необходимым дать твёрдое задание следующим лицам и по видам, соотносясь в каждой семье [количеством] трудоспособных членов семьи и имеющимися орудиями лова, а также оленей и пр.

1. Захаровы Данил и Дмитрий – по рыбе 5 тонн, по пушнине на 1000 рублей, дичь – 100 пар, по оленям 20 голов.
2. Молданов Сергей Кириллович – по рыбе 5 тонн, по пушнине на 1000 рублей, дичь – 150 пар, ягоды – 10 центнеров, по оленям – 50 голов.
3. Молданов Ефим Васильевич – по мехсырью – на сумму 500 рублей, по оленям 10 голов.
4. Тарлин Павел Семёнович – по дичи 50 пар, ягоды 10 центнеров, по оленям 10 голов.

Просить президиум тузсовета о рассмотрении и утверждении данного постановления группы бедноты о даче твёрдых заданий.

ГА ХМАО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 13. Л. 5–6. Рукопись.

Документ № 9

**Секретная телеграмма
через полномочного представителя ОГПУ Минаева**

[б. м.]

11 декабря 1933 года

Первое формирование отряда намечаем [в] Березове, куда с утра 11 начнем одиночками и группами [по] 2–3 человека стягивать отобранных в Самаровском районе тридцать пять коммунистов и красных партизан, в Березовском 25. Составить отряд из большого количества людей не сможем.

ГА ОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 121. Л. 111. Машинописная копия.

Документ № 10

**Телеграмма в Свердловский областной
комитет ВКП(б) Кабакову,
в областной исполнительный комитет Головину,
Полномочному Представителю ОГПУ Решетову**

[Казымская культбаза]

не раньше 18 декабря 1933 года

Допрошенный нами Никитин дал ряд подробностей: выездду плененной бригады от Нумто на стойбище предшествовала поездка к ненцам для приглашен[ия] их на Нумто председателя Казымского тузсовета Спиридонова, туземца Артемова Павла, которые, возвратившись, передали бригаде приглашение ненцев прибыть на стойбище. Никитин прибыл на стойбище к ненцам позднее бригад и четверт[ого] декабря по записке Астраханцева, направленной до его отъезда с Нумто, тогда когда бригада уже [была] перевязана, кроме членов тузсовета Спиридонова, Каксина, Волдина, пользовавшихся полной свободой. Никитин был избит, связан не ненцами, а остяками Молдановыми, скрывавшимися в тундре, его показания: на стойбище находилось больше остяков казымцев, нежели ненцев.

Требования Никитин писал под диктовку старика остяка в присутствии членов тузсовета и бежавших кулаков остяков Молдановых, при чем Спиридонов потребовал включение пункта об освобождении их от обязанностей членов тузсовета, т. к. советская власть с ними не считается и не делает так, как хочет народ. Текст требований неграмотно записан, но база, информируя район, переда[ла] правильно требования, упустила ряд существенных подробностей, обосновывающих выставление требований, текст подлинного требования передаем отдельно. Члены тузсовета раньше Никитина выехавшие от ненцев, не заехали в Нумто за оставшимся там членом бригады секретарем ячейки базы Мякушко, который вернулся [на] базу [с] Никитиным.

Эта роль членов тузсовета по подготовке событий подтверждается данными [О]ГПУ: Каксину [при] пьянке туземцев пятнадцатого декабря Ерныхов [Иван Андреевич] говорил, что его ненцы любят и в ту поездку он был дорогим гостем, оба знали [о] подготовке еще летом, Спиридонов [с] находящимся [на]

стойбище связан родством. Основания этих данных после проверки из [...] на базе не исключается возможность взятия их заключниками, на что требуется ваша санкция.

Последние данные: ненцы для связи поставили [в] трех километрах [от] Нумто на дороге туземца Артемьева Павла, неоднократно предупреждающего рыбаков Нумто [об] истечении поставленного срока ненцами об уходе из озера, грозя иначе убийством ненцами.

Сообщение секретаря ячейки Полноватского тузсовета: кулачество, пользуясь событиями Казыма, ведет агитацию [за] отмену целевого снабжения. [На] собрании туземцев [в] юртах Тугияны заявили: «Если не отменит советская власть целевое снабжение, пойдем ломать двери складов, в тех же юртах туземец Гришкин Константин, заряжая патроны, заявлял: «Придется поохотиться за русскими». Формирование отряда закончено. Руководствуясь Вашей директивой [от] 18 декабря, переданной через Самарово, мы отрядом сосредотачиваемся не на Нумто, а на культбазе, откуда, используя все тактические возможности, поведем работу по выручке наших людей. Выезжаем [на] культбазу. Связь с нами через Березово.

[подпись отсутствует]	Чудновский
[подпись отсутствует]	Булатов
[подпись отсутствует]	Сирсон

ГА ОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 12. Л. 91. Машинописная копия.

**Список лиц, проходивших по делу № 2/49
о контрреволюционном выступлении
против советской власти
туземцев Казымской тундры**

1. Спиридонов Прокопий Ефимович – председатель Казымского тузсовета; 60 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Выргимские Казымского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк; избирательных прав не лишен; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

2. Вандымов Ефим Семенович; 70 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ильбигортские Казымского тузсовета, последнее место жительства – юрты Лямино Самаровского района; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный, беспартийный; социальное положение – «кулак», «шаман на бубне»; об избирательных прав сведений нет; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

3. Молданов Андрей Петрович; 70 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», «шаман на бубне»; лишен избирательных прав; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

4. Сенгепов Иван Ефимович; 70 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Курьинские Казымского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», «шаман на топоре»; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

5. Молданов Иван Яковлевич (старший); 52 года; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», родовой князь; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

6. Рандымов Иван Николаевич; 55 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Мазямские Вершинского тузсовета Самаровского района, последнее место жительства – юрты Ильбигортские; вдовец (1 сын); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», «шаман на топоре»; лишен избирательных прав; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

7. Молданов Ефим Васильевич; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; вдовец (семья 3 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», шаман; лишен избирательных прав; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

8. Молданов Ефрем Иванович; 35 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; о социальном положении сведений нет; лишен избирательных прав; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

9. Вылла Опысев; 35 лет; национальность – ненец; место жительства – район реки Надым, приписанный к Сургутскому району; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – кочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», шаман; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

10. Молданов Николай Михайлович; 70 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 3 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на бубне»; лишен избирательных прав; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

11. Сенгепов Кирилл Иванович; 40 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; о социальном положении сведений нет; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

12. Молданов Михаил Васильевич; 40 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 6 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

13. Сенгепов Михаил Тихонович; 35 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 3 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 5 лет лишения свободы.

14. Молданов Михаил Яковлевич; 56 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Вовр Вош юхан Юильского юртового объединения Казымского тузсовета; женат (семья 7 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – кочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк, «шаман на бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

15. Молданов Ксенофонт Петрович; 45 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 7 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

16. Молданов Иван Яковлевич (младший); 45 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; вдовец (3 детей); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

17. Вандымов Петр Ефимович; 40 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ильбигортские Казымского тузсовета; вдовец (4 детей); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

18. Молданов Григорий Яковлевич; 46 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 6 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака», родового князя, «кулак», «шаман на бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

19. Молданов Петр Яковлевич; 35 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 2 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака», родового князя, по справке тузсовета – середняк; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

20. Молданов Кирилл Петрович; 60 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк, «шаман на бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

21. Молданов Кирилл Андреевич; 32 года; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 7 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака»; лишен избирательных прав; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

22. Молданов Гаврила Иванович; 23 года; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; холост; вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

23. Тарлин Антон Ефимович; 33 года; национальность – ханты; место жительства – юрты Ильбигортские Казымского тузсовета; женат (семья 7 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; о социальном положении сведений нет; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

24. Молданов Семен Васильевич; 30 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака», по справке – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 7 лет лишения свободы.

25. Аны Енста; 50 лет; национальность – ненец; место жительства – уроженец верховьев реки Лайны-Мала Березов-

ского района; женат (семья 4 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – кочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», шаман; избирательных прав не лишен; мера наказания – оправдан.

26. Вылла Нючемек; 50 лет; национальность – ненец; место жительства – район озера Нумто; женат (семья 2 жены, 4 детей и сестра); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – кочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак»; избирательных прав не лишен; о мере наказания сведений нет.

27. Аны Комзя; 32 года; национальность – ненец; место жительства – уроженец верховьев реки Лямино Сургутского района; женат (семья 7 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – кочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

28. Аны Поята; 60 лет; национальность – ненец; место жительства – уроженец верховьев реки Лямино Сургутского района; женат (семья 2 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – кочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

29. Молданов Иван Кириллович; 30 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 3 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

30. Молданов Тимофей Кириллович; 20 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 2 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман в темном чуме»; об изби-

рательных правах сведений нет; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

31. Ерныхов Данил Иванович; 30 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Амнинские Казымского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака»; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – оправдан.

32. Тарлин Егор Ефимович; 20 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Курьех Казымского тузсовета; холост; вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

33. Молданов Иван Андреевич; 31 год; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; холост; вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак»; лишен избирательных прав; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

34. Артемьев Павел Иванович; 68 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ильбигортские Казымского тузсовета; женат (семья 4 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк, «шаман на бубне»; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 3 года лишения свободы.

35. Рандымов Николай Иванович; 24 года; национальность – ханты; место жительства – юрты Ильбигортские Казымского тузсовета; женат (семья 1 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – сын «кулака»; лишен избирательных прав; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

36. Молданов Иван Иванович; 59 лет; национальность – ханты; место жительства – Юильский городок Казымского тузсовета; женат (семья 6 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк, «шаман на бубне»; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

37. Волдин Петр Алексеевич – член Казымского тузсовета; 58 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ильбигортские Казымского тузсовета; женат (семья 3 человека); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 3 года лишения свободы условно.

38. Молданов Петр Карпович; 73 года; национальность – ханты; место жительства – юрты Оленские Полноватского тузсовета; женат (семья 2 человека); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», «шаман на бубне»; лишен избирательных прав в 1933 г.; мера наказания – расстрел с конфискацией имущества.

39. Молданов Иван Михайлович; 33 года; национальность – ханты; место жительства – юрты Ванзеватские Полноватского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – бедняк, «шаман на топоре, бубне, в темном чуме»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 10 лет лишения свободы.

40. Юмин Иван Алексеевич; 46 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Самутнельские Полноватского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре, бубне, в темном чуме»; лишен избирательных прав в 1933 г.; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

41. Юрьев Петр Иванович; 50 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Мангутлорские Полноватского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре и бубне» (среди туземцев слывет колдуном); лишен избирательных прав в 1920 г., но в 1933 г. был восстановлен; мера наказания – 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

42. Пендахов Григорий Яковлевич; 50 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ребятские Полноватского тузсовета; вдовец (семья 3 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре и бубне»; лишен избирательных прав; мера наказания – 3 года лишения свободы.

43. Молданов Илларион (Норка) Алексеевич; 27 лет; национальность – ханты; место жительства летом – юрты Ванзеватские Полноватского тузсовета, зимой – юрты Вотма кэрт; женат (семья 4 человека); вид промысла – охота, рыболовство; нет сведений о разряде, к которому относилось хозяйство; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак», «шаман на бубне и топоре»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 5 лет лишения свободы.

44. Молданов Степан Осипович; член Полноватского тузсовета; 45 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ванзеватские Полноватского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре»; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – оправдан.

45. Молданов Степан Ефимович; 30 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ванзеватские Полноватского тузсовета; женат (семья 3 человека); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре, бубне, в темном чуме»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 3 года лишения свободы.

46. Инырев Ксенофонт Васильевич; 40 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Мазямские Полноватского тузсовета; женат (семья 2 человека); вид промысла – охота; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре и бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 3 года лишения свободы.

47. Пендахов Иван Алексеевич; 45 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ребятские Полноватского тузсовета; женат (семья 6 человек); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – «кулак»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 5 лет лишения свободы.

48. Сангин Матвей Матвеевич; 52 года; национальность – ханты; место жительства – юрты Хуллорские Казымского тузсовета; женат (семья 5 человек); вид промысла – оленеводство, охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – полукочевое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк, «шаман на топоре, бубне»; избирательных прав не лишен; мера наказания – 3 года лишения свободы.

49. Юмин Никифор Алексеевич; 32 года; национальность – ханты; место жительства – юрты Русь-Самутнель Полноватского тузсовета; женат (семья 4 человека); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 3 года лишения свободы условно.

50. Молданов Максим Иванович; 70 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ванзеватские Полноватского тузсовета; женат (семья 3 человека); вид промысла – охота, рыболовство; разряд, к которому относилось хозяйство, – оседлое*; неграмотный; беспартийный; социальное положение – середняк; об избирательных правах сведений нет; мера наказания – 3 года лишения свободы условно.

51. Молданов Ефим Дмитриевич; 45 лет; национальность – ханты; место жительства – юрты Ванзеватские Полноватского тузсовета; женат (семья 7 человек); о виде промысла сведений

нет; разряд, к которому относилось хозяйство, — оседлое*; неграмотный; беспартийный; о социальном положении сведений нет; избирательных прав не лишен; мера наказания — 3 года лишения свободы условно.

Примечание. В список не вошел ненец **Аны Силя**, который был приговорен к 5 годам лишения свободы условно.

* *Единоличное хозяйство.*

*Список составлен из документов фондов БИКМ,
№ 767. ГА ОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 209.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО АМО «Березовский район» – Архивный отдел администрации муниципального образования «Березовский район»

БИКМ – Березовский историко-краеведческий музей

ГА ОПОТО – Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГА СПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

ГА ХМАО – Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа

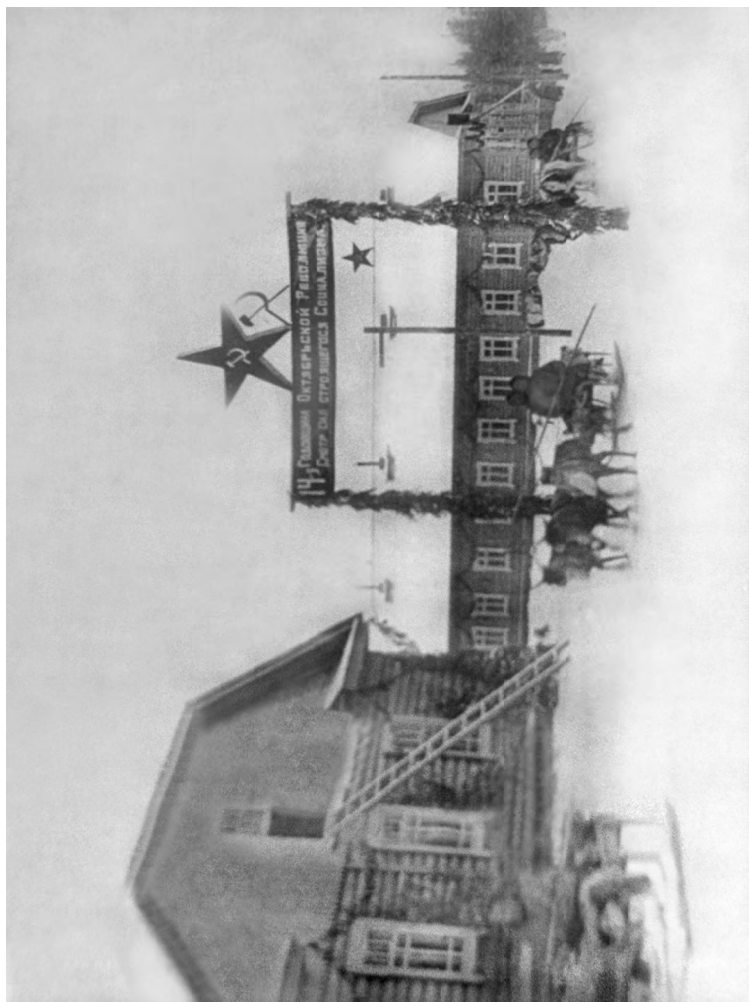
ГМПиЧ – Государственный музей Природы и Человека

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ПП ОГПУ – Полномочный представитель Объединенного государственного политического управления

РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории

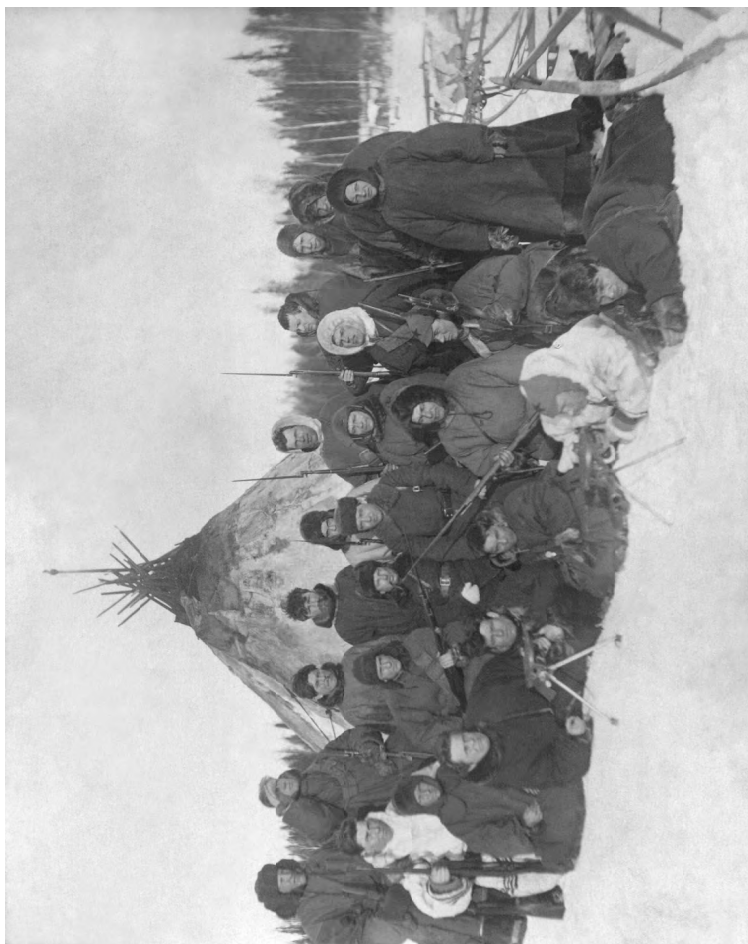
ИЛЛЮСТРАЦИИ



Празднование 14-й годовщины Октябрьской революции. Казымская культбаза.
Фото А. Н. Лоскутова. 1931 год.



Первое «ядро» школьников Казымской школы-интерната. В центре – заведующий школой-интернатом
В. В. Вострокнутов. Фото А. Н. Лоскутова. 1931 год.



Опергруппа ОГПУ, проводившая карательную операцию в тундре.
Фотограф неизвестен. Март 1934 года.



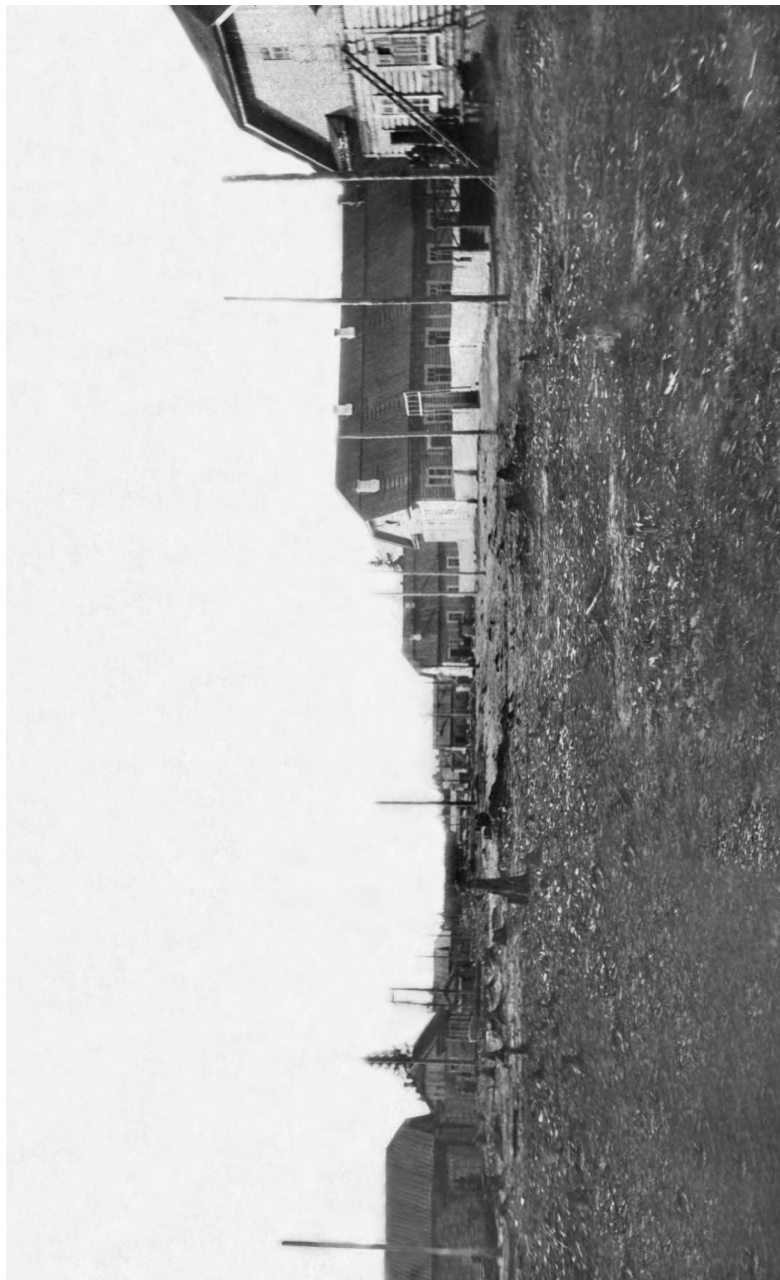
Учащиеся младших классов на уроке математики. В центре – А. Н. Лоскутов. 1934 год.



На школьном празднике. Фото А. Н. Лоскутова. 1934 год.



Закладка первого огорода на культбазе. Фото А. Н. Лоскутова. 1934 год.



Первая улица Казымской культбазы. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Ученики Казымской школы-интерната на уроке физкультуры с учителем А. Н. Лоскутовым.
Фото А. Н. Лоскутова. 1935 год.



Казымские школьники на первомайской демонстрации. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Инсценировка сказки «Три поросенка» актерами драмкружка Казымской школы-интерната.
Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Столовая Казымской школы-интерната. Фото А. Н. Лоскутова. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Спальная комната школы-интерната. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Учащиеся школы-интерната в столярной мастерской на уроке трудового обучения.
Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Ученики филиала школы-интерната на уроке с учителем (Юильск).
Фото А. Н. Лоскутова 6 апреля 1936 год.



Группа учениц-девочек у здания Казымской школы-интерната. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Стрелковые соревнования среди женщин. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Одна из первых родильниц в роддоме больницы
Казымской культбазы. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 год.



Избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет РСФСР. Фото В. Г. Балина. 1938 год.



Празднование 1 Мая. В центре - группа гостей из соседних юрт. Фото В. Г. Балина, 1939 год.



Лучшие стрелки национальной олимпиады.
Фото В. Г. Балина. 1939 год.

**Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок**

О. Д. Ерныхова

**Казымский мятеж
(Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.)**

Второе издание, дополненное

Редактор, корректор Саханенко И.И.
Верстка Мохтаров М.Р.

Подписано в печать 21.12.2010
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 13,4. Тираж 300 экз. Заказ № 112.

Отпечатано в Информационно-издательском центре
Югорского государственного университета,
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16